Владимир Гуляев

Вовкины истории

Книга 1. Вовка

ВОЛГОГРАД
Издательство «Перископ-Волга»
2021

16+

УДК 882(082)
ББК 84(2Рос)-5я43
Г 94

Гуляев, Владимир
Г 94 **Вовкины истории.** Книга 1. Вовка / Владимир Гуляев. – Волгоград: Перископ-Волга, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-907453-12-8

УДК 882(082)
ББК 84(2Рос)-5я43

Литературно-художественное издание

Владимир Гуляев

Вовкины истории

Книга 1. Вовка

Подписано в печать 11.06.2021. Усл. п. л. 9,3.
Бумага офсетная. Формат 148x210.
Печать офсетная. Гарнитура PetersburgC.
Тираж 500 экз. Заказ № 2021/50.

16+

Издательство ООО «Перископ-Волга»,
400007, г. Волгоград, ул. Вершинина, 22.

ISBN 978-5-907453-12-8

© Владимир Гуляев, текст, иллюстрации, 2021
© Александр Кафтанов, дизайн обложки, 2021
© Издательство ООО «Перископ-Волга», 2021

От автора

Любой театр, как известно, начинается с вешалки.

А наша жизнь – театр, как сказал В. Шекспир монологом Жака:

«Весь мир – театр. В нём женщины, мужчины – все актёры. У них свои есть выходы, уходы. И каждый не одну играет роль. Семь действий в пьесе той. Сперва младенец, ревущий горько на руках у мамки... Потом плаксивый школьник с книжной сумкой, с лицом румяным, нехотя, улиткой ползущий в школу...»

И мы, каждый, как актёры по жизни, имеем свои «вешалки и гардеробные», заполняющиеся многими «коробками», но их содержимое нами забывается до поры до времени. И только с годами у нас появляется время заглянуть в них и извлечь «пылившееся» долгое время.

А там – детство и юность! И они прятались в пирамидах впечатлений взрослого человека, насыпаемых временем.

Десятки лет наша память скрывала от нас самих наши воспоминания о ранних годах жизни и всё то, что происходило с нами в детстве и юности, прятало безжалостно и неумолимо.

Прошлое забылось надолго, но не навсегда.

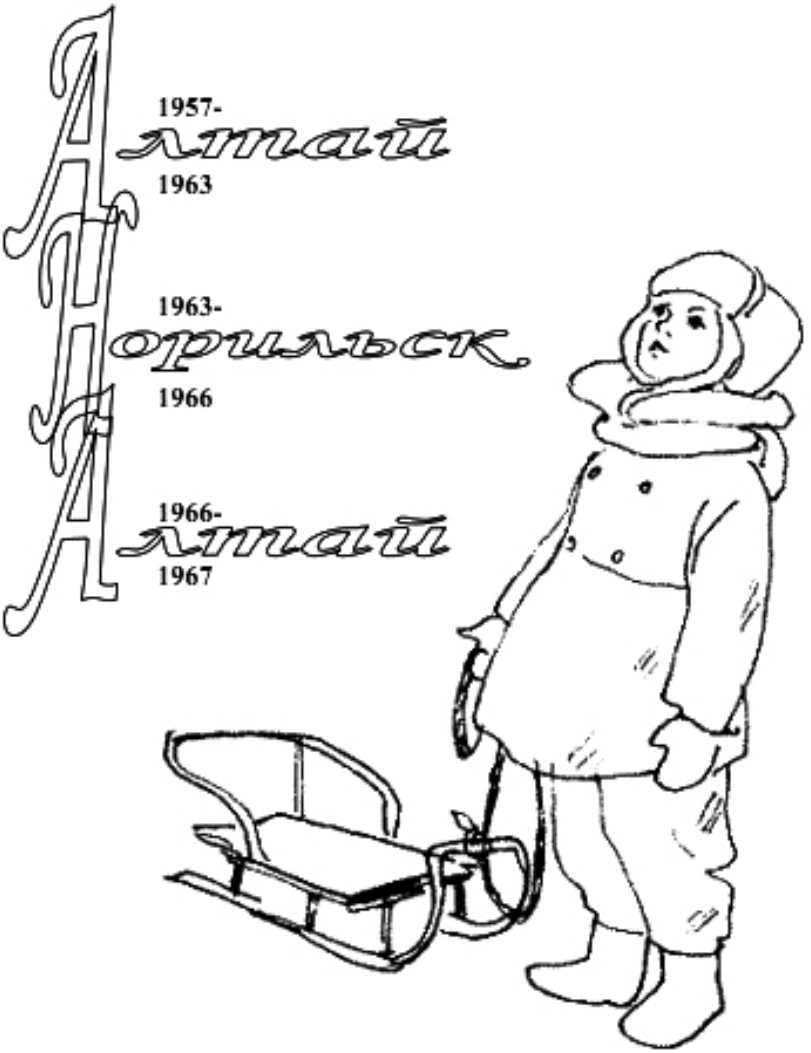
И вот с годами часть воспоминаний начала проявляться как фотопленка, постепенно, кадр за кадром, год за годом, выстраиваясь в сюжет, как в кинохронике, прокручивая в нашей памяти те яркие события жизни, ставшие «точками отсчета» для последующих жизненно важных событий. Память цепко хранила эти «точки» до поры до времени и, руководствуясь какими-то своими правилами и законами, в один прекрасный момент стала щедрой и расточительной. И тогда эпизоды детских лет, врываясь в сознание, стали настолько яркими и эмоциональными, что это невольное путешествие в прошлое стало казаться реальностью.

А может, это приходит к нам в наших снах?

В сборник вошли два прозаических произведения в жанре фантастики и реалистического рассказа, связанные между собой одним реальным героем.

Приятного знакомства читателю с советским мальчиком Вовкой. Возможно, кому-то эта книга напомнит и о своём детстве.

Книга 1. Вовка



Глава 1. Детство. Сибирь

– 1957 ГОД –

До моего рождения один пацан уже был у моих родителей – это мой старший брат. Его звали Славкой. Я, конечно, об этом ещё не знал, так как был только в проекте, поэтому вторая детская ниша в семейном пространстве была ещё пуста, а это не могло продолжаться долго – она должна была быть заполнена. И вот тёплым июньским днём мой первый крик раздался в сельской больнице, оповестив мир о моём появлении.

— Смотри, здоровяк, какой! – сказала медсестра. – И в шапочке родился! Счастливый будет. Ишь ты, уже улыбается, жизни радуется!

— Да ты от окошка-то отверни его, видишь, сощурился от солнечного света.

— Пусть привыкает, солнце – оно силу придаёт. В хороший день родился, солнечный и тёплый! Зина, как именовать-то решили?

— Не знаю пока, Славка сказал, что он назовёт сам, ему уже три с половиной года – большой, я сам, говорит, придумаю, как его назвать.

Рождение ребёнка всегда, особенно на селе, было большим и радостным событием, как для родителей и родственников, так и для односельчан, которые не были безразличны к такому событию. Видимо, уклад жизни того времени был немного другим, более добрым и дружелюбным.

Перед больницей, лихо развернувшись и подняв пыль столбом, остановился мотоцикл.

— Что там? Как? Кто родился? – Сын! – Молодчина, супруга! Второй сын! – Как они? – Нормально! – Посмотреть можно? – Потом! – Ну ладно, потом значит потом. За мной, девчонки, халва и конфеты, – крикнул отец медсёстрам, помахал жене рукой и уехал...

Потом отец дня два угощал в честь рождения сына-богатыря родственников и мужиков-механизаторов, своих коллег с двух деревень: родной Новообинцево и Шелаболихи.

На третий или четвёртый день к роддому подъехала сверкающая хромированными бамперами «победа».

— Глянь, начальство какое-то подкатило? – Молвила медсестра, помогавшая Зинаиде пеленать мальца.

— Это Фёдор, брат Геннадия. За нами приехали.

– Смотри-ка, как за прынцем прям! На эдакой шикарной машине!

Вовка мирно и важно посапывал, как будто зная, что «прынцем» называли его.

Из машины вышли отец и его брат Фёдор. Фёдор работал в соседнем районе председателем колхоза и ещё до рождения Вовки обещался стать крёстным новорождённому – вот и приехал за «крестником»:

— Ну-ка, ну-ка! Где тут мой «крестник»? Ух ты, какой востроглазый! Ха-ха! Смотри-ка, глядит как прямо! Ну что, крестник, – добро пожаловать! Сейчас мы тебя как начальника домой домчим!

Отец гордо и осторожно нёс меня к машине. Так и прошёл мой выезд из роддома в жизнь в «шикарной машине» под ярким названием «победа».

Когда меня сонного привезли домой, брат Слава, говорят, долго присматривался ко мне и изрёк:

— А чё это он – слеплый какой-то!

А когда я чуть приоткрыл глаза, не полностью, а так – маленькие щёлки, он закричал:

— Глядите, глядите, Вовка прослепился!

Так у меня появилось имя – Вовка. В нашей родне уже было трое Вовок Гуляевых, одному – десять лет, второму – два, третьему – год. И вот появился я – четвёртый. Позже родятся ещё трое, и их назовут таким же именем, но это будет позже, и я об этом ещё ничего не знал и знать не мог.

Сам ребёнок в первый год жизни знает много и совсем не то, что знают его родители и другие взрослые, а иначе почему бы он с таким любопытством смотрел на мир, в который он пришёл неожиданно для себя. Но в течение первого года он практически всё забывает, переучиваясь с помощью старших. А частичка его прошлых дородовых воспоминаний не исчезает полностью, а остаётся где-то в глубинах памяти, но выйти из заточения этой частичке сложно – практически невозможно. Он бы многое им рассказал в свои первые дни и месяцы, но мог издавать только: «гу-гу-угу-угу!..»

Когда мне исполнился месяц, мать пошла на работу, а я остался под присмотром бабушки и старшего брата. А что было за мной присматривать: я мирно полёживал в зыбке – спал и посасывал тряпочный узелок с перетёртой кукурузой и хлебом, а когда не спал – рассматривал белый потолок, по которому ползала вниз головой большая фиолетовая муха, и «раздумывал» о своём бытии, а брат носился по двору или огороду; бабушка хлопотала по хозяйству: то полола грядки, периодически проверяя наличие моего питания, то судачила с зашедшими в гости соседками, одновременно следя за Славкиными передвижениями.

В тот год осенью Славка, выскользнув из бабушкиного поля зрения, пока она вела задушевные разговоры с двумя соседками на крыльце, совершил небольшой поджог кучи прелой соломы с обратной стороны дома и, испугавшись, убежал, спрятавшись в зарослях черёмухи, обильно растущей в нашем огороде. Возможно, огонь был несильный, но густой дым зашёл в комнату, поднялся над улицей. Я был успешно спасён бабушкой, а через минут десять приехал отец с мужиками из МТС и потушили огонь. Дом не постра-

дал, я какое-то время кашлял, а Славка получил по первое число.

Шли годы...

Когда родится ребёнок, то вначале кажется, что как-то он долго не ползает, потом, вроде, долго ползает, а должен бы уже ходить. А вот когда он начинает бегать... То про всё предыдущее сразу забывается.

Коротка память человеческая.

– 1961 ГОД –

Вовка рос.

Рос и старший брат. Вовке, конечно, думалось, что старший брат растёт быстрее, гораздо быстрее: вот он уже в школу пошёл и ему купили большой велосипед. Взрослый велосипед купили – на вырост! Славка на нем быстро научился кататься «под рамой» и уже через неделю рассекал по переулку с пацанами попеременно. Вовка вначале бегал за ними, но потом ему это надоело – чего зря бегать, если они всё равно не научат его ездить на велике, а просто прокатить его у них желания особого и не было. И тогда он уходил в огород в прохладу черёмуховых зарослей, усаживался на траву и прижимался спиной к стволу «главной черёмухи» – так определил он её для себя, потому что она была самая высокая и стройная, ветвистая и толстая у земли, а для Вовки она ещё была самой главной и самой доброй. Это было его любимое место, и ему нравилось вот так сидеть и молча слушать шелест листьев и веток, слушать... и придумывать разные истории.

Одногодков у него в переулке не было, на год-полтора старше и младше были, а ровесники – нет, а старшие не всегда брали «мелких» играть в свои игры. «Вот если бы мне научиться на велосипеде ездить!» Но тот, Славкин, был ещё тяжелым для него – четырехлетнего... «Вот подрасту на будущий год и буду кататься!»

Но ни на будущий год, ни в последующие три-четыре научиться «ездить» на велосипеде Вовке не пришлось.

Прошло чуть больше недели после Вовкиных «думок», как Славка, катаясь по улицам в очередной раз, вдруг выехал из переулка на главную дорогу и врезался в милицейский «бобик». «Бобик» не пострадал, да и Славка, к счастью, получил лишь несколько незначительных ссадин и ушибов. И на этом «бобике» он был доставлен домой в объятия родителей.

Велосипед приказал долго жить и был поставлен на долгую стоянку в сарай...

По осени, когда шла уборка урожая, одной из забав у деревенской ребятни было добывание зерна. В принципе, голодными они не были, но интерес к зерновым культурам у них был, всё-таки крестьянские дети в корнях.

Вечерами, когда темнело, деревенская ребятня выдвигалась на исходные позиции к узкой улице, по которой с утра до ночи проезжали к элеватору грузовики, груженные зерном. Славка с друзьями тоже принимали участие в добыче зерновых, но без Вовки.

Ему в ту пору уже исполнилось четыре года, и он был вполне самостоятельный человек, правда, его старший брат с друзьями не брали этого «самостоятельного» с собой, поэтому утверждаться в своём статусе Вовке пришлось в одиночку: на отдаленном расстоянии он, прячась за выступами палисадников и прижимаясь к заборам, тихо и уверенно следовал за ними, а когда они дошли до места и стали что-то делать, передвигаясь с одной стороны улицы на другую, он присел за кучу бревен у одного из домов и начал наблюдать, что будет дальше.

Пацаны перебегали через улочку и что-то быстро прикручивали, в темноте было трудно определить, что они там делали. Позже Вовка узнал, что они натягивали через улицу обыкновенную швейную нитку, а когда подъезжающая машина освещала эту нитку фарами, то в их свете она казалась толстой, как веревка. Водитель останавливался, ругался

и шёл убирать это непонятно откуда взявшееся препятствие, а ребятня в это время через задний борт горстями набирала пшеницу, ссыпала в карманы и быстро ретировалась в кусты. Водитель, поняв, что это детские шалости, матерясь и чертыхаясь, возвращался в машину и ехал дальше.

А пацанам было очень весело, и потом они шумной толпой отправлялись домой, жуя на ходу теплые зерна, и взахлёб рассказывали друг другу, как это было здорово и смешно.

Подобные «забавы» проделывались не более двух раз, вернее, не более двух вечеров. Может, они и позже потом кем-то исполнялись, но явно не Славкиными друзьями. Ибо уже к вечеру второго дня, или утром третьего, шутники были разоблачены, и карающая рука отцов опускала на их оголенные места, ниже поясницы, солдатский кожаный ремень, а некоторым доставалось бичом или вожжами. После таких воспитательных мер пожевать зерна больше не хотелось.

Так что главной забавой, безобидной и более полезной, оставалась рыбалка, выливание хомяков и сусликов и лазанье по ярам для добычи яиц из гнезд птиц... Выгодной вдвойне была добыча сусликов: во-первых, за каждую шкурку платили по пять копеек, что равнялось одному походу в кино, а во-вторых, поджаренное мясо сусликов было очень вкусным.

Славка со своими друзьями-ровесниками изредка брали своих младших братьев и сестер на эти мероприятия, всё-таки лишний бидон с водой не будет мешать, а если не брали, то Вовка и подобная «мелюзга» из их переулка собиралась в свою «стайку» и находила себе игры по своему статусу. В основном это был сбор цветных стекляшек и «уничтожение» урожая в огороде: огурцов, морковки и, конечно же, поедание черемухи, благо её в огороде было полно.

Однажды Славка с друзьями притащили кучу свинцовых решеток из старых аккумуляторов и решили стать «металлургами». Разведя в огороде костер и наделав в земле несколько небольших углублений разной формы, наломав свинца и уложив его в консервные банки, ребята приступили

к первой плавке. Вовка с любопытством наблюдал за этим процессом. Металл оседал и превращался в блестящие капли, капли катались по дну банки, то соединялись в одну большую массу, то разбегались на несколько. Потом пацаны выливали эту жидкость в лунки-формы и ждали, когда она остынет. Процесс остывания был не таким быстрым: свинец, принимая форму, какое-то время пузырился, сверкая серебром, медленно остывал, становясь тёмно-серым. После первой партии отливки они долго и внимательно рассматривали свои «шедевры металлургии» и приступали ко второй плавке.

Вовкина природная любознательность, помноженная на желание поучаствовать и помочь, родила у него идею о необходимости ускорить процесс остывания отлитого металла, и пока Славка с друзьями расплавляли свинец, он сбегал в дом, набрал кружку холодной воды и поспешил к месту дружно идущей плавки.

«Металлурги» уже заканчивали заливать формы, Вовка подоспел во время и с разгону выплеснул воду в одну из форм. Вода злобно зашипела и расплавленный свинец начал брызгаться, разлетаясь в разные стороны со скоростью пуль. Ребята бросились наутек, но горячие капли свинца догоняли их, впиваясь в спины. Слава «почетного сталевара» Вовке не досталась, зато потом досталось пару пинков и несколько оплеух от старшего брата, а также около десятка волдырей от ожогов на спине и голове.

«Металлургический завод» прекратил свое существование...

Потом, когда Славка с друзьями отправлялись на поля выливать сусликов или собирались на рыбалку, на Обь, Вовка долго канючил:

— Меня-то возьмите, я тоже хочу!..

— Хватит пищать, сиди дома и играй со своими друзьями, а то жди от тебя опять чего-нибудь эдакого! – говорил Славка и удалялся с друзьями на промысел.

От таких слов Вовке становилось грустно и обидно. Правда, ненадолго, потому что благодаря его «пытливому уму и фантазёрству» эта обида быстро проходила, и на смену ей являлась какая-нибудь новая идея.

После одной из таких идей бабушка чуть ли не бегом вела его в больницу для промывания уха.

Дело было так.

Получив в очередной раз отказ от старшего брата в участии в рыбалке, Вовка, побродив по переулку, зашел в свой огород. В гуще черемухи он увидел, что на ветках появилась какая-то большая и широкая серо-белая полоса – это были мотыльки, сидевшие на ветках плотно друг к дружке.

Решение было принято быстро: «Это – тля! Они едят нашу черёмуху, нужно их немедленно разогнать!» – подумал Вовка. Отойдя на некоторое расстояние, он стал кидать в их сторону земляные камни. Недолет, недолет. Эффект слабый. Тогда он взял длинную палку как саблю и, подойдя ближе к полчищу мотыльков, начал махать и бить ей в эту серую глазастую массу. Мотыльки с громким шорохом поднялись и стали беспорядочно летать, ударяясь то о ветки, то о Вовку, и в какой-то момент ему показалось, что они на него начали нападать, стукаясь о его лицо, плечи. Он отступил, и тут кто-то влетел ему в ухо. И там застрял, шевелясь в его голове. Вовка заорал и рванул в дом. В ухе противно шевелилось насекомое. Было ощущение, что оно там летает!

Бабушка быстро перевязала Вовке голову платком, и они бегом побежали в больницу. Родственница, работавшая медсестрой, всплеснула руками и спросила:

— Чего опять стряслось-то?

— Да вот мотылек ему в ухо влетел!– ответила бабушка.

— Вовка, ты Вовка, всё у тебя что-то приключается, чудо ты наше! Как он туда к тебе попал-то?

— Я знаю? Взял и влетел!

— Ясно, что влетел. Ну, давай будем вымывать его! Твоего мотылька.

После промывки уха тетка на всякий случай просприцевала ему и второе. Вовке сразу полегчало, и показалось, что солнце светит ярче, и слышит он еще лучше, чем раньше, даже шелест травы за окном!

Домой они шли не торопясь, до тех пор, пока их не догнали Славка с друзьями, возвращавшиеся с рыбалки.

— Баб, он чё, сбежал, что ли? – спросил Славка.

— Да нет, он тлю сгонял с черемухи, а один мотылёк ему в ухо и залетел. Из больницы идем.

— Вечно у тебя чего-нибудь происходит, – буркнул Славка.

— Ну ты и вояка, – рассмеялись пацаны.

Вовка прибавил шагу, реплики пацанов ему были не интересны. А дорога домой оказалась намного короче...

– 1962 ГОД –

Поездка в Ленинград

Вовке повезло.

Он ехал в Ленинград – не один, конечно, а с матерью и двоюродными дедом и бабой, которые ехали проведать дочь, ну а Вовка с матерью вроде как их сопровождали. Деду было уже восемьдесят три года, да и видел он плоховато, а вот память была у него хорошая: он помнил, как ещё при царе начинал служить в армии и отслужил почти двадцать лет! Не часто, но рассказывал про ту, царскую службу, интересно рассказывал. А в деревне его звали все Колчаком, говорят, что он и у белых успел побывать, а потом и у Будённого служил, и усы у него были длинные и толстые, говорили – как у Будённого, и он постоянно подкручивал их и направлял вверх. А ещё говорили, что он со Сталиным был одногодок. Вовка тогда ещё не знал и мало понимал, кто такие были Будённый и Сталин, но слышал, что кто-то из взрослых хвалил

их в разговорах, а кто-то ругал. Но Вовке это ни о чём ещё не говорило, он знал одно, что вот дед Илья уже старенький, и поэтому присмотр за дедом был нужен, ну а кто, как не Вовка, лучше сможет присмотреть за ним! Ну и мать, конечно, тоже.

Вовка много слышал о Ленинграде от взрослых – в деревне многие мужики там фашистов били. И его родной дед Леонтий тоже там воевал, только Вовка его не застал, помер он года за четыре до Вовкиного рождения. Но кое-что про деда он слышал, и медали его геройские держал в руках. А ещё он очень любил слушать рассказы о войне, даже сам фантазировал на эту тему и, конечно, мечтал увидеть этот город, а тут такое подфартило!

Поезд двигался очень быстро, монотонно и интересно постукивая колёсами, приятно раскачиваясь из стороны в сторону, и главное, что страшно нисколечко не было. Людей в вагоне было много, но Вовка быстро познакомился почти со всеми и, важно расхаживая, уверенно заходил в соседние купе. Садился на краешке сиденья и начинал спрашивать – кто куда едет и откуда, но в основном он рассказывал о своей деревне, о своём отце, который служил танкистом, а сейчас работает главным по машинам и полям.

В одном купе ему не удалось завести знакомство: там сидела большая тётка сердитого вида, а рядом с ней мужичок небольшого роста и две девчонки, похожие друг на дружку, «как две кружки» – так говорили в деревне про близнецов. Вовка запросто зашёл в открытое купе и только открыл рот, чтобы поздороваться, как тут же был остановлен сердитым взглядом и словами тётки:

— Мальчик, иди к своим родителям! Нечего здесь ошиваться!

Девчонки-близняшки сидели, втянув свои головы в шеи, и молчали, глядя в пол.

Вовка быстренько выскочил из неуютного купе. Но вот в соседнем купе он познакомился с угрюмым на вид, но, как

оказалось, добрым седым военным, у которого было много цветных ленточек на кармане пиджака. Вовка подсел к нему и сразу в лоб спросил:

— А что это у вас за цветные флажки? Награды, да?

— Да, малыш, это мои награды с войны, – ответил военный и погладил Вовку по голове.

Война – это была Вовкина стихия, его конёк. О войне он мог говорить часами без умолку, а тут настоящий седой бывший фронтовик. Вовка как из пулемёта сразу начал задавать кучу вопросов: где воевал? Кто по званию? Был ли ранен? Куда едет? Вопросов было так много, и заданы они были с такой скоростью, что Вовкин военный улыбнулся и, немного помолчав, сказал:

— Ну ты и шустрый! Строчишь и строчишь вопросами. Обожди так нападать-то...

И, видимо, что-то в нём произошло, что-то вздрогнуло, что даже соседи по купе, говорившие о чём-то своём, замолчали.

— Был у меня сын, понимаешь, такой же белобрысый и шустрый... как ты... ну, навроде тебя, сейчас он был бы уже взрослый, но потерялся в войну, вот я его всё и ищу. – По щеке военного сбежала капелька росы.

— Дядь, вы найдёте его!..

Вовке стало неприятно, что он влез куда-то не туда со своими расспросами.

— Да, сынок, может, и найду! Ну да ладно. А воевал я много и долго, дай бог тебе прожить жизнь и не узнать войн.

Его рассказ был не очень долог. Один из попутчиков достал бутылку «московской» и молча разлил её содержимое в стаканы из-под чая. Вовка прослушал историю своего нового знакомого с разинутым ртом, он как будто сам был там, сам

участвовал в этих боях, что-то очень знакомое было для него в этих немногословных, но содержательных воспоминаниях солдата, только что? Может, это были его, Вовкины, сны?

Слушая, он как-то сразу окунулся в те события и живо представлял всё так давно происходившее, хоть и не с ним...

Когда рассказ был закончен, в купе повисла тишина, и Вовка, обняв военного, прошептал ему на ухо:

— Дядь, вы найдёте его, да! Найдёте! – И убежал в своё купе.

Потом он всю ночь глядел в окно на мелькающие огоньки – сумеречные призраки ночи, освещённые луной, и всё им услышанное проносилось в его воображении и мыслях кадр за кадром как в кино.

«Война – это плохо!» – думал Вовка, и с этими думами он заснул.

Утром он первым делом заглянул в купе военного, но его там не оказалось, не сейчас и не позже. Наверное, он сошел на какой-то станции в поисках своей семьи и своего сына...

А поезд продолжал движение, – всё ближе и ближе приближаясь к Ленинграду. Город мечты оглушил его с самого перрона. Столько людей в одном месте и сразу Вовка никогда не видел: в небольшом пространстве между двумя поездами, казалось, людей было больше, чем жило в их деревне. И все куда-то шли, толкаясь и обгоняя друг друга. Вовка вцепился в материну руку, кто-то больно шаркнул его по уху влажным вещмешком, кто-то толкнул пузатым чемоданом. Они стояли посреди этой движущейся толпы, видимо, определяясь, куда дальше двигаться. Но в выбранном направлении им не удалось слиться с движущимся людским потоком. Дед никак не успевал попасть в ритм движения. И только перед входом в здание толпа немного рассеялась, и они наконец-то оказались в просторном, высоком помещении вокзала с огромными окнами.

Вовка всё это время, пока они шли по перрону, смотрел себе под ноги и следил за передвижениями людских ног: одни

быстро семенили, другие шагали широко, третьи, как его – двигались с прискоком. А теперь, оказавшись внутри вокзала, он вертел головой, разглядывая бесчисленное множество причудливых узоров и скульптурок на стенах и потолке. Расположившись на свободных местах, они стали ожидать встречающих их родственников. Вовкино внимание привлекли большие прозрачные, видимо, стеклянные ворота, которые сами открывались перед людьми, а потом закрывались тоже сами. «Как это происходит?» – подумал он и пошёл знакомиться с этим чудом. Постояв некоторое время возле этих толстых стеклянных дверей и не увидев «руки», с помощью которой они могли раскрываться то наружу, то вовнутрь, Вовка просунул ладошку между дверью-стеклом и стальным косяком. В это время дверь отворилась, и Вовкина рука оказалась зажатой как в тисках. Его крик заглушил шум вокзала...

Вокруг собралось много людей сочувствующих и желающих освободить «любознательного пленника». Это удалось довольно быстро, и Вовка сел рядом с дедом, всхлипывая не от боли, а больше всего от испуга.

Знакомство с Ленинградом состоялось.

Потом была встреча с родственниками, прогулки по городу. Больше всего Вовке запомнился зоопарк, поездка в метро на эскалаторе и каменные статуи львов, которых было много в этом городе. В метро его удивляли движущиеся ступеньки, которые в конце постепенно уменьшались и исчезали, уходя куда-то вниз, под металлические зубы, которые выглядели страшно, и их нужно было успеть перепрыгнуть. У Вовки это получалось довольно просто, а вот деду было трудновато, но он всё же успевал их перепрыгнуть, приговаривая каждый раз после прыжка:

— Ох ты, батюшки мои! Святы!

Поэтому по городу он с ними не ходил, а всё время сидел дома и слушал радио.

В гостях было хорошо, но дома всё же лучше, и обратный путь домой показался гораздо быстрее и короче.

Белый пароход

После поездки в Ленинград Вовка рассказывал деревенской ребятне о том, что он видел в том большом городе:

— Там столько много разных больших домов, некоторые блестят на солнце золотыми крышами, там много проток течет прямо в городе, а через них построены мосты – много мостов; по берегу ездят машины, а по протокам плавают лодки. Только деревьев там мало, и все улицы уложены камнями, а ещё под землёй ходят поезда, и там светло как на улице, а лестницы сами движутся – одни вверх, другие вниз. А на улицах, на мостах и у больших домов стоят каменные львы, и у некоторых в носу стальные кольца с цепями – это, наверное, чтобы они ночью не смогли ходить по городу.

— Врёшь ты всё, Вовка. Как это каменные львы могут по городу ходить?

— А вот и не вру! Кольца с цепями у них через нос проходят? Проходят. А зачем им цепи? Чтобы на месте их удержать! Не хотите, так и не буду больше ничего вам рассказывать. Сами съездите и поглядите.

— Ну, ладно, рассказывай.

— Сказал, не буду, значит, ничего больше и не расскажу. Вон, у деда Ильи спрашивайте, пусть он вам и рассказывает.

Так и не стал он пацанам больше ничего рассказывать про поездку и Ленинград, а так хотелось, спасу нет! «Пусть помучаются любопытством, – думал Вовка, – потом, может быть, как-нибудь расскажу». Но со временем это желание отошло на второй, потом на третий план – забот летом было много: купание и игры, обследование яров и кукурузных посевов, да всего сразу и не упомнить.

В один из тёплых июльских дней Вовка, уставший от беготни по улицам деревни, вернулся домой и увидел гостей. Это были его тетя с мужем, которых он любил, впрочем, как и всех других своих родственников. Ну, может, чуточки на три больше, чем других.

Немного позже, после нежных объятий и ласковых «трёпок», Вовка узнал, что тётка с дядькой хотят взять его с собой плыть на пароходе в город Камень. В Ленинграде ему не удалось прокатиться на теплоходе, хотя в деревне на лодках он уже катался – и это было здорово: ветер лохматил его белесые волосы, рубаха раздувалась как паруса. Но это было на лодке, а здесь – такая интересная поездка предстояла далеко в гости к крёстному – в Камень, да ещё на пароходе! Вовка понял, что его мечта поплавать на пароходе очень даже может сбыться.

И пока взрослые обсуждали эту возможность поездки, он живо представил, как стоит на капитанском мостике и рулит штурвалом, а все пассажиры ходят по палубам и улыбаются ему, такому хорошему капитану. В его мыслях уже появились вполне живые картинки с нападением пиратов на их пароход, но он, ловкий и смелый капитан, увёл «свой корабль» от погони, а пираты с позором сели на мель. И все пассажиры были рады этому спасению и, улыбаясь благодарно, махали Вовке руками, кепками и шляпами...

Но его фантазии прервали слова родителей, как бы донёсшиеся издалека:

— Мы бы, конечно, и не против, чтобы он поехал с вами, но он же знаете какой! Такой шустрый, как веретёшка, что за ним глаз да глаз нужен. Он же на одном месте долго не сидит, всё ему куда-то надо бежать.

— Это мы знаем. Но думаем, что всё будет нормально, на сто процентов, – веско сказал дядя. И Вовка ещё больше проникся к нему уважением.

— Ну не знаем, не знаем! Как-то всё-таки опасное это дело: пароход, река... – мать все-таки стояла на своём.

...Вовка понял, что его путешествие и все его мечты оказались под угрозой срыва. И он буквально влетел в комнату к взрослым с громким криком:

— Пап, мам! Я буду нормально себя вести! Отпустите-е! – больше слов у него не нашлось, и он заплакал.

На следующее утро Вовка гордо шагал через всю деревню к пристани, крепко держась за руки тети и дяди. Вдалеке у берега стоял «Белый пароход» мечты, который ждал его, Вовку! В самом начале он и вправду вёл себя нормально, а руки взрослых держали его крепко и надёжно. Имея эти оковы несвободы, Вовка тянул за руку и изо всех сил то к одному борту, то к другому – то тётку, то дядьку, смотря, кто с ним прохаживался в это время по палубе. Ему очень хотелось увидеть, есть ли разница в том, как волны бьются о борт с той или с другой стороны парохода, и как они откатываются от него и какие причудливые формы принимают при этом.

В одной из прогулок по палубе произошло то, что могло произойти или должно было произойти когда-нибудь обязательно, если не с Вовкой, то с кем-нибудь другим. Дядя, державший Вовку надёжно, буквально на несколько секунд отвлёкся, закуривая папиросу, и отпустил его руку. Прикурив и сделав всего пару-тройку шагов, он вдруг обнаружил, что Вовка исчез, просто был, а вот его и нет – палуба была пуста. У дяди волосы на голове начали шевелиться – он не мог понять, что произошло, и как, куда мог исчезнуть Вовка! Ему на миг показалось, что всё вокруг замерло, слышно было только учащённый стук собственного сердца, и мерзкий холодок забрался под рубашку – стало жутко. Он кинулся туда-сюда, Вовки нигде не было...

Вдруг он услышал Вовкин крик, который доносился откуда-то снизу. Тут он увидел небольшой люк в полу палубы. Заглянув в него, он увидел Вовку, лежащего внизу на металлической решётке, а под ним с огромной скоростью, пенясь и бурля, неслась вода реки – чёрная с белыми пенными пузырями, коварная, поглотившая много людей за своё существование. На крик подбежали матросы, которые и вытащили Вовку из опасного плена...

А люк был просто случайно не закрыт матросом, моющим палубу.

И всё могло бы обойтись печально, даже трагически, если бы не было той решётки внизу.

Вовке было пять лет, и всё для него ещё в жизни было хорошо и просто. Он быстро «забыл» об этом «приключении» и сам никогда не рассказывал о нём никому, потому что тогда, в тот раз, ему было страшно, а когда ему бывало страшно – он всегда молчал о своих страхах...

Розыскники

— Вовка, иди домой, сколько же можно носиться? – Звали его с улицы каждый вечер то мать, то бабушка. – И где его, окаянного, носит-то всё время, всё не загонится никак.

Ему было пять лет, и каждое утро он отправлялся в продолжительную «разведку» по переулкам своей деревни, с важным видом топал в отцовских сапогах по лужам, здороваясь с деревенскими тётками и мужиками, шёл он ему одному известным маршрутом. За день Вовка мог пройти много: побывать у матери на работе, чтобы взять пятачок и сходить в кино, поговорить с соседками, занять стаканчик с мороженым у продавщицы маслозаводского киоска, мол, у мамки возьму денежку и потом занесу, навестить своих родственников – бабушек и дедушек, а их было у него много в деревне. Они встречали с радостью, как будто всегда ждали его появления.

— Ну-ну, садись, куличок, молочка с шанежками попей, да соври чего-нибудь!

— И ничего я не вру!

— А как ты на крокодиле верхом ездил – это что было?

— Это сон мой был. Я про сон рассказывал. А не врал.

— Ну, ладно-ладно! Извиняй. Тогда сон какой-нибудь расскажи.

Его фантазии, им рассказываемые, всегда с интересом слушались: он рассказывал свои сны так красочно, что иногда казалось, что это было на самом деле, и как будто он был реальным участником этих рассказываемых им историй. Сны у Вовки были разные, многие о войне, хоть он и родился через двенадцать лет после её окончания, но фильмы о войне очень

любил смотреть. А потом пересказывал родственникам то, что видел в кино, правда, иногда кое-что от себя добавлял, но добавлял складно.

Его рассказы были сочными и обязательно с картинками – он показывал, как немцы наступали, как партизаны отстреливались от фашистов, как взрывали фашистские эшелоны, как брали в плен немцев. Он весь перевоплощался, и это было как театр одного актёра. Если кто-то из слушателей вдруг отвлекался или задумывался о чём-то своём, Вовка это сразу чувствовал, останавливал свой рассказ–показ:

— Баба, деда! Вы слушайте, слушайте.

Слушали его россказни всегда, потому как нельзя было не слушать, да и интересно было – как малец раскладывает фильм по сюжетам, живо раскладывает и играет несколько ролей сразу, смешно и интересно. А когда собирались родственники, которых было у Вовки много, в их доме, он садился за стол рядом с родителями, и они с матерью начинали петь русские песни, и их звонкие голоса приятным ручейком лились по сердцам и душам гостей, потом они тоже принимались подпевать. Вовка старался от души, а особенно он любил петь песню «Сибирь-Сибирь» – это была его любимая песня. И вообще, он любил, когда вокруг было много людей, когда было весело и интересно.

Однажды в его пятый день рождения разгулявшиеся родственники вдруг обнаружили, что Вовки нет среди них. Вот он, вроде, пел сейчас только что, чего-то рассказывал, и вдруг его не видать.

— На улицу, наверное, ускользнул!

— Какая улица, вечер уже!

Его брат Славка уже спал в своей кровати, и гости стали искать Вовку в сарайке, в зарослях черемухи в огороде, где у него был сооружён свой личный шалашик под старой ветвистой черёмухой, но его и там не было. По всей улице были опрошены соседи – никто не видел. Поиски продолжились на соседних улицах...

Никто не мог подумать, что он, уставший от взрослой компании, просто играл, катая машинку и, когда она закатилась под кровать, залез туда за ней и уснул. А когда через какое-то время он проснулся и вылез из своего убежища, то за столом увидел только одного деда Сашу, которого с Вовкиной лёгкой руки все в деревне уже с год стали звать «Александровым».

— Ну, вот он ты пострёл где, а тебя все пошли искать по деревне, а ты, значит, под кроватью храпуна давал! Щас мы с тобой отругаем их всех – этих горе-розыскников. Ха-ха! А ты ловко запрятался! Я сперва подумал, что ты там, но не стал проверять, выждать надо было! Ха-ха! А ты точно там был!

Дед Саша долгие годы работал в органах НКВД. И хоть фамилия его была Григорьев, а «Александровым» его в деревне стали звать после того, как год назад Вовка, «прогуливаясь» по улицам и идя в гости к Григорьевым, увидел, что дед Саша едет на телеге с какой-то тёткой, разговаривает с ней и смеётся. Зайдя в дом, он с порога объявил бабе Поле:

— А твой Александров с чужой жинкой по деревне едет!

Баба Поля рассмеялась, а потом рассказывала всем родственникам, как Вовка «Александрова» с чужой жинкой застукал! Вот так дед Саша стал до конца своей жизни «Александровым». А на открытках он подписывался коротко – ГАИ. Что означало – Григорьев Александр Иванович.

Летнее купание

Детство Вовки, как и любого деревенского мальчишки в возрасте до семи лет, проходило в «многочисленных» заботах: то рыбалка со старшим братом и друзьями, то походы по выливанию сусликов из нор, то набеги на кукурузные поля или совхозный сад, то работы по хозяйству от укладки дров в поленницы до сбора черёмухи. И всё тогда было просто и интересно – до школы ещё далеко, а сколько кругом разных и ещё не решённых проблем в деревне и на своей улице: все они требовали его вмешательства.

Когда тебе пять или шесть, то мир воспринимается как огромный непознанный шар, который хочется открыть и посмотреть, что там внутри. Узнать Вовке хотелось многое, а что можно было узнать, находясь, целый день под присмотром бабушки – да мало чего, а хотелось большего. Ладно зимой или осенью – сиди дома и жди, когда Славка придёт из школы или с улицы – пимы и сапоги-то одни на двоих, а вот летом было раздолье: обуви не надо, одёжки нужно минимум – можно целыми днями бегать босиком по косогору или купаться в затоне, образованном речушкой Шелаболкой перед её впадением в реку Обь. Детский смех и крик в этом мелком затоне не умолкал до самого позднего вечера.

Но река всегда таила в себе опасность, и так случилось, что Вовка однажды чуть не утонул, попав в «крокодилову яму» – так назывались промоины, вымываемые течением в песчаном дне на мелководье. Он брел по колено в воде по прибрежному мелководью, следуя за впереди идущим старшим братом и его друзьями. Брёл он себе не торопясь и пинал волны, которые набегали на песчаный илистый берег и слизывали с песка ими же принесённые ранее кусочки коры и веточки деревьев. Это занятие его увлекало, но волны сопротивлялись ему и, вроде, как бы играли с ним в какую-то игру, сверкая разными цветами в лучах солнца. И совсем неожиданно для себя Вовка угодил в одну из вымытых течением ям. Плавать он ещё не умел, а потому ушёл сразу под воду с головой и даже не успел испугаться вначале, а вот когда почувствовал твёрдое под ногами, то начал подпрыгивать, стремясь вылезти на поверхность из воды, но илистые дно и стенки ямы были скользкими, и сделать было это очень трудно. Сколько прошло времени с того момента, он не знал, но для него – много.

Хорошо, что старший брат вовремя обернулся и вместо бегающего по берегу Вовки увидел его ручонки, торчащие из воды. Когда его вытащили на берег, испуганного, изрядно нахлебавшегося мутной воды и трясущегося от страха, брат несколько раз резко стукнул его по спине, потом обнял,

а немного погодя популярно объяснил, как нужно себя вести на реке.

Так Вовка получил первое водное крещение, ощущение от этого было малоприятное. Холод и скользкость илистого дна запомнились Вовке надолго.

Ружьё

Осенним днем отец, приехав на обед, увидел в окно Вовку, пронёсшегося по переулку так быстро мимо окон дома, что сразу бы и не узнать, кто или что там промелькнуло, если бы не его заливистый крик – явно опять «скакал» на «деревянной лошадке» и гонял соседских кур.

— Зина, Вовка сегодня случаем опять гостей не позвал? – спросил отец.

— Да нет, сегодня у него была запланирована разведка черёмухи и огорода, на рыбалку Славка его не взял с собой, вот он и носится вокруг дома обиженный.

— Непорядок. Придётся дать ему задание, а то он без дела закружится.

Отец вышел на крыльцо и позвал Вовку:

— Сын, иди-ка сюда, есть ответственное задание...

Вовка очень любил своего отца, как и мать, но отца чуточку больше – он же «мужик». А еще у отца был рабочий мотоцикл с коляской, и отец иногда сажал Вовку впереди себя, давал порулить и понажимать на кнопку сигнала – это было здорово! И ещё Вовка знал, что отец так просто звать не будет: значит, что-то хочет ему рассказать или поручить какое-нибудь дело сделать.

— Так вот, сынок, я сейчас еду на работу – дел, понимаешь, много, до вечера буду в МТС, а вот завтра будет выходной, ну мы с мужиками собираемся на охоту съездить. Понимаешь?

— Конечно, чего же не понимать! Не маленький небось!

— Вот и я про это. Матери тоже некогда, и я вот что думаю: ты парень смышлёный, серьёзный и ответственный. Так что,

думаю, справишься с этим делом! Моё ружьё находится у бабы Давыдовой, так что ты сходи к ней и скажи, что я послал тебя забрать его и принести домой! Справишься?

— А чего не справиться-то, конечно, справлюсь.

— Только смотри мне, «петушок» по дороге там с ружьём не балуй!

Задание было принято. «Ничего себе, мне – и ружьё принести!» – подумал Вовка и сразу отправился на его выполнение. Дорога была дальняя, баба Давыдова жила улиц через семь или восемь. Но разве это было расстояние для него – он, бывало, и больше за день проходил. Вот когда они ходили в гости в соседнюю деревню к бабушке с дедом – родителям матери, так он ни разу не отдыхал, а всё бегом и бегом, все четыре километра. Славка отдыхал, а он – нет! А тут-то всего ничего расстояние.

Вначале Вовка просто спокойно шёл переулками, высматривая «укромные» места, фантазируя, что он партизанский разведчик, потом так увлёкся своими фантазиями, что стал двигаться перебежками от забора к забору, как будто выслеживал кого-то, он включился в придуманную им игру, он в неё врос. Через какое-то время, наигравшись и уже приближаясь к нужному дому, он решил не просто попросить ружьё, а «добыть» его, как и положено мужчинам – отвоевать. Баба Давыдова была матерью Вовкиной бабушки, матери отца. Она была очень строгая и в родне её все слушались, но к Вовке всегда относилась по-доброму.

Подкравшись к дому, он потихоньку открыл калитку, затем дверь в сенки – никто его не услышал. Заглянув тихо-тихо в дом, Вовка увидел бабушку сидящей за столом в комнате – она даже не услышала, как он вошёл.

— Это я пришёл, баба, – громко крикнул он и влетел внутрь комнаты.

Баба Давыдова охнула:

— Ну ты, шельмец Гуляевский, опять напугал меня... Чего надо?

— Я, вообще-то, не Гуляевский, а – Вовка Гуляев! А ты чё, баб, правда, что ли, испугалась?

— Испугалась-испугалась. С таким криком ввалился тут! Ишь ты, громкоголосый какой! Чё пришёл-то? За молоком, поди?

Вовка даже смутился сначала, но потом взял себя в руки:

— Да нет, баб. Тут где-то ружьё папкино у тебя, а он завтра с мужиками на охоту идёт! Вот я и пришёл забрать его.

— Ах ты, пострёл, чего удумал-то, ружо ему понадобилось, лучше молока попей. Ружо?! Отец-то чё сам не пришёл?

— Да ему некогда, на работе он занят. Молока попью, чего бы не попить, а ружьё папка сказал мне самому принести, и патроны тоже. Так что давай, баб, мне ружьё-то!

— Ишь ты, какой строгий, тоже мне Леонтий Сергеевич нашёлся, строжится тут стоит.

После дружеской перепалки, выпив молока и получив всё-таки ружьё с патронташем, Вовка отправился домой.

Путь до дома был трудным и долгим. Ружьё, висевшее за спиной, постоянно путалось в ногах, ремень тёр плечо, и после того как удары приклада о землю, а ствола по затылку стали невмочь, а патронташ начал сильнее тянуть к земле, он взял ружьё «наперевес».

В те годы в жизни советских людей всё было проще – взаимоотношения между людьми, взрослыми и детьми, а тем более в деревне. И, в общем-то, можно сказать, ничего не было в том особенного, что пятилетний пацан шёл по деревне с ружьём. Ноша была тяжеловата, и чтобы немного передохнуть, Вовка по дороге зашёл к другой своей бабушке – бабе Поле, для него все бабушки и дедушки в родне считались родными, он сильно не разбирался в тонкостях: родственники, значит свои!

Баба Поля аж присела при виде такого вояки:

— Кто ж тебя, сынок, так нагрузил-то? Миленький ты мой! И кто же это тебе ружьё-то дал?

– Да всё нормально, баб, дай воды попить, домой вот иду от бабы Давыдовой, у неё ружьё забрал, папка завтра на охоту собрался, вот несу ему.

— Да, тяжело ведь тебе, касатик! Пусть отец сам бы и нёс, я вот ему потом скажу пару ласковых, как детишек надрывать! А чего ж воды-то, ты вот молочка попей, да и пирожки у меня есть и с капустой и с картошкой.

— Молоко я уже попил, воды бы мне. Да и не тяжело мне вовсе, просто на улице жарко. Ну и пирожка два я возьму на дорожку, ладно, баб?

— Да хоть четыре возьми, Славку там дома угостишь от меня, а чё он-то не пошёл за ружьём этим, он-то больше тебя и постарше.

— На рыбалке Славка, а мне и не тяжело нисколечко. Ну, я пошёл.

И разве мог он сознаться, что тяжеловато ему, не по-мужски бы это было, хоть и тяжело, но зато какая гордость, ведь

не каждый день пацаны по деревне с ружьём настоящим ходят!

В переулках деревенская ребятня с завистью смотрела на Вовку, вернее, на ружьё и патронташ с патронами, и предлагали ему свою помощь, но он никому не мог доверить это дело:

— Баловство это всё! А вдруг оно ещё выстрелит, отвечай потом за вас!

...Домой он добрался в сумерках, в переулке его встречали взволнованные отец, мать и старший брат.

Встреча состоялась недалеко от дома, отец забрал у него ружьё, мать – патронташ. Уставший Вовка вытащил из кармана два помятых пирога и отдал брату:

— Баба Поля тебе передала!

— Ох ты, кормилец наш! – засмеялась мать, взяла Вовку за руку, и они пошли к дому.

Только позже он понял, что они за него сильно переживали, но это будет позже, а сейчас он брёл к дому в полусонном состоянии. Эту ночь он спал как убитый. И снилось ему цветочное, мирное поле с бабочками, перелетающими с цветка на цветок, и яркое тёплое солнце.

– 1963 –

Прощай, деревня

Весной и летом 1963 года произошли глобальные изменения, которые вскоре изменили весь отлаженный ритм деревенской жизни. Село перестало быть районным центром и было упразднено в обычное сельское поселение в связи с укрупнением двух районов в один большой.

Для Вовки, как и для других ребятишек, вроде бы ничего не изменилось, но из разговоров взрослых он понял, что это плохо, что это принесёт много проблем и неустройств.

Вскоре так всё и получилось.

Сначала из магазинов исчезли любимые Вовкой пряники: белые «мятные» и мягкие и сладкие – «северные». Потом полки прилавков в магазине стали пустеть с каждым днём всё больше и больше. А с наступлением осени вся их семья стала вечерами ходить в магазин за хлебом, где всегда приветливая знакомая продавец почему-то сперва зачитывала фамилии своих односельчан по списку, а потом продавала вызванным из очереди по половинке булки хлеба на каждого члена семьи, и только на тех, кто пришёл в магазин. Каждый вечер у магазина постоянно стало собираться чуть ли не всё село, почти как на майские демонстрации.

Всё это для Вовки было странно и непонятно. А дальше становилось хуже – об этом он стал слышать от взрослых. Потом Вовка стал ходить провожать своих друзей, почему-то уезжающих с родителями жить в Барнаул или другие города. Его родители тоже стали поговаривать о переезде. И вско-

ре Вовка узнал, что их семья вместе с несколькими другими семьями собирается уезжать на какой-то далёкий Север.

Так в его родной деревне началось массовое переселение людей в разные города страны. Вовка тогда ещё не знал, что такое в стране случается регулярно с интервалом в несколько десятков лет, об этом он узнает позже. А сейчас он готовился к отъезду и был очень рад тому, что на Север они полетят на самолёте, он ещё никогда не летал, но видел самолёт-кукурузник, частенько пролетавший летом над полем на краю деревни.

Последние дни перед отъездом он дотемна бегал по родственникам и тем местам, где любил проводить время, играя в компании сверстников в войну, где иногда в одиночестве отдыхал от беготни и фантазировал на разные темы. Сейчас он прощался с родной черёмухой, которая обильно росла зарослями в огороде и которая спасала его от обид и понимала все его горести и мысли, всегда успокаивала шелестом листьев и мягкой прохладой в летнюю жару.

Вот уже несколько недель Вовка готовился к отъезду на Север, в далёкий, незнакомый Норильск, складывал отдельно свои игрушки: деревянный автомат, вырезанный из дерева двоюродным братом, пару корабликов, выструганных им самим из коры дерева, металлического мотоциклиста на мотоцикле, подаренного крёстным.

И вот подошло время отъезда: холодным ноябрьским днём они уезжали со своей маленькой родины, уезжали сразу три семьи, шесть взрослых и девять ребятишек от трёх до тринадцати лет. Родители, прощаясь с родственниками, смахивали набегающие слёзы, а детям было интересно – их ждало что-то новое и неизведанное. С небогатыми пожитками, по одному-двум фанерным чемоданам на семью, они погрузились на полуторку, укрывшись старыми одеялами и тулупами, которая повезла их, заметая следы снежной позёмкой из-под колёс, в город Барнаул, откуда они полетят на далёкий и неизвестный Север, полетят далеко-далеко от родной стороны.

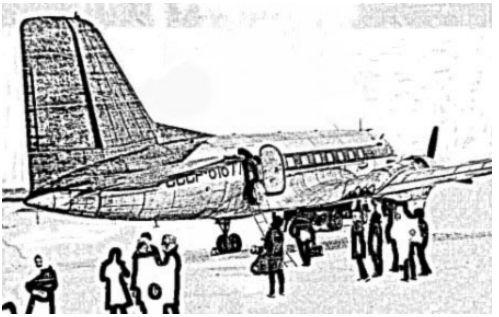
Вовка, сидевший в кабине рядом с шофёром, смотрел на бегущую вдаль дорогу и думал о чём-то своём, может, он вспоминал об уходящей в прошлое деревенской жизни, а может, думал и мечтал о наступающей новой; он сидел тихо и спокойно, молча глядя на бегущую в свете фар зимнюю дорогу, возможно, думая о том, какой она будет для их семьи и куда она его приведёт.

В его жизни это было второй раз, когда он ехал далеко из своей деревни. Первый раз это было давно, когда ему было четыре года, он с матерью, дедом Ильёй, которого в деревне звали «Колчак», и бабой Дашей ездили в Ленинград. Но тогда они ездили просто в гости и ненадолго – потом опять вернулись домой, в деревню. А сейчас он ехал в новую жизнь, в своё новое будущее и надолго. Что там будет, как их встретит это незнакомый Север? А его мысли снова и снова возвращались к деревне и к тому, что тот большой корабль, который был выструган старшим братом из берёзового полена, больше не будет спущен им на воду в дальнее плаванье по Оби, а если и будет, то кем-то другим. И некому будет делать запруды весенним ручьям на их улице, а если они и будут делаться, то опять же не им. От этого ему было грустно.

Но от этих мыслей его отвлекала дорога, лентой стелящаяся впереди – она как бы звала вперёд и была нескончаема, переметаемая зимней позёмкой – то белыми широкими полосами, то узкими, похожими на маленькие ручейки. Позади для шестилетнего Вовки было много, а вот что будет впереди?

Глава 2. Север. Встреча с Норильском

Север встретил их неприветливо. Сразу, выйдя из самолёта, Вовка почувствовал своим носом, щеками, что это не шуточное дело – Север! Его колючий пронизывающий насквозь ветер пробирался везде, он жалил и не давал открыть глаза, толкал резкими порывами и сбивал с ног, стараясь повалить наземь, но Вовка шёл, вцепившись обеими руками в руку отца. Первые десятки метров по Северу от самолёта до здания аэровокзала с трудом, но всё же были пройдены, и это была его первая победа. Там, в деревне, сильные морозы и снежные бураны тоже случались частенько, но они были помягче, что ли, или роднее, наверное, а здесь всё совсем по-другому: ветер и мороз более жёстко и злее кусал и бил со всех сторон. Вовка даже подумал, преодолевая эти тяжёлые метры, что Север не желает его пускать в свои владения, а хочет сразу запугать и показать, кто здесь хозяин.



Внутри небольшого вокзала было тепло и уютно, и только завывание пурги, со злобой бьющей ледяными лапами по стенам и в стекла окон, напоминало о том, что там, снаружи, лютует стужа.

Все места на скамейках были заняты, и они расположились на своих узлах и чемоданах возле стены. Отец с мужиками пошли узнавать расписание автобусов до Норильска, Славка дремал на чемодане, прислонившись к стене, а Вовка решил сделать «разведку» и узнать, где тут что находится. Его нос учуял вкусные запахи, идущие откуда-то из дальнего угла зала, и ноги двинулись в том направлении.

Это был буфет, чем-то напоминающий их деревенскую чайную, только размером поменьше, а за прилавком стояла такая же женщина, тоже в белом фартуке и белой шапочке, к ней стояла очередь из нескольких человек. Вовка протиснулся к стеклянной витрине, и его глаза «разбежались» в разные стороны, а рот открылся от большого количества разных вкусностей. Он не помнил, сколько времени простоял в этой немой сцене, прижавшись носом к стеклу и глядя на большой румяный пряник с какими-то буквами и рисунками, облитый белой глазурью: пряники для него – это было всё! Очередь обходила его, а он стоял и глотал слюнки.

Очнулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. Это была мать:

— Вовка, чего ты здесь стоишь, мы уж потеряли тебя.

— Мам, я во-о-он тот большой пряник хочу!

— Пойдём, возьмём деньги у отца и потом купим.

— Он последний. Сейчас кто-нибудь его заберёт!

— Да не заберёт никто, пошли.

— Скажи тёте, чтобы она оставила его! Скажи!

Кто-то из очереди сказал:

— Девушка! Этот тульский пряник, что на витрине у вас последний или ещё есть?

— Последний, – ответила продавец.

Вовка аж весь вздрогнул, услышав это, и громко сказал матери:

— Я же тебе говорил, что заберут! Говорил!

— Давайте его мне, – сказал дядька, который стоял самый первый, он забрал пряник и повернулся к Вовке. – Возьми, малыш, и кушай на здоровье! А то ведь правда кто-нибудь заберёт!

— Спасибо большое! – сказал Вовка, забрал свой заветный пряник и отправился к своим. Позади мать благодарила дядьку:

— Спасибо вам! Знаете, он так любит эти пряники, ну прямо никогда мимо их не пройдёт! Я сейчас деньги вам принесу!

— Да не надо, не переживайте за деньги. Это от души! Пусть ест малец, на здоровье!

Вскоре объявили посадку на автобусы и, пробежав сквозь густоту метели, они всей своей деревенской группой сели в один из них, заполнив почти половину его, злобный ветер и колючий мороз уже не доставали их, а лишь гудели за замёрзшими окнами в чёрной ночи. Автобус раскачивался от бурных порывов ветра, но пассажиры, находясь в тепле, уже расслабились, и некоторые задремали под монотонный шум мотора и завывания пурги.

Вовка с братом сидели у окна и попеременно дули на оконное стекло, стараясь проделать в толстой ледяной корке маленькие оконца, чтобы смотреть, что же там творится за окном в этой чёрной мгле на этом Севере. Оттаявший от их дыхания маленький кружок почти сразу же затягивался белым морозным инеем, а они всё дышали на него и тёрли пальцами, отвоёвывая у мороза миллиметры прозрачности стекла.

Впереди, в водительском стекле появились огни, много огней! Водитель сказал, видимо, для них – впервые едущих сюда, что они подъезжают к городу Норильску.

При въезде в город в автобусе сразу стало светлее, и яркий свет от уличного освещения проникал даже сквозь замёрзшие стекла. Казалось, что они приехали в какую-то сказочную страну, светящуюся разноцветными огнями витрин магазинов, с ярко освещёнными улицами.

Вовка вспомнил, как этой осенью, в деревне, он с родителями и несколькими родственниками шли из гостей поздно вечером по ночной улице, и только свет луны освещал им дорогу, да вдалеке возле дежурного магазина горел одиноко фонарь, освещая часть здания магазина и небольшую площадку перед ним. А здесь было светло, как днём, и это произошло как-то неожиданно и быстро: вот только что они ехали в кромешной тьме, где вообще ничего не было видно, а тут сразу раз – и светлота! Для его детского разума, да и для взрослых, наверное, это было ошеломляющим зрелищем.

И это был тот город, куда они все ехали, но помнится, что из разговоров взрослых, услышанных Вовкой, он понимал, что они боялись туда ехать, хотя всё равно поехали «на свой страх и риск в неизвестность» и их, детей, тоже взяли с собой. А он, город Норильск, оказался таким светлым и даже как-то сразу расположил к себе, показавшись очень уютным и добрым. Вовка, конечно, в отличие от взрослых, не боялся ехать на Север, ну, может быть, только чуть-чуть. И оказалось, что эти «чуть-чуть» – были зря!

Вовкину семью встретили родственники, материна сестра с мужем, о которых он слышал, но не видел никогда. Мужа материной сестры звали дядя Володя, и Вовка это сразу отметил для себя: «Раз так его зовут, значит, дядька – хороший, нормальный мужик», потому что с таким именем, в Вовкином понимании, он просто не мог быть плохим, ведь сам Вовка считал себя нормальным, хорошим пацаном!

Они поселились у тётки в однокомнатной квартире, которая была раза в два больше, чем их дом в деревне, так ему показалось: с большой светлой кухней и ванной комнатой с белой ванной, в которой можно будет плавать, и это он оценил сразу, а в углу зала гордо стоял ТЕЛЕВИЗОР! Вовка видел уже такой у родственников в Ленинграде. И здесь этот домашний кинотеатр тоже стоял на отдельной тумбочке.

Вовка со Славкой познакомились с братом и сестрой, теткиными детьми. А ещё посреди зала стоял стол, накрытый разными вкусностями, в центре стола на большой тарелке дымилась горка белых крупных пельменей. От всей навалившейся новизны и ароматных запахов кружилась голова. «Чего бы тут не жить, – думал Вовка, – тепло, светло, всё есть, особенно то, что поесть, тут у любого голова кругом пойдёт».

Знакомство с Севером и родственниками состоялось, а после шикарного ужина все те злые выпады пурги в аэропорту сразу забылись. Взрослые ещё сидели за столом, говоря о своём, а детей свалил сон. И снилась Вовке деревня, родной дом и черёмуха, по веткам которой скользили, играя с ним,

солнечные лучи, а он купался в их теплых объятиях, ему было хорошо и весело.

Утром, когда тётка с дядькой ушли на работу, младший братишка в детский сад, а сестра в школу, Вовкина семья вышла в город, как в новую жизнь, – осмотреться. Большие в несколько этажей дома светились окнами и стояли как горы.

Они зашли в ближайший магазин и буквально застыли от увиденного: высокие светлые комнаты магазина сияли разноцветными товарами на полках и в витринах – конфетами, колбасами, разными банками с соками, огурцами и помидорами, и ещё, и ещё. Вовка увидел много-много пряников, его голова закружилась от такого их количества и разнообразия.

Вдоль боковой стены стояли стеллажи отделённые блестящим заборчиком из труб, а на стеллажах лежали разного размера булки хлеба и булочки, пахнущие свежеиспечённым, ни с чем несравнимым, ароматом! Настолько много разного хлеба Вовка тоже не видел.

Потом мать дала им всем по двадцать копеек для покупки, и они, встав друг за другом, взяли с полок по одной булке и прошли к продавцу. «Вот сейчас она заставит нас положить половину булок назад», – подумал Вовка. Но этого не произошло, продавец взяла деньги, даже ничего не сказав.

Купленный хлеб был бережно принесён в их новое, пусть и временное, место жительства и положен в центре стола. Вечером Вовкина тётка, очень большая и, как показалось Вовке на первый взгляд, сердитая, спросила, придя с работы:

— А зачем это вы накупили столько хлеба?

— Так есть будем, а то вдруг завтра его не будет, не привезут.

— Но мы же столько не съедим за вечер, а хлеб у нас в магазинах привозят каждое утро и после обеда, поэтому не надо его покупать так много.

— Ну, если не съедим, то на сухари засушим, а с молоком и сухари очень вкусные.

— Хорошо, но больше не надо столько покупать, и не только хлеб, но и другие продукты. Они всегда в магазинах есть: и молоко и мясо, и колбасы разные, и фрукты разные, и картошка. Вот завтра я выходная, походим по городу, покажу, что и как, и где работаю, да и город немного посмотрите, оглядитесь.

То, что тётка говорила насчёт продуктов, и что они всегда есть в магазине, воспринять было трудно.

Но шли дни, они обживались на новом месте жительства, и всё постепенно становилось на свои места, как будто так в их жизни было всегда.

Через несколько дней родители устроились на работу, Славка стал ходить в школу, а Вовка полдня оставался дома один.

– НОЯБРЬ 1963 –

Знакомство с Севером

Сидеть дома было скучно, в деревне Вовке было привычней быть на улице, а здесь вот должен был сидеть закрытым до тех пор, пока сестра и Славка не придут из школы. И лишь потом можно было выйти во двор, где постоянно играла ребятня, он наблюдал за их играми в окно.

С этого двора началось его знакомство с северскими пацанами и с нравом Севера. При этом первом знакомстве Вовка узнал, что многие мальчишки были такие же приезжие, как и он, только приехали сюда раньше его, а многие родились здесь и тем гордились. Он постарался познакомиться с ними поближе, для чего, подойдя к группе ребят, представился, что он приехал из Сибири, и зовут его Вовкой. На ехидный вопрос одного крепкого конопатого пацана: «А ты не замёрзнешь здесь? В своей фуфайке», Вовка с достоинством ответил, что у них в Сибири ещё похлеще морозы бывали, и ничего – сдюжил.

— А может, ты ещё и на горке со мной поборешься? – не унимался рыжий, видимо, он был заводилой в этом дворе. Ребятня с интересом смотрели на затевающийся спор, который мог закончиться интересной развязкой, ну, например, небольшой дракой.

— Можно и побороться, – дал Вовка свой ответ. – Ты где будешь, на горке или под горкой?

— Да мне без разницы, где. А ты где хочешь?

Вовка понял, что это была своеобразная проверка, в деревне тоже иной раз так, бывало, проверяли друг друга, и он уже знал, что труднее захватить вершину:

— Давай ты наверху будешь, а я тебя оттуда буду сталкивать.

Рыжий был постарше Вовки, может, на год-полтора, но для Вовкиных шести лет с небольшим его рост был чуток поболее его годков, да и в устраиваемых в деревне зимой или летом разных свар типа «куча мала» он всегда сопротивлялся подолгу и не сдавался ни ровням, ни старшим мальчишкам.

— Ну-ну! – сказал конопатый и полез на вершину сугроба.

Ребятня встала полукругом.

Вовка не торопясь снял рукавицы, засунул их в карманы фуфайки, одновременно изучая выступы и углубления в снежной горке, и спокойно двинулся в сторону вершины, стараясь твёрдо ставить ноги, как бы закрепляясь. Рыжий стоял и ухмылялся, уверенный в своей победе.

Перед самой вершиной Вовка сделал «финт», он вроде бы немного поскользнулся и, специально согнув одну ногу в колене, второй при этом очень удобно закрепился в небольшом углублении горки. Противник не разгадал этот трюк, поднял ногу, чтобы пинком столкнуть вниз этого наглого «новенького шпанца», а Вовка, чуть отклонившись влево, ухватил «рыжика» за пальто и резко дёрнул на себя, тот полетел вниз, и Вовка, не удержавшись, тоже следом за ним. Этот приём он видел на родине, в деревне, когда деревенские мужики праздновали проводы зимы.

Тут Вовка оказался победителем, и вся дворовая ребятня это видела.

С рыжим, а его звали Женька, они так и не подружились, потому что после проигрыша и «позорного» скатывания вниз этот пацан подскочил к поднимающемуся со снега Вовке и заехал ему кулаком в нос. Вовка от боли и неожиданности упал лицом в снег: ему было больно, а больше обидно за такую подлость и несправедливость. Потом он молча поднялся, взял комок снега приложил к носу, глянул на противника и пошёл в сторону дома.

До него донеслись слова кого-то из мальчишек:

— Сейчас жаловаться пойдёт...

Но Вовка дошёл до крыльца подъезда, сел на ступеньки. Кровь уже почти остановилась, и он снегом стал протирать лицо, чтобы смыть следы крови. И только после этого встал и пошёл домой. Мать, конечно, увидела немного припухший нос, но Вовка сказал, что ударился об снег, скатываясь с горки.

Позже он понял, что это «крещение» было ему на пользу, и то, что он не стал жаловаться взрослым по этому случаю, вызвало уважение среди дворовых мальчишек.

Потом он днями носился по улице, знакомился с ребятишками и присматривался к новой обстановке. С рыжим у них установился определённый «нейтралитет»: вроде бы и вместе в компании играли, но друг к другу не приближались и не задирались. Просто были – и всё.

Мать устроилась на работу дворником через один двор от дома, где они проживали, и эта её работа Вовке нравилась, а вот в деревне она работала в какой-то сберкассе, там её работа ему была не совсем понятна – какие-то бумажки заполняла и перекладывала в папки и шкафы; люди приходили в эту сберкассу и то сдавали деньги, то получали, а здесь было интересно: она убирала снег возле подъездов дома. В помощь матери собиралось несколько Вовкиных новых друзей, заражённых его идеей построить много ходов и большую пещеру из снега. Снега на Севере было много, кое-где сугробы дохо-

дили до окон первого этажа. Мать деревянной лопатой вырезала кубы из твёрдого снега, а ребятня отвозила их на санках в сторону и строила снежную крепость и тоннели, а потом лазала по этим построенным лабиринтам вечерами.

И ещё им было интересно залезать в глубину снежных и уютных пещер, в которых совсем не чувствовался северный мороз и жгучий ветер. И Вовка рассказывал собравшимся разные истории, а они слушали, затаив дыхание, иногда переспрашивали: а когда это было? А что дальше? Ему это нравилось – он любил, когда его рассказы слушали, и тогда он ещё больше хотел придумывать и тут же на ходу сочинял такие невероятные истории, что сам верил в них.

В общем, не работа у матери была, а просто сказка.

Новая квартира – своя!

Через месяц им дали квартиру в том дворе, где мать работала дворником. Там к большому дому как раз закончили строить два подъезда. Вот в одном из них, на пятом этаже, им с материной работы и выделили двухкомнатную квартиру. Какой это был праздник – войти в своё новое жильё, а не ютиться ввосьмером в однокомнатной. Их новая квартира была большая, раза в два больше, чем тёткина, и уж конечно больше, чем их дом в деревне. Вовка с братом бегали по комнатам и кричали, а их крики раскатывались эхом по всей квартире.

Мать быстро накрыла «праздничный стол» – расстелила на чемодане скатерть и разложила на нём колбасу и сало, хлеб и соль, яблоки и пряники. Отец поставил посредине бутылку водки:

— Ну вот, сыны, здесь теперь и будем жить! Это хорошо, что свой угол теперь у нас есть. Давайте ешьте, а мы с матерью по рюмашке выпьем за наше новоселье! Чтоб жилось нам здесь хорошо.

В квартире было тепло, даже теплее, чем у тётки, наверное, это и вправду, что свои стены греют лучше. В этот дом они въехали самые первые и, так как мать работала дворни-

ком от ЖЭУ, ей выдали ключи от всех квартир в этих вновь построенных двух подъездах. В её обязанности теперь ещё и стала входить выдача ключей новосёлам, которые вот-вот должны будут вселяться в свои квартиры. Вовка принимал активное участие в этом – он ходил вместе с матерью и присутствовал практически при всех заселениях. Так он познакомился со своими будущими друзьями: двумя Сашками и Витькой, с которыми потом они были не разлей вода в течение четырнадцати лет.

В этом же дворе, прямо перед их домом, начали строить школу, в которую он пойдёт в первый класс на будущий год. Днями Вовка часами смотрел в окно и наблюдал, как работают строители, как краны разгружают машины: стены будущей школы росли быстро, а вечерами он с пацанами бегал по стройке, где они играли в прятки или прыгали из окон первого построенного этажа в сугробы.

Зима на Севере всё же была суровой, и ребятня, набегавшись и накувыркавшись в снежных сугробах, частенько грелась в тёплом подъезде. Мокрые и разрумяненные, они раскладывали обледенелые варежки на горячие батареи, а сами усаживались на ступеньки и тогда, в этой тёплой тишине, Вовка «садился на своего любимого конька» и начинал рассказывать своим друзьям новые честно выдумываемые им истории. В основном его рассказы были про войну, но они уже во многом отличались от того, что он рассказывал раньше – там, в своей далёкой родной деревне. Просто он стал взрослее, и его фантазии тоже стали красноречивее и интереснее для слушателей, а когда его слушали с интересом, Вовка преображался и рассказывал ещё более увлекательно и уверенно. Отогревшись и наслушавшись его россказней, друзья гурьбой вылетали на улицу и устраивали новые забавы.

Дом, в котором они жили, был большой: двадцать подъездов выходило во двор, а это около четырехсот квартир. И в каждой квартире жило как минимум по одному ребёнку, так что шум от сотен ребятишек стоял во дворе несмолкаемо

и, может, от этого казалось, что на зимних Норильских улицах было теплей, чем на самом деле. Набегавшись по снежным горкам, накатавшись на санках, Вовка и его друзья любили ложиться спиной на снег, раскинув руки, и смотреть на чёрное небо, усыпанное звёздами, когда это было возможно при отсутствии пурги. Иногда появлялось Северное сияние, переливаясь цветными сполохами – зрелище было завораживающее. И тогда каждый молчал и думал о чём-то своём. Вовку привлекала одна звезда, и она постоянно подмигивала ему, как бы желая что-то передать, но скорее всего это ему просто казалось. Он как бы спал и что-то чувствовал, смотря на ту мигающую звезду, только что – не понимал. И это непонимание было его неразгаданной тайной, которую он всё равно разгадает рано или поздно. Друзья частенько выводили его из этого задумчивого состояния:

— Вовка, ты чё, уснул, что ли?

— Чего бы я уснул. Ничего и не уснул, а просто задумался. Пойдемте играть на горку в «Царь горы»!

В этой игре, когда один или двое стоят на снежной горке, а несколько ребятишек пытаются их столкнуть и занять высотку, Вовка буквально врастал ногами в эту высоту и долго не давал себя столкнуть, упираясь и отбиваясь от нападавших. И каким бы долгим и упорным ни было его сопротивление, но он всё же оказывался внизу, скатившись кубарем по откосу. В этой «куче-мале» ребятишки могли остаться без варежек и шапок, а пуговицы на фуфайках отрывались постоянно. И частенько, оказавшись головой в сугробе, ребята задорно смеялись, потому что всем было весело, и никто не чувствовал себя обиженным. В эти моменты они даже не ощущали того, что на улице был мороз в 30—35, а то и под 40 градусов, и сильный северный ветер дул со всех сторон.

Зима в Норильске была лютая, а в построенных ребятишками убежищах всегда было тепло и уютно, а главное – весело и интересно, они с большой неохотой уходили вечером домой. Грустно им становилось весной, которая приходила

в середине мая, когда их снежные пещеры начинали рушиться и проваливаться, а когда эти снежные горы стекали водой в ручьи, то многие находили свои утерянные зимой варежки.

А сейчас, пока была зима, приближался Новый год, первый Новый год, который Вовка будет встречать на Севере, в Норильске!

– ЛЕТО. 1964 ГОД –

И какая бы ни была суровая и долгая зима на Севере, но и она сменялась весной, которая начиналась в Норильске в середине мая и к середине июня тоже уступала свои права лету. Лето наступало быстро и так же быстро проходило.

Всего около месяца выдавались более-менее солнечные дни, и недели две могли быть очень тёплыми по северным меркам – это 25—28 градусов жары, и пацаны, которые оставались на лето в городе, успевали за три-четыре дня так сильно загореть, как на юге загорали за недели две. Загорали и купались они на озере Долгом – это был большой водоём на окраине города. У него был пологий каменистый берег и такое же дно, которое через пять-шесть метров обрывалось в чёрную тьму, где веками лежал лёд, и откуда веяло ледяным холодом, но у берега вода была тёплая, обогреваемая горячей водой, бьющей фонтаном из подведённых труб диаметром полтора метра.

Ребята приходили на озеро с трёхлитровыми банками для ловли гольянов, которых потом, дома, жарили на сковородке. Компания с их двора, Вовка с друзьями и Славка со своими одноклассниками, была шумная и, хотя годков им было от шести до двенадцати, вполне уже самостоятельная. Они с визгом прыгали в обжигающую воду, устраивали водную чехарду, Славка не выпускал Вовку из вида, но тот и сам не лез сильно в воду, после случая в деревне он её побаивался, и лишь изредка он медленно заходил в воду по колено, как бы знакомясь с ней, чтобы узнать, что она готовит, садился на камни и начинал криком поддерживать своих друзей, но больше

ему нравилось потом быть на берегу. Там было спокойнее и надёжней, яркое солнце припекало спину, а ветерок от воды приятно поглаживал.

Всё больше и больше Вовке нравилось на Севере.

Всю зиму, весну и лето и днём и ночью строители возводили стены, несмотря на лютые северные ветра и морозы. А Вовка, просыпаясь утрами, первым делом смотрел из окна – как там строится школа; как быстро к лету выросли её стены, и вот уже вставлены окна; строители начали крыть крышу, и скоро они должны будут сделать покрасочные работы внутри, а там осенью он пойдёт в первый класс! Вовке очень нравилась наблюдать за работой строителей – ему было интересно.

Теплые летние дни на Севере очень короткие и непродолжительные – раз-два, и лето закончилось. Лето, начавшееся в конце июня, уже к середине июля быстро начало переходить в осень, дождливую и пасмурную. Ребятне это, конечно, не очень нравилось, но что сделаешь с этой природой? Да ничего.

Но какое бы ни было северное лето, Вовка с друзьями постоянно находились на улице, он теперь был уже большой – в июне ему исполнилось семь лет. Они своей компанией ходили в походы за город, в тундру, где уже начала созревать ягода – морошка, голубика и черника. Ягоды было много, и ей практически сплошь были усеяны все возвышенности и бугры в тундре, хотя в некоторых местах в низинах лежал серый лёд.

Наевшись и собрав по бидону ягод, радостные и уставшие, они возвращались к вечеру домой, а после ужина они опять выходили на улицу и играли, играли.

Плен

Однажды, в один из походов за город, Вовка с друзьями были захвачены в плен такими же ребятишками, правда, немного старше их, да и количеством больше раза в два, к тому же они были вооружены самодельными луками, арбалетами и палками, и настроены были довольно воинственно.

Их привели в какой-то сарай, сбитый из ящиков, досок и разного другого хлама, втолкнули внутрь и заперли.

Немного раскосый и чубатый, конопатый и рыжий пацан, видимо, он был старшим среди них, сказал:

— Интересно, чего вам надо на нашей территории? Чего вы здесь высматривали? Будем вас пытать, пока не скажете или выкуп нам не заплатите.

Вовке и его друзьям это очень не понравилось. И ещё Вовка подумал: «То ли все рыжие такие придурки!», но вслух он этого не сказал.

— Чего вы к нам пристали, мы просто шли в тундру, ягоду собирать. А ничего не высматривали, и вообще, давайте отпускайте нас, – сказал Сашка-Лёня.

Снаружи за стенками сарая засмеялись, потом был слышен какой-то разговор, и тот косоглазый сказал то ли своим друзьям, то ли пленникам:

— А лучше мы подожжём сарай! И поглядим, как они будут выбираться оттуда.

Ребятам стало страшновато, они не могли понять, что же происходит, почему «эти» хотят поджечь сарай? Что им от них надо? Шутят, наверное! А вдруг и вправду подожгут?

Пленникам стало не по себе.

Снаружи «захватчики» о чём-то разговаривали какое-то время, но вскоре голоса затихли. Прильнув к щелям сарая, ребята осмотрелись и увидели только двоих мальчишек, видимо, оставшихся в охране, а остальные, похоже, куда-то ушли. Может, за другими пленниками, а может, ещё за чем-нибудь.

И тут Вовка начал прыгать по небольшому сараю и громко кричать:

— Откройте, гады, у него кровь бежит из глаза, он наткнулся на гвоздь, ему, Саньке, срочно в больницу надо! Откройте, придурки, вас всех посадят!

Поняв Вовкин замысел, Сашка-Лёня начал громко стонать и всхлипывать. Два «охранника» подошли поближе, и один заикающимся голосом спросил:

— В-вы ч-чё там-м? П-п-правда, что ли, г-глаз вы-выткнули?

Вовка заорал ещё громче:

— Вот дураки и придурки! Да откройте же, ему же больно!

Заикастый приоткрыл дверь, чтобы посмотреть, что там случилось, и тут же был сбит с ног вываливающимися из сарая «пленниками», второго охранника тоже свалили наземь и дали несколько пинков, их луки вмиг были сломаны. И пока шла быстрая «расправа» с «охраной», Сашка-Лёня уже поджигал злополучный сарай.

Потом они бросились наутёк, а сзади полыхал огонь, и бывшие «охранники», грязные и с разбитыми носами, голосили вслед:

— Вы чё сделали, это же игра была, а вы! Ну, мы вас ещё найдём!

Добравшись до своего двора, запыхавшиеся и чумазые, но свободные и непобеждённые, они с мальчишеским азартом стали обсуждать происшедшее, как их «взяли», как они вырвались, но никто не вспомнил о том, как им было страшно.

В тот день их компания приняла своё первое боевое крещение – теперь они были побратимы: Вовка, два Сашки, Витька и ещё два мальчишки (но немного позже эти двое уехали в другой северный город – Талнах).

Так в их дворе по улице Комсомольская, 48 родилась новая группа друзей.

В первый класс

Лето на Севере очень короткое и в основном дождливое, поэтому его быстрый переход в осень едва заметен. А осень, как известно, начинается с первого сентября. И это праздник школы, ну, во всяком случае, это праздник для тех, кто впервые идёт в школу. Так что для Вовки это был настоящий праздник, он очень хотел в школу, хотя ещё не знал, что там и как будет в этой школе, но чувствовал, что всё должно быть

здорово! Ему предстоит, как его старшему брату, научиться читать и писать, и тогда он будет читать. Да, сам будет читать, а не просто слушать радиоспектакли и смотреть картинки в книжках или выжидать, когда кто-нибудь прочтёт ему интересную книгу. Он уже давно представлял себе, с самой зимы, как войдет в новую школу, строящуюся во дворе, как сядет за новую парту, откроет азбуку и...

Буквы из азбуки, конечно, он уже знал, почти все, но читать ещё не научился, как-то не получалось. Но вот в школе-то и научится!

А ещё ему очень хотелось одеться в новый, ему лично купленный, школьный костюм с белой рубашкой и взять в руки свой, личный, школьный портфель. Недели две назад он с родителями ходил по школьному базару и смотрел на разнообразие школьных предметов: тетради, ручки, карандаши, пластилин и прочие школьные принадлежности, всё было красиво и интересно, но больше всего он поглядывал туда, где продавалась школьная форма. Там, на вешалках, висели костюмы и белые рубашки с эмблемами на рукавах и притягивали к себе, словно магнитом. Вовка боялся и думать о том, что вот сейчас родители пройдут мимо этой красоты, а ему придётся идти в школу в том, что у него есть, в том, что носил когда-то его старший брат, а так хотелось иметь свою личную вещь, пахнущую свежестью новизны. Он молчал и украдкой поглядывал на родителей – пройдут они мимо или остановятся.

Они остановились, и отец сказал:

— Ну что, петушок, выбирай себе костюм и рубашку.

После этих слов всё в нем перевернулось и показалось, что весь мир затих, ожидая его выбора...

Новую покупку, завёрнутую в белую хрустящую бумагу, Вовка нёс перед собой гордо, как флаг, и ему казалось, что все вокруг смотрят только на него, понимают его радость и радуются вместе с ним, а солнце светит и греет как-то по-особенному: ярче и теплее, чем всегда. Он чувствовал себя очень

счастливым, хотелось бегать кругами и прыгать на одной ноге, а может, даже просто взлететь ввысь. Но он, как и подобает мужчине, с трудом сдерживая свои эмоции, изображая спокойствие, быстрым шагом двигался в сторону дома, правда, быстрее, чем если бы мать позвала его домой с улицы, раза в три-четыре быстрей, так ему не терпелось всё это надеть и пройтись «франтом» по квартире.

Потом, когда родители днями уходили на работу, Вовка наряжался и подолгу разгуливал по квартире в новой школьной форме, вживаясь в роль первоклассника, репетировал перед зеркалом свою походку, разговаривая со своим отражением, что-то ему доказывая. И только когда с улицы доносились крики друзей, зовущие его выходить, он аккуратно снимал форму, бережно помещал в шифоньер и только тогда, быстро одевшись в повседневку, выскакивал из квартиры на улицу.

До начала учебного года оставалось несколько дней, и с каждым днем всё больше ребятни появлялось во дворе: одни возвращались из пионерских лагерей, другие из «отпусков».

В школе строители заканчивали отделочные работы, трудясь с утра до вечера в две смены, а на большом школьном дворе ребятня уже осваивала футбольное поле с почти настоящими футбольными воротами, волейбольную и баскетбольную площадки. Август выдался на славу, с утра и до вечера детвора не загонялась домой, только если на короткий перекус или по другой надобности, и потому гвалт во дворе стоял тоже в две смены. Одна игра сменялась другой, а игр ребятня знала много: футбол и лапта, «из круга вышибала» и «пекарь», «бей-беги» и «монах в красных штанах», классики и «найди клад».

В субботний день, когда до учебного года оставалось несколько дней, как обычно, с улицы через открытые форточки доносились веселые крики друзей. Вовка быстро оделся, обул кеды и выскочил из квартиры. Ему вслед крикнула мать:

— Вовка, ты далёко?

— Я на улицу пошёл, с пацанами футбол погоняем.

Он вприпрыжку спускался по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Четвертый этаж, третий, второй. На площадке между первым и вторым этажами, возле почтовых ящиков, стоял пожилой дядька в яркой красной куртке и черных брюках. Таких курток Вовка не видел. Он остановился возле незнакомца:

— Здравствуйте! А вы кого-то ищете?

— Да вот к знакомым пришел, а их, видимо, дома нет, – ответил незнакомец.

— Ясно. Наверное, в тундру ушли ягоду собирать.

— Наверное.

— А здо́ровская у вас куртка, яркая такая.

Что ответил незнакомец, он не услышал, спускаясь вниз, перепрыгивая через ступеньку и, выскочив из подъезда, увидел возле подъезда мотоцикл. Обычно Вовка, выбегая из дома, перепрыгивал через перила, показывая свою лихость, и бежал вприпрыжку на школьный двор, где постоянно собрались друзья и дворовые пацаны для игр. Сегодня совершить лихой прыжок помешал этот мотоцикл, который с ревом пронесся на большой скорости возле крыльца, миновал двор, поднимая пыль, и скрылся в арке дома.

Вовка встал как вкопанный. Ему стало не по себе: «Если бы я не остановился возле того дядьки с расспросами, то мог бы как раз попасть под этот дурацкий мотоцикл! Бр-р-р!» Немного постояв, переведя дух, Вовка не спеша направился на школьное футбольное поле, где стояли друзья и молча смотрели в его сторону. Видимо, они тоже видели это. Когда он подошел к ним, пацаны обступили его и стали что-то говорить и похлопывать по плечу, спине.

Вскоре он стал понимать, что они говорят, успокаивают и переживают за него.

— Ничего, давайте играть, я на воротах чур стоять буду.

— Стой, конечно.

Во время игры Вовка иногда посматривал в сторону дома и заметил, что дядька в красной куртке вышел из подъезда, потом вышел отец, они о чем-то поговорили и ушли. Игра становилась серьёзней, и Вовке некогда было отвлекаться и зыркать по сторонам, нужно было защищать свои ворота.

В тот день вечером Вовка, хоть и был уставший, долго не мог уснуть, всё обдумывал произошедшее, представлял, что могло произойти, искал выходы, а что если бы\. ... И незаметно для себя уснул.

Волнительное состояние будущего первоклассника не покидало его несколько дней, особенно в последний. Походив в школьной форме по квартире, Вовка решил, что этого мало, и пришел к выводу (и откуда, только пришла такая шальная мысль?), что нужно побриться, как отец, по-взрослому. Он много раз наблюдал, как это делается. «А что, костюм есть, как у взрослых, что мне мешает? Ничего!» Подумано – сделано. С деловым видом, накинув на грудь полотенце, Вовка готовился к бритью: тщательно взбивал мыльную пену помазком, аккуратно размазывал её по щекам и подбородку, потом сделал первое движение бритвой, получилось, ещё раз и ещё. Как-то безболезненно и незаметно появились из-под пены красные капельки. «Порезался!» Быстро смыв пену с лица, Вовка обнаружил несколько незначительных, тоненьких по-

резов: «Да, неудачно получилось!» Он быстро смазал лицо одеколоном и убрал бритвенные принадлежности.

Вечером мать, вернувшаяся с работы, сразу заметила непорядок на Вовкином лице и спросила:

— Вова, ты что это порезанный весь? Никак брился?

— Да нет! – соврал Вовка сразу. – Просто я резал хлеб, а нож сорвался... неудачно.

— Несколько раз подряд? Что ж ты так неосторожно? Ну, ладно, хлеб так хлеб. Вот только борода к Новому году вырастет, будешь знать тогда, как бриться, – проворчала мать. – Завтра в школу, а ты с отметинами. Ну да ладно, что есть, то есть.

А вечером отец, узнав про это, усмехнулся, хлопнул Вовку крепкой ладошкой по плечу:

— Ничего, сынок! Иной раз шрамы украшают мужчину! Но без них, наверное, как-то лучше можно выглядеть! А, Вовка?! Как ты думаешь?

Вовка уже и после своего бритья понял, что лучше бы и без порезов этих быть! Но промолчал, только кивнул в ответ.

На следующий день, первого сентября, он встал раньше всех, в деревне бы сказали – «проснулся с первыми петухами», тщательно умылся, почистил зубы, долго разглаживал влажной рукой чуб, внимательно посмотрел на мелкие порезы на лице, так неудачно полученные вчера по своей же глупости. Потом тихонько оделся, взял портфель и сел на кухне у окна, поглядывая через него на школьное крыльцо.

Утро выдалось на удивление теплым, и лучи восходящего солнца дружно пробивались сквозь предрассветную дымку, заливая светом фасады домов, начиная с крыш, медленно опускаясь вниз, к земле. Через час на большом школьном дворе стали собираться первые ученики, Вовка не стал дожидаться родителей и быстро выскочил из квартиры.

Вскоре весь двор был заполнен учениками разных возрастов и родителями, в основном первоклашек. Все школьники выстраивались группами, каждый по своим классам.

Первых классов было семь, и Вовка попал в первый «А». Он стоял в группе своих будущих одноклассников и вертел головой, рассматривая их, особо знакомых среди них не было. Его друзья по двору были определены в другие классы.

На крыльце школы появились несколько человек: директор школы, завуч и представители строителей. Они стали произносить речи, но Вовка их не слушал, нет, слушал, конечно, но вполуха. Сейчас для него не это было самое важное, важное ждало впереди. Важным будет тот момент, когда он войдет в школу, в класс, сядет за школьную парту и для него начнется новая жизнь. Для себя он уже определил, что учиться будет только на «пять», ну, может быть, иногда и на «четыре»! Но больше на «пять».

Наконец-то прозвенел звонок колокольчика и они, ученики первого «А», первыми ступили на школьные ступени, первыми вошли в вестибюль, еще пахнущий свежей краской.

Школьная жизнь началась.

В просторном помещении, с высокими потолками и большими окнами, в котором им предстояло учиться, стояли три ряда новеньких, сверкающих парт. Вовка сел за первую парту у окна, ему это место как-то сразу приглянулось. Первоклашки, его будущие друзья, тоже расселись за парты и сидели смирно, глядя во все глаза на свою первую учительницу, небольшую и хрупкую женщину, которая улыбалась им приветливо и добродушно.

— Ну, здравствуйте, мои дорогие мальчики и девочки, вот мы с вами и вступаем в новую жизнь. А для начала нашего

долгого и интересного пути по миру знаний нам нужно с вами познакомиться. Меня зовут Зоя Николаевна Карасёва.

Это имя он запомнил на всю жизнь.

Потом она села за свой стол, открыла журнал, а в классе стояла такая тишина, что было слышно шуршание переворачиваемых страниц:

— Ну, что ж, начнем наше знакомство, ребята. Я буду называть ваши фамилии, а вы будете вставать, чтобы все в классе вас видели и тоже знакомились с вами. Андронов Коля... Бойко Витя... Горелов Саша... Гуляев Вова... Конькова Нина... Лисовская Нина... Никифоров Серёжа... Шармар Наташа...

Школьная жизнь захватила Вовкино сознание полностью, ему нравилось всё: новые друзья, новые заботы, а ещё ему очень нравилась эта маленькая, всегда улыбающаяся учительница, ему очень хотелось ей помогать во всём: принести из учительской стопку тетрадей и книги, протереть классную доску от мела, ему казалось, что Зое Николаевне тяжело. А если кто-то на уроке вёл себя плохо, что было крайне редко, он молча и украдкой показывал баловнику кулак: смотри, мол, у меня, не балуй! Учиться было легко и интересно, сколько было нового узнано, и как много ещё предстояло узнать.

После школы Вовка с гордостью шел домой, неся в своём портфеле тетради с красными звёздочками, которые учительница ставила за правильное написание палочек, крестиков и букв. Учёба шла своим чередом, и звездочки «сыпались» в портфель, как снежинки зимой.

Приближались новогодние каникулы, но вот в декабре Вовке крупно не повезло. Друзья, он и старший брат, как всегда после школы, катались с горок, а потом возили на санках друг друга. И так случилось, что в один из дней, когда Вовка тащил санки, на которых сидел старший брат, двигаясь спиной вперед, он провалился по пояс в промоину с водой. Мороз на улице стоял градусов под сорок, и пока они добрались до дома, его одежда так заледенела, что штаны и валенки гремели как жесть, а сам он был похож на ледышку.

Так что Новый 1965 год ему пришлось встречать в больнице, с двухсторонним воспалением лёгких. В больнице не очень интересно, хотя и было много ребятишек, но Вовке было скучно, ему не хватало свободы действия, а просто бегать по лестницам и отделению он не хотел – это было не в его правилах, правда, первые недели две ему было совсем не до беготни. Высокая температура и изнурительный жёсткий кашель приковали его к постели, так что новогодний праздник прошёл как бы мимо него скучным больничным хороводом вокруг ёлки, установленной в столовой. Все ходячие были наряжены в больничные мятые пижамы и халаты серо-голубого цвета, с вылинявшими почти до дыр рукавами. Кое-кто, правда, смастерил из газет какие-то папахи и фуражки, а ребята постарше вырезали из чего-то чёрные очки. Дедом Морозом была старшая медсестра. Она, приплясывая, ходила среди пациентов и старалась спеть песенку про ёлочку. Вовка смотрел на этого «чудо Деда Мороза», и вместо слов песни про ёлочку ему слышался её скрипучий и нудный голос: *«Опять раскидали по всей тумбочке печенье да яблоки, всё вам тащат да тащат. Ишь, и простыни у вас грязные, ну никакого порядка, всё за вами прибирай тут»*. Плохую игру роли Деда Мороза выручала хорошая игра баяниста: он ловко перебирал по кнопкам баяна, извлекая из него нежную музыку, которая и поднимала настроение всем.

Потом раздавали новогодние кульки с конфетами и апельсинами, общий праздник закончился, и все потянулись по своим палатам.

В тот же день, вечером, случилась неприятность.

Один из больничных ребят отобрал у пятилетнего мальца новогодний подарок, и Вовка встал на его защиту:

— Ты чё делаешь? Отдай быстро назад! Чё, тебе своего подарка мало?

За это заступничество он получил сильный удар «под дыхало». Глаза сами собой закрылись, лёгкие, которые ещё дышали вполовину, вообще перестали вдыхать воздух. И когда

Вовка очнулся, рядом с ним сидела молоденькая медсестра, а во рту у него была резиновая соска, и рядом лежала кислородная подушка.

— Ну, вот и очнулся, герой.

После этого случая Вовка узнал, что в жизни может быть встреча с подлостью и коварством, жадностью и наглостью, и понял, что с «гадами» нужно разговаривать не как с друзьями или знакомыми, а только с позиции силы, и быть постоянно готовым к их удару исподтишка.

В общем, лежание в больнице ему принесло не только выздоровление и много нового и познавательного, но и некоторые огорчения. Во-первых, было обидно, что новогодние каникулы прошли насмарку, да и сам новогодний костюмированный школьный праздник он пропустил, хотя костюм шахматного короля мать сшила недели за две до Нового года, а во-вторых, правильное написание букв «Д», «Ж», «З» он пропустил основательно, и ему придётся это навёртывать.

Но покидал он больницу с большой радостью, и в тот же день первым делом отправился во двор посмотреть на снежные сооружения: всё ли там в порядке. Всё оказалось на месте. Затем зашел в школу, постоял некоторое время в вестибюле и вернулся домой, чтобы приготовиться к завтрашнему дню. Почти месяц он не был в школе.

Как его встретят одноклассники? В класс Вовка вошёл спокойной и твердой походкой, он заранее настроил себя на серьёзный лад.

Одноклассники гурьбой окружили его, и каждый старался почему-то потрогать и хлопнуть по плечу или спине.

Значит, его долгое отсутствие не осталось незамеченным, и это радовало.

И вся Вовкина «деловитость и серьёзность» сразу исчезла, как будто её и не бывало.

Смех и шум заполнил класс, никто не услышал, как прозвенел звонок, и вошла учительница...

Глава 3. Норильск. Школьные истории

1965 ГОД

Температура

Этот случай произошёл весной и Вовке запомнился на всю жизнь, как хороший урок.

Шла последняя учебная четверть.

Огромные снежные горы, насыпанные полярной зимой и превращённые ребятнёй в горки для катания и изрытые пещерками с хитроумными ходами, скоро с приходом весны начнут таять, и все это «детское царство» превратится в огромную лужу. И зима с неохотой, но все же уступала свое место весне. Солнце с каждым днем поднималось выше, и солнечные лучи нагревали железные крыши домов, растапливали снег, который нехотя покидал своё удобное лежбище и, зацепившись за край карнизов домов, висел большими и маленькими сосульками, каплей за каплей скапывая вниз.

Весна чувствовалась во всём: вот она – куда ни глянь. Совсем недавно пушистый снег уплотнился, став ледяной коркой, сугробы осунулись и покрылись мелкими колючими ледяными иголками. В центре школьного двора, куда зимой периодически сливали воду из школьного отопления, стала понемногу оттаивать злополучная промоина, в которую Вовка проваливался перед новым годом, стёкла окон квартир наполовину покрытые зимой толстым слоем льда начали оттаивать. По всем этим приметам вот-вот должна начаться бурная весна, как у них было в деревне, превращающая снежные заносы в быстрые ручьи и ручейки. А там и долгожданное лето! Но это был север, и здесь всё было по-другому: зима боролась за свои дни, устраивала снегопады с пургой и морозом.

Весна приближалась, но медленно, очень медленно...

Как-то придя из школы, Вовка услышал разговор между отцом и матерью:

— Представь, мать, хотят субботы тоже сделать выходными! По два дня в неделю отдыхать будем.

— Это хорошо!

— Да, хорошо. Но вот в деревне у нас все равно без выходных будут работать. Там уже вот-вот посевная начнётся, какие тогда мужикам выходные!

— Так там и раньше выходных-то и не было.

Из разговора Вовка понял, что намечается что-то новое, и усёк главное, что теперь в субботу родители будут дома – на работу не будут ходить.

«Вот те на! А мы что? Нам, что ли, не отменят учёбу в школе? – подумал Вовка. – А может, и мы в субботу тоже не будем учиться!»

Но, увы, его надежды не оправдались. Нет, он, конечно, был не против учёбы, а наоборот двумя руками «за», но, тем не менее, взрослым-то сделали второй выходной!

Родители стали по субботам отдыхать, а они, школьники, как учились, так и продолжали учиться, с одним выходным.

В Норильск всё-таки почти пришла весна! Еще недавно на первое мая они ходили на демонстрацию, и мела пурга с колючим снегом, а сегодня солнце светит вовсю! Можно было бы на улице погонять, но была ещё суббота, и нужно идти в школу. В школу, конечно, охота, но родители-то дома, а ему идти! Славка уже ушёл.

Пошел...

Школа была рядом, в тридцати шагах, поэтому Вовка даже зимой не надевал ни пальто, ни шапку, чего зря в очереди в гардероб стоять – быстро добежал и в школе. На крыльце школы Вовка обернулся и посмотрел на окна своей квартиры. Мать мыла окна, солнечные блики отражались от стекол, показалось как-то тепло и празднично!

Войдя в школу, Вовка осмотрелся, у него появилась непонятно откуда шальная мысль: «Как бы увильнуть от сегодняш-

ней учёбы? Денёк такой здоровский, на улице бы погулять!» И увидев свою учительницу, Зою Николаевну, он подошел к ней и спросил:

— Зоя Николаевна, а тридцать семь и один – это нормальная температура? Или нет?

— Вова, а что, у тебя такая температура?

— Да я, да я так просто спросил, на всякий случай. Мало ли. Всякое бывает. Я же просто спросил.

Видимо, у него загорелись щёки от стыда. Он ещё так никогда не делал, не хитрил, а тут чёрт, что ли, попутал.

Зоя Николаевна потрогала его лоб и сказала:

— Нет-нет, Вова, давай-ка иди быстренько домой и лечись, я тебя сегодня отпускаю. Вовка повернулся и, опустив голову, пошел к выходу из школы. Вслед ему прозвенел школьный звонок.

Начались уроки.

Он шёл домой, а на душе скребли кошки: он обманул свою любимую учительницу, соврал ей про температуру! Хотя лоб и вправду горячий что-то. Дома на вопрос матери: «А ты чего это так быстро вернулся из школы?» Вовка уже как-то не совсем уверенно и сам того не желая, но всё же опять соврал: «А меня сегодня Зоя Николаевна отпустила, вроде говорит, что лоб у меня горячий, температура, наверное».

— Ну-ка, давай смерим твою температуру.

Он взял градусник, сунул его под мышку и, зайдя в свою комнату, сел за стол, открыл портфель, безучастно глянул на тетради и учебники, потом закрыл его. Лег на кровать.

Не лежалось.

Встал и выглянул в окно.

Но во дворе на улице никого не было, все друзья сидели на уроках в школе.

Делать было нечего, и Вовка снова сел за стол, вытащил градусник – тридцать шесть и семь, – положил его ближе к батарее, машинально открыл портфель и достал тетради и учебники, но все уроки им были сделаны еще вчера, а что зададут сегодня, он не знал. Но нужно было чем-то заниматься; он

просто открыл арифметику и стал решать примеры и задачки по порядку на завтра, на послезавтра, на послепослезавтра.

Когда из школы пришел старший брат, Слава, то сразу с порога спросил:

— Ты чё это, жук, сегодня в школу не ходил? Весь ваш класс учился, а ты – нет!

— На, посмотри. – Вовка подал ему градусник. Батарея нагрела его до тридцати семи и семи. – И не приставай. Я уроки на три дня вперёд сделал. Уж и поболеть нельзя!

Он всё-таки решил не сознаваться никому в том, что он тоже захотел, чтобы и у школьников было два выходных в неделю, но когда этот выходной только у него, а все друзья в школе – это как-то скучно. То, что он поступил очень плохо, Вовка за этот день осознал сам несколько раз, мысленно вспоминая свой обман и ругая себя за такой свой проступок. «И ведь совсем с ничего началось, с какого-то простого вопроса о температуре в тридцать семь и один, а она меня сразу же и отпустила».

Ему было очень стыдно!

Каникулы. Дело в шапке

Зима наконец-то сдалась и отступила, весна быстро прошлась по дворам и улицам города журчащими ручьями, унося зимние запасы снега в прошлое. Быстро оседали и рушились под ослепительным весенним солнцем снежные баррикады и тоннели, выстроенные за долгую полярную зиму ребятней. Но им было этого не жаль, снежные горы отслужили свою службу, а впереди было лето.

В Норильске было всё по-другому, не так, как в далёкой Сибири: здесь было три зимы, чуть-чуть весны, половина от сибирского лета и немного осени!

Вот и сейчас зимы уже не было, но снег еще лежал, и он был какой-то грустный и плоский, покрытый тёмно-серой скользкой коркой льда. Наступи на него, чуток подпрыгни

и будешь стоять по колено в этой холодной снежно-водяной каше. И мальчишки старались не упустить возможности использовать это для того, чтобы устраивать «водно-снежные ловушки». Самый маленький и легкий из компании детворы «протаптывал» тропинку, стараясь ее обозначить, пройдя по ней два или три раза туд-сюда. Посередине этой тропинки в ледяном насте, под которым снег был смешан с талой водой, пробивалась лунка в ширину тропки и в полметра длиной и тщательно маскировалась.

После этого ватага пацанов занимала позицию наблюдателей в отдалении на крыльце подъезда и следила за происходящим: взрослые или девчонки ступали на эту тропу и соответственно в середине пути попадали в «ловушку» – проваливались в снежно-водяную кашу, прыгали в сторону с тропинки и опять попадали в воду. Наблюдателям было смешно! Была в этой шутке некоторая опасность – вдруг в эту ловушку наступит какой-нибудь старшеклассник, тогда можно было и по шапке получить.

Вовке это не очень нравилось, он знал, что такое ледяная вода, потому что уже отвалялся в больнице с воспалением легких, поэтому своих друзей он отговорил от этой затеи. Но сколько их было таких «затейников» по городу?!

Асфальт возле стен домов раньше всего освобождался от снега и льда. И Вовка с друзьями с удовольствием резались в «пристенок» на щелбаны. Это всё было после уроков, которые вот-вот должны были закончиться долгожданными каникулами.

И вот этот день наступил – первый класс был окончен.

Как бы ни хорошо было в школе, но на каникулах всё равно лучше.

Школьники, получив свои дневники с годовыми оценками, как горох высыпались из школы, размахивая портфелями и ранцами, толкая друг друга. Заливистый смех и радостные крики слились воедино, шум стоял как на птичьем рынке, и казалось, что эти звуки накрыли весь город. И совсем было

не важно, если кто-то вдруг поскользнулся и упал в лужу, а кто-то стоял на краю этой лужи и был случайно обрызган при этом. Или то, что небольшие группки из трех или пяти девчонок вон там, в сторонке, кружились, взявшись за руки, а пробегающие мимо них пацаны между делом успевали дернуть их за косички. Так просто, от радости, что учеба закончилась, что наступили каникулы и близится лето!

В начале лета Вовка с друзьями, своей небольшой, но уже дружной компанией, ходили на окраину города, к тундре, издалека смотрели на её просторы, лежащие ещё под снегом и уходящие далеко за горизонт. В саму тундру ходить было ещё нельзя, родители запрещали, да и сами ребята уже понимали, что в это время это очень опасно!

Другое дело – бродить по окраине города, на стыке города и тундры, но и тут еще были большие снежные сугробы, которые укрывали отопительные трубы, и часто в этих сугробах тут или там зияли черные дыры – пещерки, образованные от тепла труб. В этих пещерках было сухо, и в них можно было вползти, посидеть и погреться, там было довольно-таки просторно и не очень темно, и присутствовала какая-то таинственность, а может, они придумывали про таинственность для себя.

Однажды в один из таких походов Санька-Лёня первым полез в найденную пещерку и через несколько секунд с выпученными глазами пулей выскочил назад, сбивая всех с ног.

— Ты чего, Саня?

— Там, там...дядька мертвый лежит!

До этого у всех было веселое, весенне-солнечное настроение, но при этих словах они, не сговариваясь, бросились наутёк. Через несколько метров остановились, переводя дух.

— А где твоя шапка? – спросили у Санька.

— Там осталась.

Что делать? Домой без шапки Санька не может идти, значит, нужно его шапку выручать!

Медленно друзья двинулись в обратный путь, подбадривая друг друга и, подняв по дороге палку, подошли к пещере. От-

туда веяло холодом, во всяком случае, мурашки по их спинам пробежали, точно громко топая. Какое-то время они стояли, боясь не то что заглянуть в неё, но даже подойти на метр к ней.

— Стой, не стой, а доставать шапку надо, – сказал наконец Вовка. – Давайте возьмёмся за руки, а Санька возьмёт палку и будет ею свою шапку доставать, а в случае чего мы его быстро оттащим!

После некоторых раздумий и обсуждений решение ими было принято, и общими усилиями шапка была спасена.

Потом они рассказали о своей «находке» встреченному по пути взрослому, вернулись в свой двор и постарались забыть об этом неприятном происшествии.

Так друзья получили ещё одно жизненное «крещение».

День рождения

Лето наступило так же стремительно, как наступает северная зима – враз. Сильного тепла ещё не было, но солнце практически не покидало небо, а если оно затягивалось серым туманом, то все равно и днем и ночью было светло – это называлось полярным днём, который пришёл в Норильск на сорок – сорок пять дней. Снег в городе уже весь стаял, зелёная травка пробилась мелкими росточками, земля просыхала после весенних вод.

Начинался период отпусков: многие одноклассники и ребятня со двора уже уехали с родителями на материк, кто-то ещё готовился к отъезду в отпуска, и много ребятни должны были ехать в конце июня в пионерские лагеря, под Красноярск. Вовка со Славкой тоже бы хотели в лагерь, но родители боялись их пока отпускать от себя так далеко.

— Ничего, побудете здесь, нам меньше переживаний за вас будет. Да и в школе тоже пионерский лагерь будут открывать. Тут даже интересней – днём в лагере, а вечером домой. А на будущий год мы тоже с отцом пойдём в отпуск, и поедем тогда все вместе в деревню на всё лето. Так что потерпите

и отдыхайте дома. Вон и друзья ваши почти все этим летом никуда не едут.

Оно, конечно, и здесь можно найти, чем заняться в каникулы, даже очень много разных занятий себе придумать, хоть в кино на мультики, хоть в тундру, хоть просто по городу походить или на озере Долгом позагорать, да мало ли чего ещё можно делать летом! А тут вот и праздник приближается – Вовкин день рождения! Это был один из его любимых праздников и, наверное, не только у него одного: в детстве он у каждого любим.

А нынче вот ему уже и восемь! Здесь уже взрослее надо к этому относиться, серьёзнее. Вовка заранее подговорился к матери, что хочет пригласить своих, ей уже известных, друзей, братишку двоюродного и кое-кого из класса. Мать ещё со вчерашнего вечера начала готовить всякие вкусности: крендели по-деревенски с маком, компот и смородиновый кисель, а сегодня с утра – сладкий пирог из варенья, котлеты и жареную картошку с зажарками! Угощение было на славу! Вовка тоже приготовился к встрече гостей: во второй комнате расставил шашки на шахматной доске, приготовил ученические перья для игры в «пёрышки», достал фильмоскоп и пленки-диафильмы со сказками. К полудню все было готово к встрече гостей.

В ожидании гостей он поминутно выглядывал в окно – идут ли, ему не терпелось усадить всех за стол и начать «поздравляться».

Гости пришли почти все одновременно, поздравили Вовку у порога, вручили подарки и прошли за стол. Именины начались, но как-то не так, как хотелось бы, какая-то скованность была среди гостей, а тут еще одноклассница пришла со скрипкой и стала играть ему в подарок. Музыка скрипки была не совсем понятна, это не то, что гармошка там или мандолина. Да ещё оказалось, что девчонка эта всего первый год как начала ходить в музыкальную школу, но держалась и старалась водить смычком по струнам так, как будто она очень давно играет.

Но Вовке стало почему-то грустно, да и другие как-то приуныли, наверное, день рождения все-таки не такой уж и радостный праздник. А девочка всё играла и играла. То ли от музыки, то ли от тесноты комнаты, ему захотелось выбежать на улицу и поиграть в лапту или в «бей-беги». Играть в шашки и смотреть диафильмы расхотелось...

Пока она играла, Вовке вспомнился его день рождения в деревне два года назад. Тогда он обежал весь свой переулок и ближайшие улочки и сообщил всем соседям, что у него именины. Соседские тетки тепло поздравляли его, одаривая кто конфеткой, кто пирожками, кто пряниками или домашними кренделями и булочками. Поздравляли они его запросто и от души, но в гости почему-то не приходили. А вот их босоногие дети пришли к нему домой, многие даже ещё вперёд его, и тоже с подарками: кто-то принес рогатку, кто-то самодельную удочку, а кто-то и просто так пришел. И мать с бабушкой вынесли им во двор чашку с домашней выпечкой: пирожки с картошкой и ватрушки, блинчики и оладьи, чашку мёда и трехлитровую банку молока. Ребятня веселой гурьбой рассаживалась на бревнах и с разными веселыми прибаутками с удовольствием уминала угощенья, запивая молоком, прямо из банки. И когда Вовка приходил после своего обхода, то во дворе дома его ждала «гвардия» жующих гостей. Он тогда выкладывал из-за пазухи полученные подарки от родителей этой «гвардии» и тоже угощал девчонок и мальчишек. Мать, видя это, на полном серьёзе говорила:

— Ну, вот добытчик пришёл, слава богу, а то я уже и не знала, чем ещё гостей твоих угощать!

А потом они, сытые и довольные, шли бегать по шелковистой траве на склон косогора, а потом принимались за охоту – выливали сусликов из нор. Эта охота была прибыльной: в заготконторе платили деньги за шкурки сусликов и полевых мышей – две копейки за мышь и пять копеек за шкурку суслика! В этом деле интересен был также и сам процесс, помимо возможности заработать свою копеечку: брались бидоны и ве-

дра с водой, из подручных средств готовились петельки для ловли, в основном использовалась шерстяная нить, втихаря оторванная от бабушкиного шерстяного клубка для вязания, и вперед, на охоту!

Вовка так глубоко ушёл в свои воспоминания, что очнулся от них только после того, как стало как-то тихо, тихо. Скрипка молчала, гости тоже. Они молчали и с интересом смотрели на него. И он вдруг, даже неожиданно для себя самого, зачем-то сказал:

— А может, пойдем сусликов выливать?

Ребята дружно засмеялись.

День рождения продолжился на весёлой ноте, а может быть, только начался.

Тундра. Самоволка

Лето на Севере краткосрочное, теплых дней, даже если их и было бы больше, всё равно бы не хватало.

С каждым днём детей во дворе становилось всё меньше и меньше – отпуска. В начале июля двор почти опустел, отдельные небольшие кучки ребятишек, играющие возле своих подъездов, были практически незаметны. На школьном футбольном поле ещё вчера играли по несколько команд «на вылет» в очередь, а сегодня всего несколько пацанов гоняли мяч в одни ворота. Но вот при школе открылся дневной пионерский лагерь, и двор сразу ожил; в лагерь пришли дети из других дворов, ближних и дальних.

Вовка и оставшиеся в городе друзья, конечно же, тоже пошли в этот лагерь – там была возможность позаниматься в разных кружках, почитать интересные книжки и поиграть в различные настольные игры, поучаствовать в спортивных соревнованиях в спортзале или даже на городском стадионе между командами школьных лагерей. И вообще в лагере намечалось много интересного: культпоходы в кинотеатры на специальные сеансы и в театр, на плавание в плаватель-

ный бассейн, и проведение военной игры «Зарница», и даже стрельба из пневматических винтовок в настоящем военном городском тире. Пионерский лагерь работал до четырех часов, и после этого кто-то уходил домой, а некоторые оставались поиграть на школьном дворе, и вечерами во дворе опять стало шумно и весело.

Старший брат Слава почти постоянно сидел дома, то он что-то рисовал, то вырезал фигурки из дерева, то печатал фотографии. А Вовка с младшим двоюродным братом, другом Сашкой-Лёней и несколькими новыми друзьями после лагеря и в выходные дни ходили по городу – в кино они пересмотрели все мультфильмы по два, а то и по три раза. Газировки за летние дни выпили с запасом на всю зиму. И иногда поднимались на гору к телецентру, и с самой её верхотуры смотрели на озеро Долгое, на тундру и на гору Шмидтиху. Смотря на эту своеобразную красоту тундры, которая простиралась до самого горизонта и уходила куда-то далеко-далеко, у них возникало постоянное желание: «Вот бы сделать туда поход, да подальше бы! И посмотреть, что там вдалеке за городом, какие тайны хранятся в этой тундре, которая практически не видна зимой. А летом вот она, покрытая зеленью вперемешку с лежащим местами вечным нетающим снегом и льдом, сверкающим короткими вспышками под лучами северного солнца». Но родители строго-настрого запретили самостоятельно уходить в тундру, а пацанам ну очень хотелось вырваться на волюшку! Да вот ещё говорят, что и ягода поспевает уже вовсю.

Подвалы ближайших домов и чердаки ими уже были обследованы и особого интереса не представляли, так себе, годны были только для игры в прятки. Но прятки – уже скучно, в казаки-разбойники или «найди клад» тоже каждый день играть не будешь. Нужны были новые ощущения, новые познания неизведанного. Тундра манила! И однажды они решили рискнуть.

В субботний день погода выдалась теплая и солнечная. Прихватив из дома кое-какой провизии, друзья выдвинулись

в «экспедицию». Из города они вышли быстро, их дом находился в нескольких сотнях метров от окраины города, так что оказаться в тундре особого труда не составило.

Торопиться было некуда, весь день у них был впереди, и друзья играючи двинулись в направлении горизонта, то спускаясь в низины, где еще лежал серыми льдинами снег, то поднимаясь на бугры, покрытые травой, цветами, мелким кустарником и мхом, на буграх попадалась почти спелая ягода морошка, голубика, брусника и черника. Почва, покрытая толстым мхом, пружинила под ногами, но идти было легко.

Тундра завораживала своим великолепием и пространством, она как бы играла различным сочетанием цветов и красок. В ней присутствовали одновременно все времена года: весна с её нежно-бирюзовыми оттенками, лето с сочной зеленью, осень с золотисто-оранжевыми красками и зима с белым снегом и льдом – от серого до чёрного. А светло-голубое небо было подкрашено хлопьями перистых белых облаков с нежно-лиловыми мазками. Казалось, что кто-то очень большой раскидал разные краски: от бледного жёлто-зелёного до буро-коричневого на огромной площади тундры, а в воздухе стояла удивительная тишина.

— И ничего здесь и не страшно! – сказал Вовка и, обернувшись в сторону города, добавил: – Вон и дома видать. Далековато, правда, мы уже ушли!

В тундре было здорово и интересно: в низинах прохладно, почти холодно, а на вершинах бугров даже жарко, и приятный ветерок лохматил их волосы.

Сколько времени длилось их путешествие – трудно сказать, может, два часа или три, но пора было возвращаться домой, для первого раза этого было достаточно. Передохнув немного на одной поляне, поросшей плотным и мягким слоем мха, погрев свои лица под ласковыми лучами солнца, друзья отправились назад, но решив сделать небольшой круг для лучшего ознакомления с местностью. Вовка предложил со-

товарищам взять маршрут влево, как учил его отец, когда они ходили давно-давно, ещё живя в деревне, за грибами в лес. Отец говорил: «Если идти всегда прямо и при этом постоянно немного «забирать влево», то в лесу, сынок, никогда не заблудишься, а так или иначе все равно выйдешь на то место, откуда пошел!»

И они двинулись влево, в обратный путь. Через некоторое время дорогу им перегородил широкий ручей, воняющий тухлятиной. Мутная жидкость текла со стороны города куда-то далеко в тундру. Вид речки и особенно её запах не очень-то понравился ребятам – от неё веяло каким-то неприятным, пугающим холодком.

— Интересно, откуда эта гадость бежит? Это сколько же должно было рыбы протухнуть, чтобы речка так воняла? – высказался Санька-Лёня.

— Это точно. Воняет так воняет, – поддержал его Вовка. – Ну что ж, через неё мы, конечно, не пойдём, опасно. А вот вдоль нее и двинем, только отойдем малость подальше, а то несёт как из уборной, да и спокойней будет подальше от неё. Она все равно от города бежит, так что к городу и придём, да заодно и найдём, откуда это столько всякой бяки течёт.

Через некоторое время они добрались до истока. Это была огромная труба, торчащая из бугра, зияющая зловещей чернотой и изливающая зловонную жидкость.

— Так это же все из туалетов течет, из домов! Ни фига себе!

Это было для них большое и довольно важное открытие! Теперь они знали, куда из их ванн, раковин и унитазов уходит вода, которая каким-то образом собирается из сотен домов и попадает в эту одну огромную трубу и бежит по тундре зловонной рекой. Вот когда пацаны приедут с каникул, то будет о чем им рассказать!

Домой они вернулись уставшие, но гордые своим успешным, хоть и без особых приключений, походом!

Велосипед

Любое «исторически значимое» событие для человека всегда происходит неожиданно, как бы случайно. Но, как правило, к этой подвернувшейся случайности приводят ряд весьма не случайных, но последовательных желаний, поступков или какие-либо, спонтанно или продуманно, принятые решения.

Вовкин друг Витька, как и все мальчишки, давно мечтал иметь свой велосипед. Такой, чтобы был со звонком и сверкающим никелем рулем, багажником и кожаным седлом, и чтобы летом не просто бегать по улице и сбивать ноги, а кататься на собственном велике, может, когда и младшую сестрёнку прокатить, если вредничать не будет, ну и друзьям дать по школьному двору проехать, так, пару раз. Не все детские мечты, да и не у всех, сбываются, а вот Витьке повезло – его мечта сбылась: родители купили ему новенький велосипед. Радости Витьки не было предела!

Его друзья, Вовка и два Сашки, завидовали доброй завистью ему и искренне радовались такой удаче, а как же – будет и у них возможность «гарцануть», Витька же всё равно не сжадничает, наверное, и даст им тоже покататься.

Каникулы подходили к концу, и до учебного года оставались считаные дни, времени на получение удовольствия от катания на велосипеде было мало, вот-вот – и снег выпадет, и наступят холода. Каждое утро ребята собирались на крыльце подъезда и ждали Витьку с велосипедом. Каждый из пацанов старался помочь ему спустить с крыльца по ступенькам этого «железного коня».

— Но-но, вы аккуратней, не поцарапайте! – то и дело твердил Витька. Никто на него за это не обижался, ведь ясное дело, вещь – В-Е-Л-О-С-И-П-Е-Д!

Витька первым проезжал три-четыре круга по школьному двору, не сильно торопясь крутить педалями, наслаждаясь ездой и тем, что пацаны глядят на него с завистью! Друзья терпеливо ждали своей очереди.

— Каждому по одному разу даю круг сделать. Понятно? Один круг и всё!

Потом Витька ещё наматывал несколько кругов и бережно уводил велосипед домой. А пацаны, зная, что больше прокатиться не удастся, начинали играть в свой любимый футбол. Вовка чаще всего стоял на воротах, ему нравилось в футболе быть вратарем, как-то приятно было не пропустить мяч в свои ворота и услышать после игры: «Молодцы мы! И Вовка здоровски мячи ловил!»

Так и проходили последние дни летних каникул в играх и походах.

Как-то так получилось, что на велосипеде сломался звонок: звонил-звонил и перестал. То ли шурупчик как-то открутился, то ли пружинка лопнула. Ну, не стал он больше звонить.

— Всё, теперь никому не дам, сломали звонок, конечно, не ваше же, так и весь велик сломаете! – сказал Витька. И стал один кататься.

А ребята играли то в футбол, то в лапту или «бей-беги», поглядывая иногда на Витькá.

Однажды к Витьке, остановившемуся с велосипедом у школьного крыльца, подъехали незнакомые пацаны вдвоём на одном велосипеде. И о чем-то стали с ним разговаривать. Вовка решил подойти и узнать, в чем дело.

— ...да у нас таких звонков полно. Поехали, мы тебе один отдадим, просто подарим, зачем нам много звонков, – сказал один из пацанов.

— Поехали! – согласился сразу Витька.

— Витька, ты бы не ездил, нафига он тебе этот их звонок? Отец придет с работы и сделает!

— Ругаться он будет!

— Ну, чё, поехали, что ли? Давай, езжай за нами! – И мальчишки лихо закрутили педалями. Витька поехал за ними.

Вовка вернулся к играющим в лапту ребятам.

— Куда это он?

— Да за звонком для велика поехал. Эти двое ему пообещали подарить. У них, говорят, много звонков.

Ребята продолжили игру. Время в игре шло быстро. Вдруг кто-то воскликнул:

— Смотрите, Витёк идет! А чего это он пешком, без велика?

Из-за угла дома брёл Витька, вытирая рукавом слезы. Воротник рубахи был оторван. Велосипеда с ним не было!

— Витька, ты чё? Что случилось? А, велик-то где?

— Они... они... они–и меня по голове ударили... и велосипед забрали-и-и-и! Я за ним-и-и бежал, но он-ни уехали!

Кто-то из ребят съёрничал:

— А звонок-то хоть отдали?

— Да нет, они по «звонку» ему дали! – сказал ещё кто-то.

— Ладно вам ехидничать! – сказал Вовка. – Видите, ему и так больно и обидно! Вот сволочи! Говорил я тебе: не езди, нафиг он тебе сдался, звонок этот! А теперь чего плакать? Надо искать тех пацанов, и велик забрать назад!

— Давайте разобьёмся по трое и обойдем ближайшие дворы! Может, и найдём их и велик.

Поиски заняли два дня. Но ни тех пацанов, ни велосипеда так и не было найдено.

А Витьку родители не ругали, они просто сказали ему, что велосипед – это роскошь, а поэтому ходи пешком и дыши глубже.

Милиция тоже велосипед не нашла.

А может, и не искала вовсе...

Второй класс. Сменная обувь

В конце августа начались моросящие дожди. Каникулы закончились. Пришел сентябрь. По утрам лужи во дворах и возле школы были покрыты ледяной корочкой, вполне выдерживающей малышню. Поэтому мальчишки-второклашки и третьеклашки, ходившие в школу уже самостоятельно, без

опеки родителей, старших братьев или сестер, старались воспользоваться этой свободой и возможностью: разбежавшись по островкам замерзшей земли, прыгнуть на зеркальную гладь бывшей лужи и прокатиться по льду. Особым шиком было – удержаться на ногах! Не всем и не всегда это удавалось. Ранец за плечами мешал катанию, и сумка со сменной обувью, болтающаяся на руке или зацепленная за ранец, тоже была лишняя. А так как лёд был еще не такой толстый, то падение на него и удар ранцем или какой-либо частью тела о лёд грозило возможностью оказаться мокрым и грязным. Но это не пугало и не смущало большинство мальчишек – это было их северным азартом, своеобразной закалкой и получением определённого житейского опыта.

До того момента, когда выпадет снег и уляжется толстым слоем, это занятие было одним из самых интересных. Это уже потом, чуть позже, зальётся каток на летнем футбольном поле.

А сейчас... Ух! Ах! Ох! Бух!

И как бы ни была хорошо замерзшей земля, но в школу без второй сменной обуви первые недели три не пускали.

В вестибюле школы на первом этаже один вход на верхние этажи перекрывался на замок, а на втором всегда стояли дежурные старшеклассники в красных галстуках и с красными повязками на рукаве, и они тщательно осматривали каждого школьника, чтобы без сменной обуви ни-ни. У ребят из младших классов они ещё и уши проверяли, руки и ногти на руках, на отсутствие их чистоты или наличие грязи. Так что приходилось утрами хорошо умываться и мыть руки, ну и носить сменную обувь, а потом переобуваться в вестибюле и выстраиваться в очередь для прохождения контроля!

Вовке и его друзьям эта процедура не нравилась: столько времени пропадало зря! Так можно было бы до начала уроков еще поиграть в рекреации в разные игры, футбол гуттаперчевым мячиком погонять, а тут стой...

И они придумали, как не носить с собой эту противную «сменку» и обойти контроль! Было испробовано несколько

способов. Вначале бралась одна холщовая сумка со сменной обувью на всю ватагу из семи ребят. Один проходил через дежурных, показывал эту сумку, и, поднявшись на этаж выше, выбрасывал её в форточку стоящим на улицу друзьям. Так повторялось шесть раз. Идея была интересная сама по себе, но последний из их компании, отстояв длинную очередь у входа, поднимался к ним почти перед началом урока. Это было не очень интересно. Нужен был другой план!

И они его придумали.

Все двери в школе были стеклянными, и так как лестничные клетки находились в противоположных концах школы, а дежурные стояли только у одних дверей, то можно было пройти через вторые двери! Пусть даже они и были закрыты на замок. Не беда! Для этого в одну из перемен ребята решили «провести секретную операцию»: сначала они аккуратно с помощью отвертки освободили стекло в одной «шипке» двери от штапиков, затем чуть-чуть закрепили эти штапики на пару гвоздиков – для быстроты снятия стекла.

На следующий день было решено опробовать свой план в действии. Они приходили чуть пораньше, и один из них проходил через контроль, как и в первом случае, затем быстро пробегал по второму этажу в противоположную часть школы, спускался на первый этаж к закрытой двери, вынимал стекло. Друзья, прикрывая друг друга от лишних глаз, один за другим проскальзывали через это отверстие, а последний вставлял стекло на место.

Потом на каждой перемене они обсуждали, как всё ловко проделали. На третий или четвертый день Вовка решил, что нужно в это «дело» внести что-то этакое, интересное. Пока первый проходил со сменкой и бежал через второй этаж, Вовка медленно ходил вдоль шеренги ребят и девчонок, стоящих в длинной очереди и в шутку спрашивал то у одного, то у другого:

— У тебя лишней «сменки» нет, а?! А то я забыл!

Потом он быстро возвращался к своей компании, проскальзывал через подготовленную лазейку, пробегал по второму

этажу, спускался по лестнице, становился на площадке между первым и вторым этажом у окна и смотрел, как школьники проходят «досмотр». Когда мимо него проходили те, у кого он минут пять назад спрашивал про «сменку», Вовка говорил:

— Ну вот, видишь, ты еще только прошёл, а я уже здесь! Вот так-то! Учитесь!

Реакция школьников на такое «перемещение» была разная: удивление, восхищение и непонимание, как это такое может быть. Конечно, долго эти фокусы не могли продолжаться. И вот однажды, через недели полторы или две, их веселая и дружная компания, войдя в школу, увидела следующую картину: возле их потайного лаза стояли директор Пуговкин Владимир Иванович, учитель труда и двое дежурных старшеклассников. А из отверстия в двери вместо стекла торчала половина школьника, который болтал ногами, пытаясь или вылезти назад, или вперед. Ни то, ни другое у него не получалось. Он застрял!

Смотреть на это было смешно. И как-то немного грустно, а вдруг и это был бы ты!

Вокруг собрались школьники, смотрели на это и смеялись.

На следующий день директор отменил дежурства и обе двери с тех пор не закрывались. Вход всегда был свободен!

Школьники очень уважали своего директора школы. Про него ходили слухи, что во время войны он служил в разведке. А для мальчишек это было самое лучшее доказательство того, что Владимир Иванович – это очень хороший, смелый, справедливый и честный человек.

Сентябрь 1965 г.

«Циклоп»

Осень резко перешла в зиму.

И северная зима опять стремительно и с каким-то явным удовольствием засыпала снегом все вокруг, укладывая его плотно и надолго. После школьных занятий детвора во дворах опять, как и в прошлом году, усиленно и с радостью помога-

ла зиме в строительстве сугробов, это было в их интересах. Учитывая опыт прошлой зимы, когда пришлось выкапывать лабиринты и пещеры в сугробах, Вовка и его друзья – Витька и два Сашки, решили соорудить это заранее. Благо материалов было предостаточно: деревянные ящики из-под фруктов выставлялись на выброс возле магазина, около двухэтажной «мусорки» постоянно появлялась старая, но ещё пригодная для мальчишеских затей, мебель.

«Строительство» шло с размахом: готовились две-три небольших комнатки на три-четыре человека, которые соединялись переходами, и устраивалось несколько входов: два-три с боков и столько же наверху. Работа была ежедневная, снега с каждым днем становилось все больше и больше. Каждый вечер к ним стали присоединяться другие ребятишки из двора, желающие помочь. Дело спорилось, смех и задор царил на «стройплощадке», кто работал лопатой, кто-то подвозил на санках снег. Дворники тоже радовались, детвора здорово помогала им в их нелегкой работе.

Морозы крепчали, в декабре стали усиливаться ветра.

Однажды придя в школу пораньше, как всегда, и отбегав до звонка на урок в рекреации и по лестницам, школьники разошлись по своим классам. В первый «А» класс вошла учительница Зоя Николаевна:

— Здравствуйте, дети.

— Здравствуйте, Зоя Николаевна, – дружным хором ответили дети.

Они очень любили эту худенькую и всегда улыбающуюся женщину. Её приятный и спокойный голос, её отношение и постоянное внимание к ребятам излучали теплоту. И они старались вести себя на уроках так, чтобы ничем не обидеть и не расстроить её.

— Дети, слушайте меня внимательно! Я хочу вам сказать следующее: сегодня занятий в школе не будет и, скорее всего, завтра тоже! По сообщению метеорологов с Севера приближается сильный циклон. Поэтому сейчас вы возьмёте свои портфели, мы с вами дружно и спокойно спустимся вниз

к гардеробу, вы оденетесь и пойдёте домой. Только домой, нигде не задерживаясь. Бояться не надо, но лучше быть дома и ждать своих родителей, на улицу не выходите. Почитайте книжки и порешайте примеры. По каждому предмету вам задание на эти два-три дня изучить по две странички. Что делать – написано в заданиях. Вы меня хорошо поняли?

— Да! – дружно ответили все.

— Ну, до свидания, дети! Слушайте радио об отмене актировки. Как отменят, жду вас в школе.

Школа гудела как улей пчел.

То там, то здесь слышались возгласы школьников из младших классов: «Циклоп идет! Вот здорово, не учимся! Циклоп! Здоро-о-о-вый такой циклопище!.. Циклоп... Циклоп...»

А за стенами школы завывал ветер, набирающий силу! В Вовкином воображении тоже возник огромный снежный великан, который быстро движется к их городу, а за ним его огромная армия тоже великанов, только поменьше. И у каждого по огромной снежной собаке!

При выходе из школы Вовка дождался своих друзей и предложил:

— А чё нам этот Циклоп? Давайте переоденемся, возьмём санки и встречаемся на улице! Поглядим, что там за Циклоп!

— Давайте! – согласились друзья. Они выскочили из школы и побежали домой переодеваться. Через некоторое время ребята встретились на улице у подъезда дома. Ветер усиливался и громко стучал по железным крышам, снег хлестал по лицу колючими иголками, толкал ребят со всех сторон.

— Будем кататься как под парусом! – прокричал Вовка друзьям и сел на санки, закрепился ногами, расстегнул пальто и распахнул его полы как парус. Ветер резко подхватил и быстро покатил санки с Вовкой вперед по двору. Ему оставалось только рулить ногами, чтобы не врезаться в какое-нибудь препятствие. Санки набирали скорость так, что захватывало дух. Направление движения определял ветер, который дул все сильней и сильней. Друзей, которые должны были ехать

за Вовкой, он не видел, а оборачиваться назад было некогда – скорость была большая, и нужно было следить за дорогой. Проскочив два соседних двора, Вовка почти доехал до дома Орджоникидзе 4, где жили его родственники, и с трудом остановил санки, для чего ему пришлось въехать в сугроб и завалиться на бок. Через несколько секунд рядом с ним «приземлились» и его друзья.

— Здо-о-рово, вот это да! Вот «циклоп» так «циклоп»! Так здорово, прямо как с горы телецентра ехали, ух!

— Да, здорово так здорово!

Ветер был такой сильный и густой от снега, что друзьям пришлось громко кричать друг другу, чтобы быть услышанными.

— А давайте вернемся назад к дому и прокатимся еще раз!

— Давайте!

Обратная дорога была трудной, на тот путь, что они проехали на санках быстро, у них ушло около получаса. Ветер сбивал с ног, и они двигались, практически лежа на ветру, отталкиваясь ногами от земли и поддерживая друг друга. Добравшись до своего дома, ребята ещё раз уселись на свои санки и с громкими криками помчались по уже известному маршруту. Сильный ветер дул в спины, а мороз обжигал лица, стараясь залезть под свитер и достать уши под шапкой. Во второй раз обратная дорога показалась мальчишкам намного длиннее, и уставшие от борьбы с этим «циклопом» и его армией, они с большим шумом и радостью ввалились в подъезд погреться и передохнуть. В подъезде было чисто, тепло и уютно. Какое-то время они, перебивая друг друга, делились своими впечатлениями от их поездок, потом разговор сам собой перешел на тему еды, а на улицу после тепла выходить расхотелось. И тогда Вовка предложил:

— А пойдемте ко мне. Мамка с утра целую кастрюлю котлет нажарила.

И они дружно двинулись на уничтожение котлет.

«А «циклоп» оказался не такой уж и страшный!» – думали ребята, уплетая вкусные и ещё тёплые котлеты.

Декабрь 1965 г.

– 1966 ГОД –

«Шпана»

Занятия в школе приносили свои плоды – с каждым днем Вовка, его одноклассники и друзья становились грамотнее, мудрее, самостоятельнее и старше. И все это во многом зависело от их первой учительницы – Зои Николаевны Карасёвой, от её чуткости и доброго, почти материнского отношения к детям. Каждый раз уроки начинались с её приветливой улыбки:

— Дети, а вот сегодня мы с вами будем путешествовать по увлекательному миру цифр и чисел! Вы узнаете, как цифры превращаются в числа, а разные числа волшебным образом изменяются и превращаются в другие числа, как из маленьких они становятся большими, даже очень большими, но иногда при определенных действиях они опять могут стать маленьким числом и даже опять простой цифрой! Самих Цифр всего десять – это вы уже знаете и будете помнить всегда. И представьте себе, что всего из десяти цифр можно составить Числа – бесконечное множество чисел.

Изучая цифры и числа, вы узнаете, как они дружат, в какие игры играют!

Она продолжала рассказывать, а дети слушали её очень внимательно и с большим интересом, они погружались в сказочный мир арифметики.

Вовка не знал, о чем думали в это время другие дети – в его воображении у цифр появились головы, ноги и руки. В руках у них были пистолеты и автоматы. Вовка мысленно разделил цифры на две военные группы: русских и фашистов. Цифры находились в поле, недалеко от леса, одни наступали – это были русские, а немецкие прятались за камнями и в кустарниках, были немного видно, но их было мало, а потом из леса начали появляться еще цифры, и их становилось всё больше и больше. Наших было мало, но они были смелыми и побили много «фашистских цифр», они упали в траву, и их стало мало-мало.

Тема войны для него всегда была интересна и почему-то близка. В своих мыслях и рассказах друзьям он всегда выдумывал столько разных историй про войну, что ему часто казалось, что он там был сам. И тогда ему самому становилось очень интересно, он отключался и полностью «уходил» в свой «фантазерский мир».

Из этого «мира» его вывел голос Зои Николаевны:

— А теперь, дети, откройте свои тетрадки и альбомы для рисования. Вы видите, на доске написаны различные примеры, которые мы с вами должны не только решить, но и нарисовать в альбоме как это получается. Рисуйте, как умеете, как себе представляете...

И Вовка опять окунулся в «свой мир». Он рисовал войну цифр.

Звонок на перемену поставил точку. Ребята вышли в рекреацию, быстро заполнившуюся школьниками. Девчонки чинно прохаживались под ручку, а мальчишки играли в игры: кто-то в пёрышки на подоконниках, кто-то умудрялся в этой тесноте поиграть в пятнашки или чехарду.

Вовка, побегав, подошел к крану попить воды. Сбоку к нему подошел старшеклассник и, положив одну руку на его плечо, процедил зло сквозь зубы:

— Молчи, сопляк, только пикни, враз в рожу получишь или ножичком в бок!

Ловким и быстрым движением другой руки он вытащил у Вовки из кармана мелочь, которую родители дали ему, чтобы он после школы сходил в магазин и купил хлеба и молока. Вовка даже не успел ничего сообразить – так всё было быстро сделано, его карман оказался пустым, а этот пацан быстро исчез. Тут прозвенел звонок, и все дети стали быстро расходиться по своим классам. Вор затерялся в этой толпе школьников, но Вовка его запомнил.

Обиженный и оскорбленный, он вошёл в класс и сел за свою парту. Весь урок он автоматически решал примеры и думал о том, что на большой перемене пойдёт искать «этого», и о том, надо будет забрать у него свои деньги.

К концу урока Вовка, взвесив всё, понял, что свои деньги он мирно не получит назад, и если даже он с друзьями начнёт требовать у «того» деньги назад, то «тот», естественно, не сознается. А ещё «он» их же может и обвинить в том, что они к нему пристают и требуют от него деньги! Ведь их же будет четверо, а «тот» – один! И не важно, что они младше его, и ведь никто не видел, как «тот воришка» забирал у Вовки деньги. Вот и получится, что Вовка с друзьями отбирают деньги у других. Потом доказывай, что это не так! От таких мыслей он неожиданно сказал вслух:

— А это не так, и ведь это плохо!

— Что не так и что плохо, Вова? – спросила Зоя Николаевна.

Вовка покраснел и ответил:

— Извините, Зоя Николаевна, это я так, про себя тут задумался, извините!

Звонок на большую перемену прозвенел неожиданно, как гром. Дети пошли кто в столовую, кто прогуляться по школе, а Вовка пошел на розыски. По ходу к нему присоединились Витька с Саней, он им быстро и тихо всё рассказал. На третьем этаже воришки не было. Они увидели его на втором этаже, в рекреации. «Тот», стоя к ним спиной, возле окна обшаривал карманы у трех первоклашек. Ребята стояли возле кабинета директора школы, не зная, как лучше поступить. Неожиданно открылась дверь, и из кабинета вышел директор:

— Ой, ребятки, чуть вас дверью не ударил.

— Там... вон, там он, у пацанов деньги отбирает!

— Так, идите в свой класс, – спокойно сказал директор и быстрым шагом подошел к «воришке». Вовка с друзьями увидели, как директор взял «его» за воротник и через толпу школьников, находящихся здесь же, повел, упирающегося, в свой кабинет, а за ними следом шли трое обворованных первоклашек.

Потом почти целую неделю по всей школе говорилось об этом случае. Но Вовка с друзьями никому не говорили,

что они приняли участие в том «задержании вора», не потому что они боялись его, нет, у них была мысль поддать ему хорошенько, но так, как получилось – получилось более правильно, и для других показательнее.

А Вовка тогда для себя понял, что в жизни можно делать, а чего нельзя! А ещё он понял, почему Цифра может стать Числом, и почему наоборот – Число становится простой Цифрой!

Кладоискатели и исследователи

Весна все уверенней наступала зиме на пятки.

Солнце над Норильском поднималось с каждым днем все выше, светило ярче, и его лучи растапливали огромные сугробы, они становились всё меньше, оседая под собственной тяжестью.

Весна.

Вовка в этом году с особым желанием ждал летних каникул. Как быстро летит время, думал он, вроде бы совсем недавно уехали из деревни, а скоро уже будет три года, как они живут в Норильске, вроде только пошёл в школу, а уже вот через неделю окончит второй класс. Это лето не он один ждал с нетерпением, а вся их семья: родители должны получить свой первый отпуск, и они всей семьей поедут на материк, в родную деревню, на целое лето! Это было так здорово!

Он уже строил планы своего возвращения в деревню, представлял себе, как его встретят деревенские друзья, казалось, из очень близкого, но всё же уже далёкого того деревенского босоного детства, как он пробежится по знакомым улицам, как встретится с многочисленными родственниками: бабушками, дедушками, дядями и тетями! И еще ему очень хотелось опять лететь на самолете!

Дни, которые, казалось, так быстро пронеслись за эти годы, теперь тянулись очень медленно, Вовка сердито смотрел на календарь, висевший на стене, и каждое утро с удовольствием и каким-то азартом резко отрывал очередной листок, надеясь, что этот его жест быстрее приблизит их поездку.

Каждому пацану известно, что когда ты играешь на улице, то время пролетает очень быстро, вроде бы только что вот вышел и начал играть, а уже и домой пора! Поэтому Вовка решил, что нужно больше быть на улице, хотя, в общем-то, он и так «не загонялся домой», но тут сам Бог велел! Тем более что учебный год близился к концу, уроков на дом почти не задавалось, а значит, и свободного времени для гуляния и игр было полно.

В один из таких «свободных дней» Вовка, ожидая своих друзей, прохаживался возле подъезда и от скуки пинал кусочки льда из плотного снега. Вдруг из-под льдинки что-то блеснуло, он наклонился и увидел пятидесятикопеечную монетку – это было целое богатство! Родители деньгами ни его, ни Славку не баловали, поэтому он знал их цену! В его голове сразу прокрутилось, сколько и чего можно купить на них: три любимых молочных коржика и два стакана компота! Или четыре коржика и еще три стакана газировки! Его расчеты прервали друзья, гурьбой вывалившиеся из подъезда.

Показав свою находку, Вовка предложил им истратить её в домовой кухне, которая была в их доме. Что они с радостью и сделали, купив четыре пирожка с печенью и по стакану чая. Закончив трапезу и выйдя на улицу, ребята посмотрели друг на друга. Стало ясно, что у них одновременно появился один и тот же план: как стать богатыми и сытыми. Они будут искать деньги, ведь кто-то же за зиму их обязательно должен был потерять.

«Кладоискательство» оказалось не таким уж и легким занятием: во-первых, нужно было двигаться медленно и немного согнувшись, что было весьма неудобно, во-вторых, солнце светило ярко и, отражаясь от снега, неприятно слепило глаза.

Но настоящие «кладоискатели» должны были терпеть разные трудности.

Места поисков были ими выбраны поблизости от дома, возле столовой и магазина. Поиски денег не прибавили, но в их карманах появились некоторые трофеи: три пуговицы – одна

солдатская и две перламутровые, одна запонка, наручные часы с разбитым стеклом и красивый кожаный кошелек со слипшимися автобусными билетами. Деньги, наверное, кто-то уже вытащил из кошелька и выбросил его, так что автобусные билеты были ими выброшены без всякого сожаления. Кошелек был добротный и мог ещё пригодиться.

Затея с поиском денег вскоре им стала надоедать, потому что захотелось есть. Сашка-Лёня предложил пойти в пельменную, где его мать работала заведующей, и поесть пельменей. Зимой они частенько заходили туда и их всегда кормили пельменями с молоком. И денег они не платили. Санька как-то говорил, что у неё всё равно вычитают из зарплаты, независимо от того, ест она на работе пельмени или нет. Она не ела, а деньги высчитывали, так что они исправляли эту несправедливость. И дети других работниц пельменной тоже, наверное, исправляли эту «несправедливость».

Правильно говорится в поговорке, что «сытый голодного не разумеет», и друзья, выйдя из пельменной довольные и сытые, уже не думали о поиске клада или денег.

Они не спеша направились домой. Проходя мимо школы, Вовка немного задержался, чтобы завязать шнурок на ботинке, а когда догонял ребят, вдруг увидел, что какая-то грязная бумажка прилипла к подошве ботинка Витьки, прилипла и не отлипает. Вовка остановил Витьку, наклонился, чуть приподнял его ногу и отлепил находку от подошвы.

Эта бумажка оказалась тремя рублями!

Радости друзей не было предела!

— Надо же, специально искали и ничего не нашли. А тут просто так, раз – и три рубля!

Прополоскав денежку в ручейке и высушив её потом в подъезде на батарее, ребята отправились в магазин «Детский мир». Купив всякой нужной мелочи на шестьдесят копеек, оставшиеся деньги ребята разделили поровну на четверых, богатые и счастливые они вернулись в свой двор.

День близился к вечеру.

Сидя в теплом подъезде, ребята планировали завтрашний поход по теплотрассе:

— Говорят, там два этажа под землю уходят, и лампочки горят, так что там светло, и можно будет полазить там и исследовать после школы!

— Можно и слазить! Лишь бы как в тот раз не найти чего-нибудь и шапку не потерять.

— А может, просто в кино сходим? Деньги у нас есть!

— Нет, в кино мы каждые входные ходим, а туда просто заглянем, посмотрим, и если не захотим, то и не пойдём далёко, а назад вылезем. Проверить-то всё равно надо. А еще говорят, что она под всем городом проходит, вот интересно: у магазина залезем, а возле кинотеатра вылезем. И еще в кино можно потом сходить.

— Ага! Киношники! Прямо пустят нас вечером-то.

На этом и решили: завтра совершить разведку подземной теплотрассы.

На следующий день, как и планировали, четыре друга, Вовка, Сашка-Леня, Витька и самый младший семилетний Сашка-Пауль, вооружившись фонариком, подошли к железобетонной трубе, торчащей посреди улицы Комсомольской.

Труба была накрыта железной решеткой, внутри было темно, вернее, черно.

Посветив фонариком, ребята увидели дно и вертикально уходящую вниз металлическую лестницу из арматуры.

Было немного страшновато, но раз решили, значит, надо лезть. Вовка как самый рослый из компании вызвался спускаться первым, затем Лёня, Штанга и Пауль (так они звали друг друга для пущей важности).

Спуск удался.

Немного постояв и осмотревшись, они увидели в глубине тоннеля тусклый свет:

— Это, наверное, там лампочка горит.

— Должно быть.

Осветив фонариком пространство вокруг себя, ребята увидели, что высота тоннеля приличная:

— Да тут любой взрослый спокойно пройдет в рост, а по ширине и двое спокойно.

По стене от пола до потолка тоннеля на железных крючках и подпорках лежали толстые провода, трубы и какие-то шланги, внизу под полом что-то шуршало и шумело. Друзья, привыкнув к темноте, двинулись в сторону тусклой лампочки, периодически жужжа фонариком: хоть какой-то, а свет. Вовка вышагивал впереди компании. Тусклый свет, маячащий впереди, приближался, воздух в тоннеле был не холодный, а прелый, немного тёплый и влажноватый. Тут Лёне захотелось выйти вперед и возглавить шествие. Вовка уступил место другу, передав фонарик:

— Под ноги свети! – успел сказать он, как вдруг Санька, шагнувший вперед несколько шагов, охнув, исчез где-то внизу вместе с фонариком. Там булькнуло, ребята остановились, оцепенев от страха. Вокруг было темно, и только невдалеке по-прежнему светила одинокая тусклая лампочка.

— Сань, а Сань! Ты где?! – дрожащим голосом выкрикнул Вовка.

— Ребят, я здесь, – донесся голос снизу, – тут вонючая жижа течет, вытащите меня отсюда!

— Сань, ты стой, мы щас, включи фонарик.

— Да он у меня упал куда-то, – в голосе Сашки появились всхлипы.

— Витька, бегите с Паулем назад и зовите кого-нибудь из взрослых на помощь, быстро! Я здесь побуду. С Санькой, – почему-то закричал Вовка, а может, его голос просто усиливался в этом тоннеле.

Пацаны побежали за помощью.

— Сань, ты как?

— Стою, – чуть не плача, ответил Саня-Лёня.

— Сань, я здесь, а Штангей с Паулем пошли за взрослыми! Сейчас придут, потерпи.

— Понял, стою. Тут, знаешь, так воняет! Прям дышать нечем.

Вовка тоже чуял этот прелый тошнотворный запах канализации, поднимающийся снизу, а каково же было Саньке там! Явно можно было задохнуться, и противно! «Как так получилось? Видимо, тут должен был быть люк, но его кто-то убрал. Наверное, так. Вот Санёк и бахнулся туда. Надо же, а ведь сначала я шёл впереди и вполне мог сейчас там стоять вместо него! Жуть!»

— Ты в рукав пальто дыши.

— Да он тоже мокрый и тоже воняет.

Вскоре пришли два дядьки, которые и вытащили Саньку.

— Чёрт вас занес сюда, чего полезли-то? – чертыхались взрослые.

Исследование теплотрассы было коротким и закончилось раз и навсегда!

Ребята возвращались домой, они были не в очень чистом виде, а от Лёни пахло канализацией.

В кино они в тот день, естественно, не попали, как не попали и на следующий день тоже, и вообще, после этого случая последнюю учебную неделю они исправно ходили в школу, а после школы играли во дворе, не отходя от дома далее двадцати метров.

— А фонарик-то мой, «жучок» утоп, – как-то вспомнил Витька.

— Да фиг с ним, с фонариком твоим. Сами целы остались – это главное.

— А фонарик-то всё же мой был, – проворчал в ответ Витёк.

Май 1966 г.

Глава 4. Норильск – Алтай

– 1966 ГОД –

Первый отпуск. На Родину

Лето, каникулы!..

Сколько радости было ребятне от этого ощущения свободы и предстоящего летнего отдыха. Вовкины родители наконец-то получили свой долгожданный первый отпуск! А значит, совсем скоро они поедут на материк, на родину! Что там изменилось? Как там?

Всю неделю до отъезда «чемоданное настроение» не покидало Вовку, но время тянулось слишком медленно. Он старался больше находиться на улице с друзьями, зная, как быстро пролетает время, когда занят интересной игрой. Но тут, как назло, оно затормозилось! Иногда даже казалось, что люди вокруг двигаются медленнее, чем раньше, и футбольный мяч летит как-то плавно! И даже гуттаперчевый мячик при игре в лапту подозрительно зависает в воздухе после сильного удара битой по нему!

Дни удлинялись, но момент отъезда все же настал.

Посидев «перед дорожкой» на чемоданах, перевязанных бельевой веревкой, семья выдвинулась на вокзал к электричке. А потом аэропорт, полёт до Красноярска и дальше на поезде до Барнаула...

Самолет, ревя моторами, разбегался по бетонной полосе. Вовка, предусмотрительно положив в рот конфету-леденец и уткнувшись носом в стекло иллюминатора, наблюдал, как быстро удаляется здание аэропорта, как мелькают, оставаясь где-то позади, стоящие по краю взлетной полосы другие самолеты.

Подпрыгнув пару раз, как бы проверяя прочность своих колёс и взлётной полосы, самолет резко стал набирать высоту, Вовке заложило уши, но от иллюминатора он не отклеил-

ся, а все смотрел и смотрел, стараясь чаще глотать сладкую от конфет слюну, отчего заложенность в ушах периодически проходила. Благо он предусмотрительно взял у стюардессы сразу две горсти леденцов и три штуки сразу отправил в рот ещё до взлёта самолёта. Этих двух горстей до Красноярска должно хватить! А там, может, перед посадкой ещё будут раздавать! Вот самолет прорезал густую пелену облаков, напоминающих снежные горы и долины, которые расстелились внизу и простирались в бесконечную даль. Бархатные и белоснежные, они были похожи на разных животных и, подметив это, Вовка стал выискивать в этой бесконечности меняющихся пейзажей фигуры причудливых и сказочных зверей.

Это захватывающее зрелище было завораживающим и интересным, очертания тех или иных фигур периодически изменялись, плавно переходя из одной в другую, это было как игра, и Вовка весь погрузился в неё. Ни гул моторов, ни дребезжание самолета, ничто не могло его отвлечь от его фантазий и придумок. Только иногда закладывало уши, но он уже быстро справлялся с этой проблемой с помощью леденцов, тем более что стюардесса ещё раз прошлась с разносом, и он опять взял пару горстей, глядя ей в глаза.

— Да бери-бери, не стесняйся. Кушай на здоровье.

И тогда он взял ещё одну горсточку:

— Это я брату, он вон спит.

Стюардесса улыбнулась ему в ответ и пошла дальше по салону самолёта.

И только когда самолет наклонился вперед и окунулся в эту белую сказку, а в иллюминаторе стало бело как в молоке, Вовка отлепил свой нос от стекла и почувствовал, что у него сильнее заложило уши. Самолёт заходил на посадку. Усиленно глотая слюну, освобождая голову от колющей боли, он оглядел салон самолета. Большинство пассажиров еще спали. В ушах от глотания стало лучше.

«Проспали!.. Ничего не увидели!.. Такая красота была!» – подумал Вовка.

Сделав круг над аэропортом, самолет резво пошел на посадку и, чуть-чуть подпрыгнув несколько раз, пробежал по бетонной полосе, тормозя и громко гудя моторами, остановился совсем недалеко от зданий аэропорта.

В Красноярске было солнечно, и сухой теплый ветерок ласково трепал Вовкины волосы, залезал под рубашку, как бы играя с ним и показывая ему все преимущества летнего материкового солнца. Ощущение близости малой Родины детства окрыляло, а чувство легкости и чего-то такого бодрящего и радостного, трудно поддающегося описанию, требовало своего выплеска и, казалось, ноги сами несли его вперед, поэтому, пока родители определяли чемоданы в камеру хранения, Вовка нарезал круги перед входом и вдоль здания аэровокзала.

Старший брат Слава степенно стоял на крыльце и снимал происходящее вокруг, как заправский кинофотооператор, то на фотоаппарат, то на кинокамеру, купленную ему в прошлом году на день рождения. Вовку на камеру он не снимал из принципа, потому что своими выкрутасами он достал его еще в Норильске за долгую зиму. А так как Вовка старался непременно попасть в кадр, то брат периодически прекращал съемку или начинал снимать небо, но делал он это не со зла, Вовку он очень любил, просто это было с его стороны маленьким элементом «воспитания».

До посадки на поезд времени было много – целый день, поэтому было время прогуляться по городу, пообедать. В этом увлекательном и в тоже время утомительном хождении по жаркому городу Вовке понравилось три момента или три события: парк с каруселями и аттракционами, где он набегался от души, вкусное мороженое на палочке, облитое шоколадом, и «шипучая» газировка. А особенно он обрадовался, когда они пошли на посадку в поезд с табличкой «Красноярск – Ташкент», который повезет их на Родину.

Вовка уже хорошо читал и в Норильске был постоянным гостем городской и школьной библиотеки. И сейчас, прочитав на табличке: «...Ташкент», он вспомнил про пацана Мишку

из недавно прочитанной книжки «Ташкент – город хлебный»; про его злоключения и беды, про его тяжелую жизнь и про то, как он добирался до хлебного Ташкента, где пешком, а где под вагоном или на его крыше. Вовка поднял голову и посмотрел на крышу вагона, она была высоко, и её края были закруглены. Сейчас, глядя на это, он трудом воспринимал то путешествие Мишки и других людей на таких крышах. Читая тогда книгу, Вовка фантазировал про себя, как он тоже едет, как Мишка, но сейчас он засомневался в возможности такой поездки. «Н-да! Вряд ли! Наверное, все-таки, тогда вагоны были другие! Ну конечно, другие!» – с этими мыслями, подталкиваемый старшим братом, Вовка взобрался по ступеням в вагон. В купе он сразу же занял место у окна. Это же так интересно – смотреть на сменяющиеся картинки за окном. В вагоне было душно и шумно, пассажиры занимали свои места, раскладывали вещи и почему-то громко разговаривали.

Потом к этому гулу прибавились звонкие женские голоса, нараспев нагонявшие на пассажиров аппетит: «О-гур-чики! Кому малос-сольные о-гур-чики!» и «Горя-чие пон-чики с повидлом! Пирож-ки с карто-шеч-кой! Пирож-ки с ка-пустой!», «О-гур-чики! Кому малос-сольные о-гур-чики!» и «Горя-чие пон-чики с повидлом! Пирож-ки с карто-шеч-кой! Пирож-ки с ка-пустой!»

Почему-то у них в семье как раз все это и любили! И отец с матерью купили сразу всего и по два каждому. «Есть так есть!» – сказал отец. – Вам, сыны, расти надо, значит, надо есть!»

Вскоре поезд дёрнулся раз, потом другой и медленно начал двигаться, удаляясь от вокзала. Вовка, уплетая пончик, смотрел в окно и представил себе, что вот поезд стоит, а мимо него движутся здания, скамейки, фонари и люди, так было интересней. Вот вдоль окна проплыли две тетки с пустыми корзинами: «Пирожки и пончики, похоже, многие в вагоне любят! – подумалось Вовке, – да и чё бы их не любить, если вкусные! Надо было родителям по три пончика купить! Два маловато».

Вот выехали за город, и поезд застучал колёсами по большому мосту через широкую реку, Вовка уже знал, что это река –

Енисей. Потом поезд миновал лес с большими соснами, а затем за окном стали расстилаться поля с берёзовыми околками. Вдалеке изредка виднелись группы маленьких домиков – это, видимо, были деревни, а поезд набрал свою скорость, и в окне, кроме столбов, иногда мелькали небольшие одиночные станционные домики, стоящие вдоль железнодорожного полотна.

Солнце опускалось всё ниже и ниже к горизонту, и потихоньку начало темнеть, пассажиры в вагоне угомонились, свет притушили, а Вовка все смотрел и смотрел на мелькающие за окном телеграфные столбы и деревья, на иногда проносящиеся мимо железнодорожные переезды мосты и мостики, думая о чём-то своем.

Так незаметно для себя и окружающих он и уснул, не отрываясь от оконного стекла.

И снилась ему родная деревня и колыхающееся кукурузное поле, в котором можно было затеряться и долго-долго бродить среди высоких, поющих от теплого летнего ветерка стволов кукурузы, которые ласково трепали своими шершавыми листьями его белокурые волосы, и пить живительную влагу из отломанных молодых початков, пахнущих молочной сладостью...

К полудню поезд прибыл в Барнаул. Здесь же, напротив железнодорожного вокзала, находился автовокзал. И уже через некоторое время семейство сидело в автобусе, еще два часа пути и... было даже трудно представить себе, что там за этим «и...», казалось, что целая вечность прошла с того момента, с момента их отъезда на Север.

Правда, сейчас они ехали в соседнюю деревню – родину отца и матери, родину дедов, а не в то село, где жили до отъезда и где родились Вовка со Славкой.

Со слов родителей Вовка знал, что в этой деревне у него много родственников двоюродных и троюродных. И предстоящее знакомство с многочисленной родней его очень интересовало и волновало, ведь по его подсчетам ему «светило» познакомиться не меньше чем с двадцатью братьями и сестра-

ми разных возрастов, в основном от шести до тринадцати лет. И это знакомство, конечно же, состоялось, интересно было, что Вовок теперь стало аж трое! И были они все с одинаковой фамилией – Гуляевы! А ещё в той деревне, где он родился, оказывается, тоже живут двое Вовок. Может, и с ними он этим летом встретится, деревни-то всего в трёх километрах находятся друг от друга. И разница в возрасте у всех этих Вовок была в один-два года!

Два Вовки жили в нагорной части и в разных концах деревни, но это не должно стать препятствием для их встреч и игр. А тем более, что все деревенские ребятишки к полудню стекались стайками к реке для купания и рыбалки, а дом бабушки, где Вовка с родителями обосновались, как раз находился возле реки, так что летние каникулы должны будут пройти весело и интересно.

Старшие пацаны купались в реке, но так как течение реки было сильным, а вода прохладной, то ребятня помельче плескалась в заводи, отделенной от реки песчаной косой шириной метров двадцать. Вода здесь быстро нагревалась солнцем и была сверху теплой как парное молоко, да и глубина не очень-то и большая, в основном старшим пацанам была «по горлышко», но кое-где и с руками.

Шум и гам у реки не смолкал до самого вечера. Развлечений было много: игра в ножички на песке, соревнования по меткости в бросании камешков по мишеням-банкам, а кто хорошо плавал, те играли в «догонялки и нырялки», кто-то мерился силой, а самые отчаянные прыгали в реку на велосипедах. Великов было три, видимо, на них ездили все пацаны деревни, и они были такие старые и ржавые, что даже утопив их в Оби, никто ничего особо не потерял бы. Что и произошло в одном из ухарских заездов с берега в реку.

Один из велосипедов отвязался от страховочной веревки и исчез в реке навечно. Разбор происшествия занял несколько минут, а виновник потери транспорта получил пару пинков, несколько тычков и подзатыльников, деревенские мальчишки

были быстры на этот счёт. Но даже и это не могло испортить веселого настроения детворы – тепло, солнце, река, каникулы, свобода действий.

В один из дней, вполне освоившийся в этой шумной компании и почти научившийся плавать, Вовка потерял осторожность... и чуть не утонул! В очередном «заплыве» ощущение близости песчаного бережка оказалось с подвохом, и он, перестав двигать усиленно руками и ногами... пошел ко дну.

До дна было близко, но, видимо, минутный испуг от отсутствия дна под ногами сделал своё дело, и в его сознании промелькнула вся короткая жизнь, сразу одним кадром, а перед глазами поплыли мутные сгустки. Ноги непроизвольно согнулись в коленях и также непроизвольно, ощутив твердость песчаного дна, резко распрямились, вытолкнув Вовку на поверхность, после чего он опять погрузился под воду, в руках была непонятная слабость, потом он опять всплыл, закашлялся и почувствовал, как кто-то тянет его за волосы, вытаскивая на горячий песок...

Через некоторое время, медленно приходя в себя, он стал понемногу воспринимать происходящее. Голоса, звучащие где-то далеко и глухо, стали приближаться к нему, размытые силуэты ребят, стоящих возле него, начали принимать резкие очертания, во рту сухость стала проходить, и на губах появилось тёплая солёная влага. Это была кровь, текущая из носа. На коленях перед ним стоял старший брат Слава с широко открытыми глазами. Увидев, что Вовка ожил, он, махнув перед его носом кулаком, выдавил сквозь зубы с «братской любовью»:

— Ну, сопляк... еще раз увижу тебя у воды... получишь у меня!

Осы

Человеческому любопытству, а особенно детской любознательности, предела нет. Нет, он, конечно, есть, но этот предел заключён в определённые рамки ограниченный двумя

стадиями познания окружающего мира: стадия «до» и стадия «после» его познания, или как по-простому говорят: пик познания произошёл в момент вставания «на грабли».

Усадьба деда была большой и состояла из двух частей: огород в соток тридцать с жилым домом и через неширокий проезд-улицу хозяйственная часть – соток десять с высоким амбаром, крытым тёсом. Под общей крышей амбара располагались большая дедова ремонтная мастерская, баня и бревенчатый загон в три помещения для зимнего содержания молодых телят и ягнят. К амбару примыкали сараи и загоны для коровы, бычков, кур и овец.

Вовка, часто бывающий в мастерской деда, помогая «крутить гайки» при ремонте лодочных моторов, ещё впервые дни после приезда заметил большой белый шар под крышей сарая. Дед ему объяснил, что это осиное гнездо:

— Висит себе спокойно. Никому не мешает. Я с ними мирно уживаюсь – я их не трогаю, а они меня. Видишь ли, сынок, всё должно быть, и каждому дано своё время. Вот подойдёт осень к зиме, я это гнездо и уберу. Без всякого кому вреда. А вот к лету осы опять здесь совьют себе жильё. Ну и пускай летают. Всё равно польза есть от них.

— А чё, сейчас его нельзя убрать? А вдруг они укусят!

— Будешь убирать – точно цапнут, а так нет. А коли пролетает мимо тебя оса – ты руками только не маши. А как будто бы и нет её.

Существование гнезда после этого разговора со временем чуть забылось. Когда оса, пчела или шершень пролетали мимо, было немного боязно и неприятно от их жужжания, но Вовка делал всё так, как советовал дед.

Прошло недели полторы отпуска, и Вовка уже полностью освоился в деревне: по утрам рыбалка, днём купание и загорание, разные игры, а вечерами подгорская ребятня дружной компанией шла в клуб. Из разговоров взрослых и деревенских пацанов Вовка услышал, что приближается сенокосная пора. Значит, ещё добавится, чем заняться интересным: дед говорил,

что там даже на лошадях можно будет сено собирать. «Может, и мне дед даст прокатиться! Конечно, даст! Здорово! Как Чапаев буду!» А перед началом нужно будет определить места покосов.

И как раз в это время их семья ожидала приезда гостей, отцовских родных старших братьев и младшей сестры с семьями. С двоюродной сестрёнкой он уже познакомился почти сразу по приезде. Разговорчивая такая сестрёнка, щебетунья. Старший отцов брат, дядя Коля, работал районным начальником в райисполкоме и приезжал уже к ним, попутно. А ещё один их брат, Вовкин крёстный, дядя Фёдор жил далековато и был председателем колхоза. Родители вечерами говорили, что у них обоих много работы, но вот-вот немного – и приедут. У крёстного было два сына, Вовка видел их только на фотографиях, они были немного постарше его, и одного из них тоже звали Вовкой. «Сколько у меня братьев-то Вовок! Полно. Самый старший – в институте учится, двое здесь, в деревне, и двое в соседнем селе живут, я и ещё один на днях приедет. Это получается уже шестеро! Вот интересно, если бы все собрались. Представляю, мы все шестеро на улице бегаем, играем. А, к примеру, моя мамка крикнет мне: «Вовка!» А все шестеро в голос ей в ответ: «А!!!» Смешно было бы! Кого звали, сразу и не понять! Да. Интересно, что столько Вовок!»

Гости приехали к полудню в субботний день.

Стол, поставленный во дворе в тени под развесистой ветлой, к их приезду был почти накрыт.

— Ну-ка, ну-ка! Где тут мой крестник! Ух ты, как подрос-то. Когда уезжал, маленький был – шапка да фуфайка! А тут смотри-ка! – Дядя Фёдор крепко прижал к себе Вовку. – Ну, а Слава-то! Прямо парень уже! Ну, иди племянник, дай-ка я тебя обниму!.. На пользу, на пользу вам Север! Ишь, Гена, какие богатыри у тебя с Зиной выросли уже! Бока-то точно нам с тобой намять смогут! Ха-ха! А вот и мои сыновья! Ну, что, братья, стоите? Знакомьтесь!

Славка с Вовкой как взрослые пожали братьям Серёге и Вовке руки. Сестрёнка Танька крутилась вокруг них.

— Вов, а ты нам покажешь, что тут у вас где?

— Да, – поддержала мать Таньку, – Слава, Вовка, покажите бабы Аганины владения, пока мы окрошку наливаем и лапшу.

— Пойдёмте, покажем. Ну, там огород за домом, там всякое насажено, помидоры, огурцы, картошка, вон там, в конце огорода, подсолнухи растут. А там вон вдалеке, за тальником, река Обь. Но мы там не купаемся, течение быстрое, мы в затоне купаемся. – Говорил в основном Вовка, Славка он вообще мало говорил, то ли не хотел, то ли это у него в характере так было. А Вовка – тот всегда любил поговорить. А тут тем более – братьям же нужно всё показать.

— Пойдёмте вон туда, там дедова мастерская, у него там целых три лодочных мотора и один баркасный. Два сейчас он ремонтирует. А это погреб-ледник. Я туда залазил, там лёд даже сейчас лежит. Холодно, как у нас на Севере! А вот в этой куче мы белых червей копаем на рыбалку. А там у нас куры, корова Зорька в стаде пасётся, а телята и овечки за рекой на выпасах.

Из курятника вышел красавец петух, с гордым видом глянул на непрошеных гостей, царапнул пару раз лапой землю, недовольно поворчал, чуть подпрыгнул, оттолкнул в сторону курицу и важно встал, вытянув шею и отставив чуть вперёд правую ногу.

Взрослые уже рассаживались за столом и вели свои разговоры.

А вот в этом большом амбаре у деда мастерская, баня и там разные загоны для телят и кур на зиму. Ребята зашли в амбар. Детям всегда интересно посмотреть, а как там и что у других.

— А вон под крышей, видите, белый шар – это осиное гнездо.

— А чё вы его не убрали, осы – это же не пчёлы. Мы у себя их всегда убираем, – сказал второй Вовка.

— Не знаю. Я деду говорил. Он говорит, что ближе к зиме уберёт.

Славка с Серёгой в это время смотрели дедовы моторы в мастерской.

— Да за лето они знаешь как расплодятся, смотри, какое гнездище. Давай мы их сейчас и выведем.

У Вовки тоже мелькала иногда такая мысль, но один он это сделать как-то боялся. А тут уже и не один.

— Ну, давай, а то я, бывает, сюда с опаской захожу. Они через воротца частенько вылетают по несколько штук.

— Давай неси тряпку, я вот палку длинную вижу. И керосин у деда там, в мастерской, есть? Неси.

Обмотав тряпку и закрепив её проволокой, второй Вовка обильно смочил тряпку керосином:

– Поджигать не будем, а то амбар спалим. Осы керосин сильно не любят.

С этими словами Вовка старший не торопясь поднял палку и начал подносить её к гнезду, а потом резко ткнул ею в отверстие. Потом отпустил палку и крикнул братьям:

— Бежим! Осы!

Вовка не видел, кто куда побежал, но он припустил в сторону дома и, не заметив, как перемахнул через изгородь, пронёсся мимо стола с гостями в огород. В конце огорода он остановился, ос рядом не было. И во дворе было тихо, родители, недавно громко разговаривавшие, сейчас молчали. Постояв

несколько минут, он медленно пошёл в сторону дома. Сидевшие за столом не шевелились, лишь медленно поворачивали головы. Над ними беспорядочно летали осы.

Вовка стоял и смотрел.

Братьев видно не было.

Через какое-то время осы, сделав прощальные круги, покинули двор.

— Вовка, ты чё натворил? А если бы они нас всех тут искусали? Ну я тебе задам сегодня ремня, – первая заговорила мать. – А где остальные?

— А я знаю! – ответил Вовка.

Сначала засмеялся «крёстный»:

— Ну, молодцы, воины! Ха-ха! Ладно, хоть сарай не запалили!

Потом заулыбались и остальные.

Вскоре появились и братья.

Укусов от ос ни у кого не было. Ожоги от крапивы в счёт не шли.

Покосы

В начале июля в деревне начиналась сенокосная страда.

Вовке это было в диковинку, а потому интерес к этой работе он имел большой. Еще заранее они с дедом ездили выбирать место для покоса, переправившись через реку на огромной деревянной лодке с мотором, её называли бригадным баркасом, потому что дед часто переплавлял колхозные бригады доярок и косарей на ту сторону Оби. В первый день перед косовицей за реку плыли всей семьёй: отец с матерью, брат, бабушка и ещё человек шесть соседских теток и мужиков. Вовка держался ближе к деду: а вдруг тот даст и ему порулить лодкой! Старший брат тоже претендовал на «должность рулевого», но Вовка был пошустрее и крутился возле деда, стараясь не дать возможности Славке занять место на скамейке возле мотора.

— Чё ты тут крутишься, иди сядь к родителям! – говорил Славка. Но для Вовки это было нисколько не убедительное требование. Он плотно уселся у руля:

– Иди сам садись! Видишь, я бечевку «заводную» держу!

— Слав, да пусть он там сидит, он же младше! А ты вперед иди, а на обратном пути поменяетесь! А ты, Вовка, сиди там смирно, не егози, река все-таки! – сказала свое веское слово мама.

— Ладно, получишь потом у меня! – как всегда «ласково» и тихо прошептал брат, ткнув втихаря Вовку под бок, и перебрался в нос лодки.

Лодка, управляемая дедом, некоторое время двигалась вдоль берега, вверх по течению реки, немного вибрируя, расплющивая небольшие встречные волны. Одной рукой Вовка держался за руль мотора, а другой за борт лодки. Он рассматривал отвесный глиняный берег. От берега отваливались большие и маленькие пласты земли, подмываемые волнами, и торчали, как тоненькие и толстые змейки и змеи, извилистые корни деревьев. Наблюдать было интересно. Сочетание корней, их различные причудливые формы с рельефом обрывистого берега создавали причудливые, бесконечные и постоянно меняющиеся картины. Если внимательно всмотреться, то можно было увидеть очертания каких-то доисторических животных, а если еще и пофантазировать, то и...

Видимо, выражение лица, или гримасы лица, у Вовки от увиденного и придуманного им было такое смешное, что дружный смех сидевших в лодке вывел его из внутренних фантазий. Он посмотрел на всех и, встретившись с «влюбленным» взглядом брата, крепче взялся за руль, приняв позу победителя, помахав при этом свободной рукой Славке.

Через некоторое время дед повернул лодку под небольшим углом в направлении протоки, видневшейся на другой стороне реки. И теперь волны, ударяясь о борт, разбивались на мелкие брызги, взлетали вверх и приятно освежали лица пассажиров легкой влажной взвесью, а другая часть волны струилась вдоль бортов белой пузырящейся пеной, вновь соединяясь позади в новую волну. И никакого однообразия в этом: каждый раз разделение волны на брызги и пену, и последующее воссоединение происходило по-другому, по-своему!

Противоположный берег, заросший густо деревьями и кустарниками, становился все ближе и ближе. И вскоре лодка медленно и чинно вплыла в устье протоки. Шириной она была метров десять-пятнадцать, вода в ней казалась густой без движения, черной и гладкой, а высокие деревья по обоим берегам наклонялись от тяжести веток и густым, плотным строем угрюмо нависали над водой, кое-где даже соприкасались верхушками, образуя подобие тоннеля над протокой. Казалось, что время здесь остановилось, зависло в вековой прохладной ароматной тишине. И только шум мотора нарушал эту идиллию. Впереди показался мыс. В этом месте протока разделялась на две. Свернув в правую протоку и проплыв около километра, лодка плавно причалила к берегу. Было видно, что этот «причал» уже используется не один десяток лет, так как он имел пологий, вытоптанный с годами берег, расчищенный от зарослей.

Выйдя из лодки и ступив на берег, Вовка ногами ощутил приятную разницу между твердостью земли и твердостью дна лодки. И это непроизвольно отложилось в его голове: приятней стоять на земле!

Затем их большая компания разделилась на несколько групп: отец с братом остались рыбачить, женщины, взяв лукошки и ведра, отправились на сбор ягод и заготовку трав, а мужики и Вовка с дедом пошли высматривать места для разметки покосов. Запах разнотравья заливных лугов кружил голову, тишина была необычайная, и только жужжание

слепней и стрекотание кузнечиков было основным музыкальным фоном этой тишины, да отдаленное кукование кукушки иногда нарушало или дополняло её.

Босоногий Вовка бежал далеко впереди мужиков, по горячей полевой дороге, и легкий июльский ветерок, насыщенный ароматом трав и утепленный солнечными лучами, весело трепал его белокурые волосы и приятно щекотал тело под рубашкой. Голос деда остановил его одинокий бег:

— Вовка! Погоди, иди сюда, мы уже пришли!

Возвращаясь назад к мужикам, стоящим возле вбитого в землю куска железа, он услышал часть их разговора:

— ...Как и в прошлом году.

— Не, в прошлом году трава, кажись, похилее была, а ныне глядите какие «бобылки» плотные. Добрая травка!

Пока мужики вымеряли и делили места покосов, Вовка с палкой, как с саблей, бегал по траве, местами доходившей ему до груди, и сбивал эти самые «бобылки» с луговых цветов. Огромное, необъятное поле, перемежаясь густыми кустарниками, простиралось далеко-далеко, до недосягаемого горизонта...

Обратная дорога показалась короче. Вовка мчался на палке, которая только что была саблей, как на коне. Позади чинно шагали мужики.

Добежав до места, где была причалена лодка, он увидел следующую картину: у костра над ведром колдовал отец, значит, варилась уха, женщины, сидя кружком, перебирали набранную ягоду, Славка с деловым видом сидел в лодке возле мотора и долавливал рыбу. Вовка, немного уставший от пробежки, взяв две горсти ягод из материного ведра, прилег на землю в прохладный тенек дерева...

Сверху, с ветки, на него смотрела двумя глазами зелено-коричневая змея.

Ягоды еще падали на землю, а он уже стоял за спиной отца, теребил за штаны и тыкал пальцем в сторону дерева. Сказать он ничего не мог, только мычал что-то. Отец быстро

разобрался с причиной Вовкиного страха, и поверженная змея еще некоторое время конвульсивно извивалась разрозненными частями своего тела.

— Ничего, сын, запомни, змея сама первая никогда не нападает, почти. Надо только ей повода не дать для нападения, – сказал Вовке отец, прижав его к себе.

На обратном пути Вовка полулежал в носовой части лодки и, опустив руку, ловил белую пену, убегающую от него с волнами, раздумывая о разных случайностях, происходящих в жизни; ну вот, к примеру, сегодняшняя встреча со змеёй...

Женщины перебирали ягоду, а мужики, видимо, о чем-то разговаривали, жестикулируя – их голоса скрывались за громким звуком работающего мотора марки «Стрела» в три лошадиных силы.

Назад лодка шла вниз по течению, поэтому обратный путь казался короче, и берег приближался быстрее. Вовке было видно, что в затоне было полно ребятишек: «вот бы сейчас искупаться!» Он оглянулся на мать и брата, как будто они могли подслушать его мысли и запретить.

Вот лодка, управляемая Славкой и дедом, немного развернувшись, встала перпендикулярно течению и носом к быстро приближающемуся берегу. Вовка приготовился, чтобы первым выпрыгнуть на берег, принять от отца цепь, подтащить и обмотать её вокруг ствола большой ветлы, поваленной на берег при весеннем половодье.

Следом за Вовкой сошёл отец, немного затащил нос лодки на берег и направился к какому-то мужику, сидевшему поодаль. Они поздоровались и о чём-то стали разговаривать. И тут Вовка признал этого мужика: он видел его тогда, в Норильске, перед самым учебным годом, когда тот стоял в их подъезде, а на нём ещё была сразу запомнившаяся ему ярко-красная куртка. А потом этот мужик с отцом, как друзья, ушли в пивной бар. «Интересно! Он живёт здесь, что ли? Чё-то я его не видел деревне. Наверное, друг отца. У него много друзей», – подумал Вовка и пошёл следом за отцом. И, подойдя к ним, поздоровался:

— Здрасте!

— Здоров, тёзка!

«Точно, это он, тот дядька. А откуда он знает моё имя? А, отец, наверное, сказал».

От лодки донёсся материн голос:

— Гена, Вовка! Идите сюда, выгружаться надо!

Подойдя к лодке, отец и Вовка стали принимать поклажу и относить на берег.

Весь Вовкин слух был обращён к затону, откуда слышались радостные и счастливые крики купающихся деревенских ребятишек.

— Мам, я к пацанам пойду, покупаюсь. Вон они плескаются в затоне. А снасти Славка донесет.

— Неси давай, жук! Не отвиливай! – произнёс Славка.

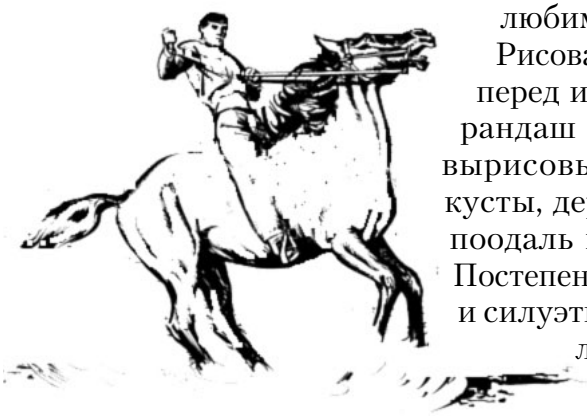
— Никаких купаний. Неделю назад чуть не потонул – и опять купаться. Нет. Один не пойдешь, только со Славкой. И не сегодня, видишь, гость у нас. Всё, снасти собрали и домой, – строгим голосом сказала мать и взяла вёдра с ягодой. Отец с дедом сняли мотор с лодки, водрузили его на плечо отцу.

«Ладно, потом со Славкой сходим. Перекусим и пойдём купаться. Всё равно там и Славкины друзья, так что он тоже пойдёт, никуда не денется», – мысленно согласился Вовка и, перекинув через плечо сумку с инструментами от лодочного мотора, побежал к дому, обгоняя всю компанию.

Удар копытом

Дед работал на конюшне, но часто днями был дома, так как лошади, которые не были заняты на колхозных работах, паслись в прохладе тополей за огородом, а он в это время чинил в своей домашней мастерской уздечки, хомуты и другую разную упряжь.

Славка с Вовкой иногда сидели на траве, в теньке изгороди, и смотрели за лошадьми. Славка занимался своим



любимым делом: он рисовал. Рисовал пейзаж, который был перед их глазами. Мягкий карандаш быстрыми штрихами вырисовывал на белом листе, кусты, деревья, густо растущие поодаль по берегу вдоль реки. Постепенно на листе появлялись и силуэты лошадей с плавными линиями от головы через изогнутости спины до крупа.

Вовка внимательно и с интересом смотрел за движениями карандаша, то и дело поглядывая на пасшихся лошадей на полянке. Сравнивал. Процесс Славкиного рисования напоминал мультики: на его глазах из ничего на белом листе появлялись изображения, да ещё и очень похожие на то, что он видел сейчас перед собой. Вот появились гривы и хвосты, казалось, что и на рисунке они слегка шевелятся от дуновения летнего ветерка. Постепенно рисунок становился больше и больше похожим на реальность, только в чёрно-белом цвете. Вовке нравились рисунки брата, и он всегда завидовал этому его умению.

Он тоже пробовал рисовать, но получалось не очень, да и надоедало ему подолгу сидеть и выводить разные финтифлюшки и штрихи. «Потом как-нибудь научусь и рисованию, не всё сразу», – убеждал он себя.

Лошади практически стояли на одном месте, убежать они не могли со спутанными передними ногами, поэтому чуть передвигались, щипая траву, с небольшим подскоком. Все они были рассёдланными, кроме одной – Рыжухи, на которой приехал дед. Она стояла привязанная к тополю. Вовке хотелось прокатиться на ней. Он даже представил себя сидящим в седле, в папахе с красной полосой, в накинутой на плечи бурке и с саблей в руке, как Чапаев! «Не, Славка не разрешит,

это точно! Дед, может, и дал бы. Надо будет у него попросить».

Славка как будто прочитал его мысли, отложил альбом для рисования в сторону, встал и, потянувшись, с деловым видом направился к Рыжухе:

— Прокачусь немного!

Подойдя к лошади, он, искоса поглядывая на Вовку, следившего за ним с нескрываемой завистью, не торопясь отвязал повод, вставил ногу в стремя и водрузился в седло. Потом немного дернул поводком и потихоньку ударил стременем по бокам Рыжухи, которая, перебирая ногами, двинулась шагом, постепенно медленно переходя на рысь. Славка старался сидеть прямо и при каждом шаге лошади чуть подпрыгивал, явно не попадая в ритм движения. Сделав большой круг, он вернулся к стоявшему Вовке:

— Фуфайку принеси, а то об седло больно бьётся.

— Где я тебе её возьму, домой, что ли, бежать? Далёко через весь огород.

— Да вон на чучеле висит старая фуфайка!

— А мне потом дашь прокатиться?

— Дам, дам. Неси давай.

Вовка забежал в огород, где в подсолнухах стояло чучело, наряженное в фуфайку и в красном платке на мешке, набитом соломой. Стянув с огородного «сторожа» старую фуфайку с торчащей во многих местах ватой, он понес её Славке.

Лошадь под седоком гарцевала на месте, делая небольшой круг и, когда он почти подбежал к ней, держа свернутую фуфайку перед собой, Рыжуха неожиданно взбрыкнула задними ногами.

Вовка успел увидеть огромные копыта почти перед своим лицом и получил удар в области груди, после чего отлетел назад, как ему показалось на несколько метров, ничего не успев понять.

Боли почти не было, удар копытами пришёлся по фуфайке, это его и спасло. Сердце стучало изо всех сил, было чуть-чуть трудно дышать. Он даже не заплакал вначале, а лежал

и смотрел, как Славка медленно, словно в замедленном кино, слезает с лошади, отскакивает от неё и так же медленно, как бы с трудом, бежит к Вовке. Вот тут у Вовки сами собой побежали слёзы, в ушах и голове появился гул.

Славка наконец-то добежал до него, присел рядом и обнял. Он что-то говорил, но Вовка его не слышал, шум внутри головы мешал разобрать слова. Постепенно слух возвращался, а в висках продолжали стучать молоточки. Поддерживаемый братом, он встал, голова ещё кружилась, и сердце ещё учащённо билось, но всё уже было позади.

— Мамке только не говори, – почему-то сказал Вовка.

— Да ладно! Ты как? Где болит?

— Да нигде не болит, ноги только трясутся, да в голове шумно.

— Пошли к огороду, сядешь в тенёк, посидишь. Может, за водой сбегать, а?

— Нет, просто посидим... А Рыжуха не убежит?

— Да я её сейчас палкой, заразу такую...

— Не надо палкой, ладно?

— Ладно, ладно.

Потом они замолчали. Славка сидел, обняв Вовку, а тот делал большие вдохи и выдохи. Так они и сидели минут двадцать или тридцать. Воротца из огорода открылись, к ним вышел дед:

— Ну что, пастушки? На лошади покататься не хотите?

— Нет! – одновременно ответили братья.

— Ну и ладно. А чего это ты чумазый, Вовка? Плакал, что ли? Славка, ты его, что ли, обидел?

— Нет, он меня не бил, я хотел купаться идти, а он не пускает!

— Ну-ну! А чего это фуфайка у вас с чучела огородного вон там валяется?

— Да так. Просто лежит себе и лежит. – Ребята не нашлись, что ответить деду.

— Ну, ладненько. Я поехал в правление, а вы бегите домой, там мать вам лепёшки напекла.

Вовка уже совсем пришел в себя. Захотелось поесть.

— Пошли, что ли, – сказал он Славке.

— Пошли.

— Рисунки свои забери.

В бочке, которая стояла в огороде, Вовка, сняв рубашку, умылся, обтёр мокрыми руками плечи и грудь. На правой стороне кожа была немного розоватого цвета в виде небольшого пятна размером со здоровенный кулак, а на спине, под лопаткой, чувствовалось, что, видимо, тоже будет синячище, потому что упал он плашмя на спину, да ещё и на отломанную от ветлы толстую ветку.

Вовка вспомнил два больших копыта с железными подковами, мелькнувшие тогда у него перед глазами, и вздрогнул, с ужасом представив на минуту, что могло произойти, беги он чуть быстрее.

Дома они ничего не сказали. Зачем зря расстраивать родителей.

Ведь всё обошлось.

Бич

Кукареканье петуха на первых нотах стало хрипловатым.

Всего несколько дней назад Вовка не замечал этого, а просыпался он, как говорят, с первыми петухами. Выходил на улицу, окунал голову в бочку с водой, которая стояла возле колодца в огороде, и окончательно просыпался. В это время баба Аганя, подоив корову, уже несла огромное ведро, до краев заполненное парным молоком.

Вовка ловким движением сдергивал с гвоздя дедову большую фронтовую алюминиевую кружку и запускал её в ведро. Тёплое молоко небольшими глотками отправлялось внутрь, но часть молока выплёскивалась, тонкими струйками стекала по подбородку и, щекоча, заползало под майку.

Бабушка, глядя на внука, ласково говорила ему:

— Вовка, дай я хоть ведро-то поставлю! Ты прям как теленок маленький, нетерпеливый!

Но он, допив молоко и водрузив на место кружку, уже снимал персональный бич с забора и шел в загон к корове Зорьке, чтобы отвести её на гору в стадо. Эту обязанность Вовка принял на себя самостоятельно и исполнял её ежедневно: утром отгонял Зорьку, вечером встречал. Там же он познакомился с деревенскими пацанами, и ему нравилось, как они ловко щелкали бичами.

У каждого был свой бич и свой «щёлк»: у одного резкий и короткий, у другого продолжительный и глухой, а у кого-то с оттяжкой! Вовка тоже хотел научиться этому, и тогда дед сплел ему бич, вырезав из ветки черемухи удобную короткую ручку, увенчав её кожаным набалдашником.

И началась Вовкина учёба «бичевания».

Но все оказалось не так просто, как виделось со стороны.

Бич не подчинялся.

После первого «молодецкого» взмаха, получив приличный хлёст от плеча до места ниже поясницы, через всю спину, Вовка отбросил рукоять и отскочил в сторону. А бич, как живой, еще некоторое время извивался в дорожной пыли, как бы стараясь доползти до него, а может, Вовке это и показалось, и слёзы предательски выкатились на щёки.

Растерев влагу на лице пыльной ладошкой, он медленно двинулся к бичу:

— Ничего! Ничего, я тебя одолею, приручу...

Второй хлёст с шипящим свистом снёс с его головы фуражку, и бич опять ещё некоторое время извивался в пыли. Фуражка, называемая «сталинка», корчилась от боли в кустах крапивы. Петух, приоткрыв клюв, как бы улыбаясь и наклонив голову набок, казалось, с любопытством и иронией наблюдал в сторонке за Вовкиными «танцами», возможно, даже и изучал некоторые его движения и выпады. Вовка погрозил ему кулаком. Услышав позади смех, он обернулся. К нему подходил дед:

— Ты, казак, с бичом-то поговори, подружись, а то он таких тебе полосок на спине нарисует, тельняшки не надо

будет. Чё ж ты им, как палкой-то, машешь, он же – би-и-ч. Ненароком и без глазу оставить может.

«Без глазу» Вовке оставаться нисколечко не хотелось. Дня три он таскал бич, перекинув его через плечо, и присматривался к деревенским пацанам, изучал, как они держали свои бичи, как взмахивали, как подрезали, и откуда получался щёлк.

Пацаны Вовкин бич оценили в первый же день и, уважительно поглаживая рукоятку, сказали:

— Да, дед Вася, молодец!.. Он умеет здóровские бичи плести.

Потом они показали Вовке свои навыки обращения с бичами, пощёлкали Вовкиным бичом, «щёлк» получался отменный. После их обучения и у Вовки стал получаться отличный «щёлк». Конечно, это произошло не сразу.

Это было давненько, недели три назад. А сегодня он почувствовал, что по утрам стало немного прохладней, появились капли росы, туманная влажность висела в воздухе.

«Вот оно, отчего петух захрипел на первом «ку»!» – подумал Вовка.

Бич тоже был немного влажноват. Но это было не важно, важно было то, что приближалась осень, заканчивались каникулы. Вовка аккуратно снял бич с плетня, немного протер с него влагу о полу рубахи, затем с деловым видом вывел за рог из хлева Зорьку и погнал её привычной дорогой к стаду.

Каникулы, как сладкое и холодное мороженое, ожидались долго, а закончились быстро, но вкус их ещё остался.

Прощание с деревней в последние дни каникул были бурные: деревенские друзья с удочками ежедневно и с первыми петухами уже стояли у калитки их дома. Зорьку в стадо последнюю неделю отводила мать, а Вовка выскакивал к друзьям, и они неслись к реке на рыбалку.

Ёрш клевал отменный!.. Жирный и большой, хоть и сопливый. А ещё чебак и подъязок! Завтрак семье был обеспечен, а иногда и обед тоже.

А после рыбалки они, вооруженные рогатками, окружали деревенские конюшни и стреляли по воробьям, так, для развлекалки, или совершали коллективные набеги на кукурузные и гороховые поля: пакостить не пакостили, но наедались до отвала. Потом всей ватагой они лежали на взгорке и смотрели на широкую Обь...

Вечером перед отъездом Вовкиной семьи собралась вся родня. Мужики всё время о чем-то разговаривали с отцом, женщины пели песни, ребятня, человек двадцать, а может, и больше, все двоюродные и троюродные братья и сёстры, играли то в лапту, то в казаков-разбойников, благо спрятаться было где.

...Петух стоял на изгороди и, казалось, с достоинством и внутренней радостью посматривал в Вовкину сторону, как бы зная, что завтра тот уедет, а он опять станет главным на этом дворе...

(события 1966 г.)

Глава 5. *Норильск. 1966 год*

Красноярск. Аэропорт

По мере того, как деревня отдалялась всё дальше и дальше, а Норильск приближался, менялось и Вовкино настроение: ему уже не было так грустно оттого, что прошло лето, и почти закончились каникулы, он переключился на предстоящие встречи со старыми и верными друзьями, родным двором, школой и одноклассниками. Предстоял огромный обмен впечатлениями. Он уже мысленно раскладывал свои истории «по полочкам» – рассказать ему было о чём.

В Красноярском аэропорту стоял монотонный шум от взлетающих и идущих на посадку самолётов. Теплый воздух, смешанный с остатками несгоревшего топлива, слегка дрожал над взлётной полосой сизой дымкой и иногда переливался цветами радуги под солнечными лучами. В здании вокзала, видимо, было много народа, потому что и на улице тоже сидели на скамейках и на своих вещах пассажиры, ожидающие вылета. Их семья тоже расположилась на свободном месте у забора, и пока родители ходили узнавать про свой рейс, они со Славкой стояли возле решётки ограждения лётного поля, охраняя вещи. Вовка считал стоящие вдалеке самолёты и наблюдал за взлётом и посадкой: на лётном поле всё было в постоянном движении – к приземлившимся самолётам подъезжали маленькие машинки, в которые выгружались чемоданы, к другим наоборот подвозили вещи и загружали их, из одних самолётов выходили пассажиры, в другие – заходили. Вскоре ему это надоело:

— Славка, я пойду тут рядом похожу, гляну, может кого знакомых встречу.

— Сиди здесь. Нечего шариться.

— Да я быстро.

Народу сидело и стояло, лежало и постоянно ходило туда-сюда много. «Это сколько же людей надо в самолёты по-

садить, перевезти. Не все же в Норильск летят. А накормить? А конфет-леденцов сколько раздать!» – думал Вовка, выглядывая в этом людском муравейнике хоть одно знакомое лицо.

— Привет! – Кто–то хлопнул его по плечу. Рядом стояли три совсем незнакомых пацана чуть постарше его. – Куда летишь?

— Я-то? В Норильск. А чё?

— Да просто, смотрим, ищешь кого-то.

— А вы куда летите?

— Да мы здешние, красноярские. В «пристенок» не хочешь сыграть?

— Не-а. Да у меня и денег нет.

— А чё деньги! Можно и просто так сыграть. У нас деньги есть, а у тебя вон часы, стекло, правда, треснутое. Но это ничего. Пойдут.

— Не буду я с вами играть, тем более ещё и на часы, не мои они – братовы, он дал мне их поносить.

Пацаны как бы незаметно становились кружком, прижимая Вовку к кустам. Он понял, что они сейчас будут часы у него отбирать, а заодно и под рёбра дадут.

— А может, правда сыграть! – сказал Вовка и неожиданно для пацанов резко толкнул со всей силы крайнего и быстро рванул к Славке. Пацаны, видимо, не решились догонять его, и когда Вовка был уже возле брата, то, оглянувшись, он их уже не увидел.

— Ты чего это несся так, как ужаленный? – спросил Славка.

— Да так, побегать решил, а то скоро в самолёте сиди и сиди три часа. На часы свои, поносил и хватит.

В самолёте стюардесса опять раздавала точно такие же конфеты, как и в прошлый раз. Вовка подумал, вздохнул и взял почему-то всего одну горсть.

Это, наверное, от того, что за это лето он стал уже «намного» взрослее.

Самолёт вырулил на взлётную полосу, разбежался и, набирая высоту, помахал Красноярску на прощание крыльями. Вовка мысленно тоже помахал ему руками. Сбоку внизу виднелся вокзал и много людей, сидевших на своих вещах вдоль забора

лётного поля и на крыльце вокзала в ожидании своих рейсов. Где-то там промышляли воровством три красноярских пацана.

А может быть, не только три!

Норильск. Сбор металлолома

Самолёт пошёл на снижение, рассекая крыльями серые набухшие облака, под которыми открылись бесконечные просторы тундры, поблёскивающие зеркалами десятков озёр, разбросанных по бледному жёлто-зелёному ковру и с высоты казавшихся лужами ярко-синего цвета. Кое-где пластами лежал серый вековой лёд. Великолепие тундры завораживало, и Вовка с восхищением смотрел на её бескрайние просторы и красоты, открывающиеся с высоты и виденные им впервые. Когда они улетали, в начале лета, самолёт так быстро набрал высоту и поднялся над облаками, что под ними тундра не была видна. А сегодняшний её вид и её величие стало для него открытием.

Сделав несколько наклонов и небольшой разворот, самолёт стал заходить на посадку, и вскоре его колёса соприкоснулись с бетонной полосой; чуть подпрыгнув, он пробежал ещё пару сотен метров и встал.

Алыкель.

Погода начала резко портиться. Небо быстро затянуло серыми тучами, спрятавшими солнце, подул холодный ветер, запахло сыростью и дождём.

Электричка.

Норильск.

Дома.

В этот же вечер Вовка встретился с друзьями, от радости встречи они немного потолкали друг друга, похлопали по плечам и спине и, так как на улице была «не лётная погода», то было решено провести завтрашний день в подъезде и поделиться всем тем интересным, что случилось у них летом...

...Как с приближением лета школьники мечтали о скором наступлении каникул, так и сейчас с не меньшим желанием

они ждали начала учёбы. В каждом времени и событии есть свои прелести, а в этом году первого сентября Вовка с друзьями шли уже в школу третьеклассниками и чуть свысока смотрели на первоклашек, стоящих ещё не стройными группами и с заметным волнением смотревших на учителей и школу.

Когда-то и они были такими же несмышлёнышами; нынче у них всё совсем по-другому, а ещё в этом учебном году ожидается важное событие в их жизни – им предстоит стать пионерами. Правда, это будет не так скоро, весной, а до того момента их октябрятским звёздочкам еще предстоят различные соревнования между собой в учёбе, в спортивных играх и художественной самодеятельности.

А самым первым соревнованием будет день сбора металлолома. Вовка с друзьями уже много чего приметили из металла в подвале и на чердаке дома, так что оставалось ждать этого дня, намеченного уже на первую учебную субботу. Что в субботу – это хорошо: вроде бы и в школе и в то же время на улице. А то, что металлолом таскать – это не страшило, это так, в удовольствие!

На переменах каждый старался быстрее другого рассказать о своих интересных каникулах, и от этого в школе стоял несмолкаемый шум. И только звонок на урок немного охлаждал пыл школьников, но даже и в классе ребятишки ещё ёрзали за партами, с нетерпением ожидая следующей перемены, не спеша настраиваться на учёбный лад.

Зоя Николаевна, видя в глазах и в настроениях учеников желание высказаться и поделиться своими впечатлениями, предложила:

— Ребята, я вижу, что вам очень хочется рассказать о том, как вы хорошо отдыхали летом, сколько узнали нового, скольких приобрели друзей. Давайте с вами сделаем так: первый урок в течение этой недели будем начинать с ваших рассказов о вашем отдыхе и приключениях, а остальные уроки будем усердно трудиться. Хорошо?

— Хорошо, Зоя Николаевна! – Это предложение им очень понравилось.

— С завтрашнего дня давайте и начнём.

Первая учебная неделя просто пронеслась, заполненная рассказами и впечатлениями о прошедшем лете, наполненном у каждого бурными и не очень событиями, но постепенно эта тема улеглась сама собой и закрылась.

Подошла долгожданная суббота. День выдался ясным и солнечным. Над входом в школу ещё вчера повесили большой транспарант: «Что не нужное – на слом! Соберём металлолом!» Из громкоговорителя по улице растекались бодрые пионерские песни. Настроение у всех было весёлое, казалось, что даже солнце светит и греет по-особенному.

Вовка с друзьями, Сашкой-Лёней и Витькой, учились в разных классах, поэтому, чтобы никому не было обидно, они заранее поделили найденные железяки и распределили, кто какие понесёт потом на школьный двор. Сашка-Пауль в расчёт не брался, он хоть росленький и шустрый, но пока что был первоклашка, посему ему выпала честь помогать в этом нелёгком деле всем троим в равной мере.

Каждому классу отвели место для складирования. Третьим и четвёртым классам разрешили объединиться в одну команду по два класса. Вскоре школьный двор стал похож на муравейник, а школьники с азартом включились в эту увлекательную работу и игру, в которой объединились и «поиск сокровищ», и «казаки-разбойники», а спортивный азарт и дух соревнования был почти осязаем и висел невидимым облаком над школьным двором. Постепенно начали вырастать кучи из ржавых и гнутых труб, вёдер, панцирных кроватей и чугунных батарей отопления. Потом в них появились эмалированные и алюминиевые кастрюли, сковородки, тазики и даже тарелки – видимо, бывшие излишками в домашней посуде. Каждому классу хотелось выйти победителем.

— Вот сейчас тележка была бы, то можно было на городскую свалку махнуть, там всякого добра полно.

— Может, так сходим?

— И чё мы, вот так принесём? Нет, там без тележки бесполезно. Да и далековато тоже. Ладно, так натаскаем.

На школьном дворе соседней школы тоже двигались свои «муравьи», и там тоже росли горы металлолома. В течение двух-трёх часов пацанами разных классов уже не в первый раз были обследованы и досконально вычищены все потаённые углы подвалов, чердаков и подъездов ближайших домов.

Мальчишкам это было сделать легко, даже при отсутствии фонариков, так как все эти места им были знакомы как свои пять пальцев. Потом прошёл слух, что несколько учеников соседней школы попытались стащить железяки из куч Вовкиной школы, но старшеклассники отвоевали их и выставили караулы. То же сделали и школьники-соседи. Вскоре оба школьных двора стали похожи на большие свалки металлолома. Никто даже себе и представить не мог того, сколько этого металлического хлама валялось кругом, вроде даже и не замечали, что может его быть настолько много.

К полудню сбор закончился и школьники, чумазые и немного уставшие, но весёлые, выстроились возле своих «сокровищ». Учителя и старшие пионервожатые обмерили каждую кучу, пометив, какой класс её собрал, чтобы в понедельник объявить на школьной линейке результаты и победителей, а директор школы, Владимир Иванович, поблагодарил всех:

— Молодцы, ребята! Все вы потрудились на славу. Смотрите, сколько разного металла просто так валялось и захламляло наши дворы. А теперь благодаря вам всё это пойдёт в переплавку на завод, и потом из этого будут делать машины, трактора и станки, а может быть, и велосипеды, на которых вы будете кататься. А сегодняшним своим трудом вы принесли огромную пользу стране и сэкономили сотни тысяч рублей государству. Спасибо вам, октябрята, пионеры и комсомольцы! Сегодня среди вас нет проигравших, все вы – победители!

Школьники расходились по домам, чтобы привести себя в порядок. Вовка с друзьями стояли на крыльце и смотрели на горы металла:

— Всё равно наш класс больше собрал, чем ваш.

— Нет, это наш класс больше вашего собрал.

— А я вот что думаю: когда это всё переплавят, то, интересно, сколько машин сделают из этого?

— Сто!

— Ну, сто не сто, а штук сорок точно будет!

— Да, хорошо поработали, здорово! Можно перекусить, а потом выйдем в лапту сыграем, что ли.

Дома Вовка подошёл к окну. Сверху было ещё лучше видно, сколько они собрали. Ему было приятно осознавать то, что и он вот с друзьями этим принёс пользу стране.

Мать с отцом тоже похвалили:

— Молодцы! Смотри-ка, мать, сколько железа натаскали! Весь двор школьный завалили! Комбайнов штук двадцать, не меньше, может получиться с этого, а то и больше. А если сенокосилок – так тех и сотни две можно будет сделать.

«А вот станем пионерами, то ещё больше пользы принесём!» – подумал Вовка.

Шайбу-шайбу

Учебный год, так хорошо начавшийся с дружного сбора металлолома, входил в свой обычный ритм.

Прошедшие каникулы уже и не вспоминались, какое-то недолгое время школьники весело обсуждали конфузы, связанные с металлоломом – в понедельник на школьный двор приходили строители и, чертыхаясь, рылись в грудах металла, отыскивая свои строительные инструменты: ломы, кувалды и тачки, добросовестно собранные возле стройки школьниками.

Потом и это забылось, потому что помимо учёбы, в которой добавились новые интересные предметы, в школе начали работать различные кружки и проводиться соревнования по оформлению стенгазет и классных уголков, смотры художественной самодеятельности и спортивные игры, а уже

повзрослевшим третьеклассникам было интересно участвовать «во всех и во всём». И каждому хотелось отличиться, ведь совсем скоро они станут пионерами! А пионер – это звучало очень гордо, это уже не какой-то там октябрёнок! Это – пионер! У Вовки было уже давно всё приготовлено к этому торжественному моменту, и он каждый день заглядывал в шифоньер, где на плечиках гордо висели белая рубашка с золотистыми пуговицами, пионерской эмблемой на рукаве и алый отутюженный пионерский галстук! Казалось, что от него идет какое-то свечение и тепло! Погладив рукой нежность атласа, Вовка аккуратно прикрывал дверцу.

В пионеры хотелось всем. На внеклассных занятиях пионервожатые из старших классов рассказывали о создании пионерской организации, о героях-пионерах, погибших в войну, обучали правильно завязывать галстук и повторяли главные правила пионера.

А на уроках третьеклассники вели себя прилежно, тянули руки, вызываясь к доске решать примеры по математике или упражнения по русскому, на литературе старались читать текст без запинок и ошибок. На переменках девчонки ходили чинно, что-то деловито и негромко рассказывая друг дружке.

Пацаны одноклассниц не задирали и не дергали за косички, не подставляли «подножки по случаю», а степенно стояли у стенок коридора или окон и даже не садились на подоконники; и уши у них теперь всегда блестели от чистоты, и ногти были подстрижены, а не обкусаны! Знали бы учителя, с каким трудом им это все давалось! Но надо – значит надо!

Зима тем временем набирала обороты и обосновывалась основательно и надолго. Уже к концу сентября снег лёг толстым слоем, крепчающий с каждым днём мороз дал возможность превратить школьный двор в большой каток. В течение нескольких дней физрук и трудовик с помощью школьников заливали водой из шлангов пришкольную территорию, ровня-

ли мётлами и деревянными лопатами будущее ледовое поле, на котором должны будут разместиться хоккейная «коробка» с бортами из снега, площадка для катания и беговые дорожки вокруг них.

Днями на катке проходили уроки физкультуры, а вечерами его заполняли мальчишки и девчонки разных возрастов, у кого не было коньков, катались на валенках.

Дворовый хоккей становился популярным, и на катке бились за шайбу старшеклассники, а пацаны помладше получали шишки, синяки, разбитые носы и навыки игры в него возле подъездов домов. У Вовки, как и у некоторых ребят, была самодельная клюшка, добротно сделанная старшим братом.

В отличие от магазинных, она была неказиста и чуть более массивна, но по крепости заводским было далеко до неё: Славка собирал её не торопясь из дощечек овощных ящиков, тщательно смазывая эпоксидным клеем и обматывая прочной тканью. Получилась немного тяжеловатая, но вполне серьёзная клюшка, при ударе о которую магазинные ломались хоть и не с первого удара, но со второго или третьего точно. Да и сам Вовка, под стать своей клюшке, играл технически не очень, не научился ещё, а всё больше корпусом-корпусом норовил оттолкнуть соперника, не совсем грубой силой, но так – слегка. А тут ещё и клюшка массивная.

— Вовка!.. На фиг! С тобой играть – только без клюшек оставаться.

— Я-то тут при чём? Вы аккуратней играйте, по шайбе бейте, чего по клюшке-то бить.

— А ты прямо аккуратно играешь! Это же тебе не в «Царь-горы» игра, а хоккей.

— Ну и сломается, Славка склеит. Ещё прочней будет, чем раньше.

— Да на фига она мне клееная! Играй аккуратней, и всё. – Витька – он всегда был собственник, то велосипед его и никому, то клюшка – магазинная! Вовка к вещам относился просто:

нельзя купить – можно сделать, где сам, а где и брат поможет. Вещи – фу, мелочи.

— Витька, чё ты всё время – моё, моё. Играй себе спокойно. «Аккуратней, аккуратней». Если сам не умеешь играть, так учись.

В их дворе жили несколько старших пацанов, семи- и восьмиклассников, которые серьёзно занимались хоккеем в спортивном клубе и уже играли за какую-то команду. У них была настоящая хоккейная форма, потому ходили они важно, вразвалочку, свысока поглядывая на «разную мелюзгу».

Однажды они проходили мимо, похоже, чуть выпившие, и, посмотрев на этот «околоподъездный хоккей», решили показать свой мастер-класс:

— Чё вы как-то неуклюже играете, пацанва! Давайте-ка им покажем, как надо играть! Кто из вас встанет на ворота?

— Не, мы посмотрим, мы ещё учимся только играть, – ответили Вовкины друзья.

— Учитесь, пацаны, учитесь! Цыган, вставай на ворота, покажи им, как вратари шайбы ловят.

Цыган с деловым видом пошёл к импровизированным воротам, походу забрал у Сашки-Лёни клюшку и занял позицию в ожидании броска.

— Малый, дай-ка мне твою клюшку, – сказал их «старшой» Витьке.

— А чё мою-то, вдруг сломаешь.

— Не сломаю, не боись!

— Вон у Вовки хорошая клюшка, самодельная и прочная.

— Ничего, сначала твоей пару раз щёлкну, покажу, как надо броски делать, а потом и его самоделкой спробую.

Забрав клюшку и сделав несколько финтов и выпадов, он ловко отправил шайбу в ворота; вратарь, ухарски парировав одну, потом вторую и третью шайбы, стоял, наклонившись и улыбаясь во весь рот от удовольствия и гордости за себя. Видимо, «старшему» не очень понравилось то, что он не смог с трёх раз забить ни одной шайбы, а может, довольная улыб-

ка вратаря его задела, и он, красиво, с разворотом, сделал удар-щелчок так, что Цыган не успел ни среагировать, ни увернуться от шайбы. Она оказалась у него во рту, и он ничком упал лицом в снег. Его друзья подбежали к нему и немного приподняли. Он стоял на коленях, покачиваясь из стороны в сторону, выл от боли – изо рта текла кровь, а на снегу лежала шайба и несколько передних зубов.

После этого случая Вовка с друзьями отметили для себя, что игра в хоккей – это дело серьёзное, особенно для вратарей. Поэтому идти в большой хоккей желание у них отпало сразу. Так, посмотреть сходить на игру, «шайбу-шайбу!» покричать, самим возле подъезда потолкаться, но не в большой хоккей! Не! Это не из трусости, ну не нравится без зубов ходить!

А Цыган ещё долго ходил без них.

Пистолет

Сашка Фролов принёс в школу пистолет.

Не игрушечный, а самый настоящий, черный и блестящий пистолет. Достал его двумя руками из портфеля:

— Пацаны, смотрите, что у меня есть!

В классе все затихли. Пацаны сразу же окружили Сашку, всем хотелось потрогать настоящее оружие и подержать его в руках. Это был не деревянный и не эбонитовый или другой какой-то там самодельный пистолет, а настоящий боевой!

— Дай мне подержать!

— И мне!

— И мне!

— Да тише вы, чё навалились-то все. Потрогайте, но только в моих руках. А то мало ли чего!

— А патроны-то в нём есть?

— Полно. Целая обойма. Это отцов пистолет! И он мне даже давал из него пострелять! – с гордым видом говорил Сашка. Кто-то из ребят произнёс:

— А может, и мы постреляем тоже, после уроков.

— Ага, сейчас! Постреляем! Я вам просто показать принёс, а не стрелять.

В это время прозвенел звонок, Сашка быстро спрятал пистолет обратно в портфель и сел за свою парту. Весь урок он сидел с важным видом, держа одну руку на портфеле и ощущая на себе завистливые взгляды одноклассников.

На перемену он вышел с портфелем, окружённый ребятами:

— Сань, дай пистолет потрогать!

— Нельзя, вот после уроков – другое дело. А сейчас нет.

— А чё после уроков-то?

— Да тише вы, чего горланите. Вон директор идёт, тихо!

По коридору шёл директор школы, Пуговкин Владимир Иванович, а за ним твёрдым шагом, и как всегда с сердитым лицом двигалась завуч. Они явно уже знали откуда-то про пистолет и шли прямиком к группе ребят.

— Саша Фролов, подойди-ка на минутку, – приказала завуч.

Сашка бросился бежать по коридору к лестничной клетке. Директор и завуч побежали за ним. Ребята стояли чуть ли не по стойке смирно, смотря вслед удаляющимся Сашке, директору и завучу, понимая, что Сашка влип, и ему не уйти от погони, как и от наказания.

Неизвестно, какое наказание его ждёт в школе, а вот как он будет наказан отцом – прочувствовали все.

Глава 6. *Норильск. Пять рублей глупости или ...*

– 1967 ГОД –

Пионерский сбор

Поначалу после Нового года дни пролетали быстро, заполненные учебными делами, потом каникулами с походами в кино и на утренники, и почти каждодневными подготовками к разным праздникам: Новому году, Дню Советской армии, Восьмому марта, репетициями к смотрам художественной самодеятельности. Но праздники прошли, и до следующего, самого главного, как считал Вовка и его одноклассники из третьего «А», было ещё далеко. В последнее время утрами он начал вставать раньше всех, шёл на кухню и отрывал очередной листок календаря. А дни тянулись медленно, слишком медленно. Один раз он оторвал сразу три листка, но количество дней до 22 апреля всё равно не уменьшилось. Приблизить день рождения Владимира Ильича Ленина и день приема в пионеры этим действием не удалось! Он даже спать стал ложиться раньше, но уснуть быстро не получалось, то мешал телевизор, показывающий интересный фильм, то старший брат, делавший уроки.

Ну не было сна!

И тогда Вовка брал книгу и залезал под одеяло с головой, чтобы почитать её, подсвечивая фонариком, раньше он быстро при этом засыпал, но сейчас этого не происходило, а становилось душно и жарко.

Потом он ложился на спину и вытягивал ноги, высунув их из-под одеяла, а руки закладывал под голову, долго и пристально смотрел в потолок, изучая на нём давно знакомые трещинки и пятнышки, периодически косо поглядывая на будильник, стоявший на табуретке. Нет, время быстрее не шло – ну прямо буксовало на месте.

На уроках оно ещё более-менее двигалось, а вот дома... ну никак!

Каждый день после школы он примерял форму, повязывая пионерский галстук. Примерял не торопясь, надеясь, что пока он её достаёт, раскладывает на спинке стула, потом снимает с себя школьную и надевает будущую пионерскую, время должно прямо бегом пробежать, но оно не бежало. Стрелки часов дрыгались и передвигались лениво и нехотя, как бы дразня его. И чтобы не видеть их издевательства, он набросил на них полотенце. Мать вечером сразу это заметила и спросила, снимая его с часов:

— Чего это полотенце-то на часах? Сушите, что ли? Можно было и на батарею повесить.

Вовка в ответ промолчал.

Особенно долго время тянулось последние два дня...

И всё-таки этот день наступил.

И вот тут-то оно, время, прямо как сорвалось. Не успел встать и умыться, а уже нужно бегом бежать в школу, чтобы не опоздать. И позавтракать некогда.

Вся школа в этот день была заполнена праздником и ярким светом, который вроде бы исходил отовсюду, громко звучала бодрая песня «Взвейтесь кострами...», а её задорные слова растекались по стенам и заглядывали в каждые уголки, ка-

залось, что они даже шевелили волосы на голове и звучали откуда-то изнутри, а не из репродукторов.

Легкость была необычайная.

Вовке казалось, что его ноги даже не задевают пола, а по лестнице он прямо плывет самостоятельно, держа красный галстук, лежавший в специальном пакете, сделанном матерью, бережно, как стеклянную и очень дорогую вещь.

Вот-вот, совсем немного, совсем чуточку, и он станет ПИОНЕРОМ! Алый галстук будет повязан на его шее, а сверкающий пионерский значок со звездой и языками костра как медаль водрузится на лацкане пиджака! Неописуемое чувство гордости и радости переполняло, и ему очень-очень захотелось чего-нибудь отчебучить «этакого»! Но нет! Нельзя!

Торжественная линейка, музыка, вступительные и поздравительные речи пионервожатой, директора школы эхом неслись по спортзалу.

Внутри Вовки волнительно стучало сердце, вихрем неслись мысли: «Вот сейчас, сейчас нужно будет произнести пионерскую клятву! Лишь бы не сбиться, лишь бы не перепутать слова!»

— Я... вступая в ряды Всесоюзной Пионерской организации, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: горячо любить свою Родину; жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия; всегда выполнять законы пионеров Советского Союза.

– Будь готов!

— Всегда готов!

И вот он торжественный момент: повязан галстук, дана присяга, отсалютовали дружно и дружным, уже пионерским строем, промаршировали перед бюстом Ленина и Красным знаменем, под звуки пионерского горна и барабана...

Теперь он – П-и-о-н-е-р!!! Перед Вовкой открывался новый этап жизни с новыми возможностями и новой ответственностью! Перед собой, перед друзьями, перед страной...

Время начало свой новый отсчет и побежало вперёд быстро-быстро!

Пять рублей глупости или ...

Каждое утро Вовка, сделав быстро зарядку под бодрящие звуки радио, позавтракав и повязав с удовольствием пионерский галстук, выбегал из квартиры, вприпрыжку перескакивая через несколько ступенек, а уже из подъезда выходил степенной походкой и шёл в школу. Настроение у него было на полном подъёме: во-первых, он был принят в пионеры и оканчивал третий класс, во-вторых, была середина мая, и уже почти наступала весна, а в-третьих, совсем скоро, в начале июня, ему исполнится десять лет! А ещё раньше наступят летние каникулы, и он опять поедет в родную деревню на целых три долгих месяца! И поедут они одни со старшим братом, без родителей! Потому что оба уже большие и самостоятельные! Это ли не радостные новости!

В последний учебный месяц Вовка уже не так сильно торопился заходить внутрь школы, а останавливался на большом крыльце и, поджидая друзей Лёню и Витьку, подставлял своё лицо восходящему солнцу, как бы показывая ему себя и свой яркий пионерский галстук.

Весеннее солнце уже приплюснуло и зачернило сугробы, уменьшив их до небольших бугров, из-под которых днём обильно вытекали ручьи талой воды, с каждым днём всё больше и больше уносящие с собой величие зимних снежных горок.

В ожидании товарищей он поглядывал на вышку Телецентра, выглядывающую из-за крыш домов.

В этом году Вовка с друзьями уже меньше интересовались игрой в «Царь-горы», а больше тянулись к хоккею и ходили кататься на санках с горы Телецентра. Быстрые спуски с её высоты захватывали дух. Вот где можно было пацанам показать свою смелость и ловкость, своё ухарство. На лыжах, конечно, было страшновато, да и лыжи в их компании были только одни на четверых, а вот на санках! На них можно было такие выкрутасы устраивать, что любо-дорого посмотреть: одни преодоления высоких трамплинов чего стоили.

Разгонишься с верхотуры и на трамплине – бац: метров по пять-шесть в воздухе пролетаешь! Главное было – вовремя от санок отцепиться, а то могло быть и больно... А отцепившись, нужно было успеть сгруппироваться, чтобы упасть боком и кубарем скатиться вниз вслед за санками.

На горе постоянно было много ребятни, а иной раз казалось, что они собрались все одновременно со всего города, так там было тесно.

Иногда пацаны устраивали соревнования по быстрому и дальнему скатыванию с горы на санках и прыжкам с трамплина – компания на компанию или двор на двор. Тут уж нужно было все свои силы приложить, чтобы не упасть в грязь лицом, вернее, в снег! Были такие отчаянные, которые не отцеплялись, а приземлялись вместе с санками, врезаясь в плотный снег полозьями.

Шум от споров, кто дальше прокатился или пролетел, стоял над телецентром сильнее северной пурги.

— Я дальше пролетел!

— Нет, вот где Колька, а вот где ты!

— Это он санками здесь приземлился, а ногами вон где!

— Сам ты санками приземлился, смотри лучше!

— А в ухо не хочешь схлопотать?!

— Да на... Сам получи!

Частенько «соревнования» заканчивались потасовками. Нашпыняв друг дружке в нос и под рёбра, компании разбредались по своим дворам, каждая довольная собою. Вовка в этих заездах почти не участвовал, результаты были не ахти: виною были его рост и длинные ноги, которые цеплялись за трамплин, и он бухался с высоты, не пролетев нужное для победы расстояние. А потому он в основном участвовал как «судья», отмечая на снегу палкой места приземления пацанов, ну и там, где нужно было мирно закончить споры, если они касались его и друзей, и не допустить большой драки, стараясь оттеснить спорящих своим весом. Ну а когда не получалось миром, то он заваливал

противника своей массой. Чаще всего этого было достаточно. Но не всегда.

«Ничего, в другой раз будут знать, как правильно скатываться и засчитывать! Всё равно мы выиграли! Шустрики тоже нашлись! Правда, пацаны!» – обсуждала каждая компания, возвращаясь в свой двор, вытирая кровь из носа и прикладывая ледышки к будущим синякам...

Подошедшие друзья «освободили» Вовку от его «зимних» воспоминаний и, приветствуя, пожали друг другу руки. Под пронзительный и чуть приглушённый звук школьного звонка они важной походкой направились внутрь школы и разошлись по своим классам.

Почти следом за Вовкой, забежавшим в класс на последней трели звонка и успевшим сесть за парту, вошла чем-то очень расстроенная Зоя Николаевна. Поздоровавшись с ребятами, она после недолгого молчания сообщила тяжёлую новость:

— Ребята. Сегодня на занятиях отсутствует Марат. У него в семье случилось большое несчастье... Вчера умерла его мама...

Эти слова прозвучали как гром, резко и больно, после чего в классе наступила оглушающая тишина. Все непроизвольно повернулись в сторону последней парты, где должен был сидеть Марат. Его место было пустым. Вовке даже показалось, что с того места потянуло холодом. Он тряхнул головой, прогоняя неприятное ощущение: показалось...

...Через два дня Марат пришёл в школу, он и до этого был очень худым, а тут ещё больше похудел, и его лицо стало серым. Как вести себя с ним после случившегося никто не знал. На первой перемене Марат подошёл к окну и молча смотрел в утреннюю темноту. Вовка и ещё несколько пацанов-одноклассников просто встали возле него и тоже молчали.

Пока Марата не было, ребята начали собирать деньги для помощи его семье: кто-то сдавал по рублю, кто-то по пятьдесят копеек. Это было принято на классном пионерском собрании и поручено Вовке. Ему, конечно, не очень-то хотелось этим

заниматься, но поручили, значит – придётся. Мать сшила для этого небольшой холщовый мешочек с завязками, и он аккуратно складывал в него деньги, записывая на листке бумаги вносимые суммы. Некоторые принесли деньги сразу, пока Марата ещё не было в школе, а те, кто не успел отдать в его отсутствие – отдавали их Вовке на переменах или после уроков так, чтобы Марат не увидел и не расстроился.

На одном из уроков Вовку позвал кучерявый и лощёный одноклассник, Лёвка Лердман, сидевший на соседнем ряду:

— Вовка, на, держи! – Он держал что–то в зажатом кулаке.

Шла контрольная по арифметике, и Вовка не сразу понял, чего от него хочет этот чернявый «прыщ», напоминающим ему одного ушлого «пацана-дельца» из фильма «Республика «ШкиД».

— Чё тебе?!

— На, говорю, держи! – уже чуть громче повторил Лёвка. – Это деньги! Вот, здесь пять рублей. Это вон ему, для похорон.

Вовка округлил глаза, глядя на эту довольную пухлую рожицу Лёвки. Последние его слова услышали, наверное, все в классе, потому что даже Зоя Николаевна выронила мелок из рук, дописывая на доске последний арифметический пример.

Сзади загремела парта – это Марат, высокий не по возрасту, выскочил из-за неё и, согнувшись как под грузом чего-то очень тяжелого, быстрым шагом вышел из класса. Вовка мельком увидел его глаза, полные слёз и горя. Следом за ним вышла и учительница.

— Ты чё, дурак? – выкрикнул Вовка Лёвке.

— А что я такого сказал? Все же сдавали деньги, вот и я целых пять рублей принёс, чтобы его семье помочь. Как все, даже больше!

Касим Миниахметов выскочил из-за парты вперёд всех и без всяких слов заехал Лёвке в ухо. Вовка едва успел задержать руку Касима, уже поднятую для второго удара.

— Касим, стой! Потом, после уроков с ним разберёмся!

Лёвка сползал под парту, Касим ещё чуток достал его ногой. И в это время в класс вернулась Зоя Николаевна. Весь класс стоял и смотрел на Касима с поднятым кулаком, на Федьку, сидящего под партой. Зоя Николаевна поняла всё, что уже успело произойти, пока она о чём-то разговаривала с Маратом. Скорее всего, она поняла и то, что может произойти дальше на перемене или после уроков, поэтому она спокойным голосом попросила всех успокоиться и сесть на свои места, а Лёвке, уже сидевшему за партой, под ненавидящими взглядами одноклассников, сказала:

— Лёва, ты, наверное, уже понял, что поступил не совсем правильно. Поэтому сейчас возьми свой портфель и иди домой. Если встретишь Марата, поддержи его. А завтра приходи. Ты меня хорошо понял?

— Понял я вас, – ответил он и вышел из класса.

На переменках ребята обсуждали только это.

— Жаль, Зоя Николаевна его домой отпустила. Мы бы ему накостыляли. Надо же такое сотворить!

— Это он козырнуть хотел, что у них денег полно, а мы тут – нищета деревенская!

— Ничего, завтра мы ему наваляем...

Но «навалять завтра» им не удалось.

Утром следующего дня Лёвка в школу не пришёл, а когда начался первый урок, в класс вошла Зоя Николаевна и прилично одетый дядька в костюме, белой рубашке и галстуке. Он был похож на Лёвку, или Лёвка на него. Ребята поняли, что это был Лёвкин отец, такой же лощёный и кучерявый, только с виднеющимися залысинами.

Зоя Николаевна ещё ничего не успела сказать, как он с порога начал громко отчитывать ребят:

— Как вам не стыдно! Вы, подрастающее поколение советских пионеров, а ведёте себя как фашисты! Ну и что, что Лёва еврейский мальчик? Значит, можно его бить?..

Весь класс стоял чуть ли не по стойке «смирно» и никто не мог понять, почему этот незнакомый им дядька стоит и раз-

махивает тут, в классе, руками, отчитывая их, и почему так получилось, что они все почему-то стали виноваты, а Лёвка, оказывается, прав! И голос Лёвкиного отца то возвышался, то немного затихал, и тогда он откашливался и продолжал говорить, и говорить с ещё большим азартом:

— Я работаю журналистом в газете! И я напишу про ваше недостойное поведение в газете! Вы ещё не знаете, какая это будет статья! И тогда все, вы слышите, все узнают... Пусть все узнают, как вы сегодня позорите светлое звание советского пионера! Как вы относитесь к своим товарищам, которые другой национальности! Как вы принижаете их национальные чувства!..

— А что мы такого сделали?

— Вы... вы как фашисты... вы сразу бить – и по лицу...

— А он зачем так сделал?

— Молчите и слушайте, когда с вами старшие разговаривают!

Зоя Николаевна тоже хотела что-то ему сказать, но в это время в класс вошёл директор школы. Лёвкин отец повернулся к нему, продолжая:

— Вы, Владимир Иванович, только посмотрите на этих...

— Одну минуточку! Прошу выслушать меня!.. Пусть Зоя Николаевна ведёт урок, ребята занимаются, а мы с вами пройдём в мой кабинет и все спокойно обсудим. Хорошо?

Директор и Лёвкин отец удалились.

Занятия усилиями Зои Николаевны медленно возвращались в своё русло.

На перемене ребята из класса не вышли, а сидели за своими партами и молчали.

— Вот так вот! Ни Лёвки, ни его денег, за-ра-за!.. – произнёс кто-то.

— Да ну его на фиг, этого Лёвку, и деньги его тоже... Марата жалко...

— Ребят, а пять рублей-то я забрал у него, – в наступившем молчании сказал Вовка, – он, когда из-под парты вылезал, я их у него из руки и забрал... А чё, Марату они больше пригодятся!

Напряжение ребят, длившееся несколько дней, сменилось дружным смехом. Этот смех был как бальзам для их ещё не окрепших душ, ещё не готовых к таким переживаниям и потрясениям...

Лёвку с его отцом они больше не увидели.

Марат пришёл в школу на следующий день, и никто из ребят не смотрел на него со скорбью или жалостью. И это было правильно.

Жизнь продолжалась.

Через неделю начались летние каникулы, школьники стали разъезжаться на отдых по пионерским лагерям и в отпуска на материк.

И жизнь продолжилась длинными, жизнерадостными летними каникулами, а всё никчёмное и плохое осталось за спиной, в ушедшем прошлом.

На материк

Мать укладывала вещи в два больших чемодана, в один Вовкины и Славкины, а во второй – подарки для родственников: кому платок, кому шаль, а кому-то отрез на платье, родни было много, поэтому самый большой чемодан был предназначен именно для этих «родственных» подарков.

— Мам, а посылкой-то нельзя их послать?

— По почте долго идти будут, да и потеряется что вдруг.

— Ага, а так мне его тащить...

— Славка понесёт, он большой.

— Ну-ну. – Спорить было бесполезно, поэтому Вовка ретировался на улицу, чтобы поиграть во дворе с пацанами и девчонками.

Была на редкость отличная погода для Норильска в начале июня: солнце припекало, и лёгкий, чуть прохладный ветерок не казался лишним.

Двор жил своей, обособленной, жизнью: на школьном крыльце сидела весёлая компания про что-то поющая под гитару, на пришкольном футбольном поле дворовые мальчишки бились за мяч, с удовольствием толкали и иногда пинали друг друга по ногам, а почти у каждого подъезда девчонки играли в разные «классики» и «резинки».

Вовка стоял на крыльце подъезда и думал, к какой бы компании ему примкнуть? Закадычные друзья были в разъездах: Сашка уже уехал с родителями в Красноярск, Витька с отцом на рыбалке. Вовке не хотелось никуда, кроме деревни. Но до отъезда оставалось два дня, и их нужно было чем-то занять. «В кино, что ли, сходить? Деньги есть – аж целый рубль. С друзьями было бы интересней, конечно, ну да ладно – пойду один».

В двух кинотеатрах, расположенных неподалёку друг от друга, было полно ребятни, в одном из них показывали «Республику ШкиД», в другом «Снежную королеву» и сборник мультфильмов. Выбрал про шкидовцев – отличный фильм, два раза он с друзьями уже смотрел его, но можно было и ещё раз посмотреть!

В кинозале, заполненном до отказа, стоял монотонный шум, казалось, что говорили все, и один громче другого.

Вскоре свет погас, зал затих, и по экрану пошли титры под уже знакомую музыку, исполняемую беспризорниками ногтями пальцев по зубам. За Вовкиной спиной тоже кто-то стал подыгрывать им. Фальшиво, правда, но его поддержали ещё несколько пацанов, и вскоре уже добрая половина зала усердно настукивала этот мотив.

В середине фильма Вовкин сосед встал, и на его место уселся кто-то другой:

— Так, слышь, ты. Деньги давай из карманов! Быстренько и тихо! Пикни только, – шипящим голосом быстро произнёс он. Вовка повернул к нему голову и при тусклом свете от мелькающего экрана увидел остроносого пацана с бегающими глазками, похоже, что тот был одного возраста с ним.

— Чего бы это я деньги свои тебе отдавал? С какой это стати?

— Ты чё, не понял? Вон, видишь, дружки мои стоят?!

У начала ряда стояли три крупных парня постарше и смотрели в их сторону.

— Ну и чё?

— А ничё! По роже захотел?

— А хоть бы и захотел! – Вовка уставился на пацана, а потом, не зная, что же ему дальше делать, непроизвольно спросил у него, назвав первое имя, которое пришло в голову:

— Санька, это ты, что ли?

Тот немного отклонился и посмотрел на Вовку, явно не узнавая его в мерцающем свете от экрана:

— Ну да, Санька я! А ты кто?

Тут уж Вовка пошёл на пролом:

— Да мы же с тобой на катке знакомились, месяца полтора назад. Забыл? Там ещё Миха был с Кадыром и этот, как его ...

— А-а-а!.. Ну... – видимо, вспоминал пацан по имени Санька, но не мог вспомнить.

В это время к его дружкам подошла дежурная билетёрша и стала что-то им говорить, подталкивая к выходу. Видимо, она знала их и знала, зачем они тут ошиваются.

— Да уходим мы уже, уходим! Видишь, сидеть здесь негде! Щас уйдём! Санька, пошли.

— Ну, я пошёл! А где же я тебя видел?

Они ушли, а Вовка с испорченным настроением досмотрел фильм, осадок от того, что его чуть не ограбили, остался где-то внутри него, а больше ему было досадно от того, что он не дал отпор, а спасовал! Да, он спасовал и не стал связываться с воришкой. Нет, он не испугался, нет. Он просто спасовал и растерялся. А вот насчёт имени интересно вышло: «Санька, ты, что ли?»... «Хотя это и получилось всё само собой, без всякой боязни, скорее, как внутренняя самозащита, но всё равно, пасанул. Ну да ладно! С кем не бывает!» – успокаивал сам себя Вовка, слоняясь после кино по городу и вну-

тренне переживая за свою минутную слабость. «Бывает же такое!.. А с кем не бывает!.. Скорее бы пришло послезавтра, что ли!»

Вечером он рассказал о случившемся с ним днём отцу. На что тот ответил, обняв Вовку за плечи:

— Понимаешь, сынок, в жизни бывают такие случаи, что вроде бы и надо врезать, но сначала всё же нужно найти мирное решение выхода из сложившейся ситуации, а это намного трудней. Я думаю, что ты нашёл этот выход и поступил правильно. Главное, что не поддался чьей-то воле и не отдал своих денег, а достойно ответил, дал понять, что не боишься, и будешь отстаивать своё. А твоя хитрость с именем удалась на славу. И это не трусость и не отступление, это твоя смекалка сработала. А когда есть смекалка – это хорошо! Тут есть ещё один момент, сын, они ведь теперь знают, что кто-то может и отпор им дать, поэтому будут оглядываться и, возможно, уже не станут вести себя так нагло и открыто.

Слова отца Вовку успокоили и подбодрили.

Проводы на материк были недолгими.

Около часа электричка, раскачиваясь, стучала колёсами на стыках рельсов, отец молча сидел и смотрел на сыновей, мать наказывала Славке, что и как нужно будет сделать с чемоданом подарков. А Вовка смотрел в окно на меняющиеся виды тундры: на фоне серого снега и местами сверкающего сталью льда, лежавшего в низинах, на возвышенностях уже появились островки, а кое-где даже целые острова молодой зелёной травы.

Иногда Вовка вставал и прогуливался по вагону – ему было скучно просто сидеть, натура требовала действий, а какие могли быть действия в ограниченном пространстве электрички?

Вскоре из-за поворота показалось двухэтажное здание аэропорта с небольшой круглой стеклянной шапкой на крыше. «Ура-а-а!» – мысленно прокричал Вовка.

Часа через два Вовка с братом усаживались в удобные кресла самолёта. За стеклом овального иллюминатора были видны вдалеке несколько провожающих, среди которых стояли мать, махавшая им рукой, и отец, державший руки в карманах плаща.

Моторы громко взревели, оглушая пассажиров, и самолёт медленно стал выруливать на взлётную полосу, потом остановился, даже показалась, что он немного присел, готовясь, как кошка к прыжку, резко дёрнулся и быстро устремился к взлёту, втиснув Вовку с братом в спинки кресел. Резкий рывок – и земля стала уходить вниз, расширяясь для обзора до самого горизонта, теряющегося в серой дымке. За иллюминатором простиралась тундра во всём своём июньском разнообразии и великолепии.

— Дай-ка мне глянуть. – Славка перегнулся через Вовку и уткнулся лицом в стекло.

— Ну, хватит уже, навалился, аж дышать тяжело! – через некоторое время Вовка ткнул брата под бок, тот вернулся в своё кресло, не забыв дать Вовке подзатыльник.

Самолёт вошёл в сплошное белое молоко облаков.

Красноярск, растянутый по обе стороны реки, сверху смотрелся как игрушечный. Но вскоре маленькие кубики домов, узкие дороги и улочки, по которым двигались машины, похожие на божьих коровок и мелких тараканов, стали быстро приближаться и увеличиваться в размерах. Самолёт шёл на посадку.

Уже в аэровокзале Вовка вспомнил про прошлогодних пацанов, от которых он так ловко сбежал тогда. Но, пробыв в аэропорту около четырёх часов до посадки в самолёт, на котором они должны улететь с братом в Барнаул, он их нигде не заметил, да он и не сильно-то жаждал встречи с теми незнакомцами, да и вряд ли они узнали бы друг друга при встрече.

Целый год прошёл, а вот вспомнилось!

Глава 7. *Деревня моя, деревенька ...*

– 1967 (ИЮНЬ–ИЮЛЬ) –

Деревня моя, деревенька...

Автобус, слегка подпрыгивая на ухабах и поскрипывая всем своим стальным телом, трясся по гравийной дороге, оставляя за собой плотный шлейф дорожной пыли. Тёплый июньский ветерок, проникающий через открытые окна, гулял по салону, перемешивая запах полевых цветов и разнотравья с лёгким запахом бензина, идущего от мотора. Некоторые пассажиры дремали. Вовка высунул белокурую голову в окно, подставляя своё улыбающееся лицо ласковому солнцу и ветру, треплющему его волосы. Вдаль, до самого лазурного горизонта, по холмам и взгоркам простирались поля с молодой пшеницей, колышущейся, как море, волнами изумительного изумрудного цвета, а тёмно-зелёные берёзовые рощи и околки, разбросанные по всему этому, казалось, бескрайнему «морю», выглядели величаво. И только в рощицах, стоящих рядом с дорогой, можно было увидеть не только густоту листвы, но и стройные стволы сибирских девушек-берёз, приветствующих тонкими ветками проезжающих.

Вот-вот где-то за одним из холмов появятся вдалеке крыши деревенских домов. Чувство радости и ещё чего-то большего переполняли Вовку, и он уже притопывал ногой, будто бы этим мог приблизить свой приезд.

На трассе их встречал дед, стоящий около телеги и куривший свою вечную «козью ножку». Вовка увидел его издалека и больше сидеть уже не смог и, взяв чемодан, пошёл к двери. За ним с чемоданом подарков двинулся и Славка.

Даже три километра тряски на телеге не смогло испортить радостного настроения и ощущения праздника у Вовки.

Он с удовольствием лежал на сене, уложенном толстым слоем в телеге, пахнущем свежестью скошенной травы, с закрытыми глазами он слушал особенные звуки поля: стрекотание кузнечиков, соревнующихся между собой в своём искусстве, жужжание пчёл, редкое чириканье воробьёв и негромкие приятные щебетания ласточек, иногда пролетающих мимо с быстротой самолёта. Всё это, сопровождаемое тихим и размеренным поскрипыванием телеги, в сочетании с ароматными и душистыми запахами полевых цветов и ласкового солнечного тепла, убаюкивало.

«Деревня! Конечно, в Норильске такого не узнать и не услышать! Там другие шумы и звуки, одно слово – город! И в тундре всё по-другому! Не плохо, но по-другому!» Чей-то голос вернул Вовку в реальность:

— Чё, Лексеич, дождался своих внуков-то?

— Дождался!

— Чё, вода-то там не спа́ла ещё?

— Да пока нет. Потихоньку уходит, от огорода уже отступила. Недельки полторы-две – и вся сойдёт.

— Это хорошо. Будет потом где щурагайку половить!

— Да, нам с тобой только и ловить её! Отловились!

— Хе-хе! Это так, Лексеич! И не токмо щурагаек мы отловились... Аганя-то как? Не хворает?

— Не, не хворает! Бегает. Сейчас, наверное, от окна не отходит. Ждёт?

— Знамо дело – ждёт! Свои же ребятки!

Вовка сел. Рядом с телегой ковылял незнакомый дедок, опираясь на палку.

— Здрасте! – поздоровались братья.

— Здрасте, здрасте, милки! Ишь, как выросли-то! Зинины?

— Её, с Геннадием.

— То-то, смотрю, на обоих похожи! А малой так тот больше на Геннадия смахивает! Ишь, вихрастый какой!

Вовка посмотрел по сторонам – улица была пуста: возле домов и во дворах никого, кроме кур, что-то клюющих на зем-

ле, да нескольких телят, дремлющих в тени заборов. «Ясное дело – все пацаны сейчас на речке, в затоне купаются».

— Дед, а что, река разлилась, что ли, сильно?

— Так такое половодье нынче сильное было, что вода почти в огород зашла, и луга за рекой все затопило.

— Это что, и затона нет?

— И его нет, под водой всё, одни деревья из воды торчат.

— А где тогда купаться? – Так с огорода прямо и в воду. Только мутная она пока ещё, грязи да илу поднял паводок. Так что купаться нынче будете не раньше, чем недельки через две-три.

— Дед, а как там петух?

— Кукарекает! Чего ему сделается? И Зорька на месте.

Возле дома, у калитки, их уже встречала баба Аганя, утирая слёзы краешком платка.

Через несколько дней, в жаркий июньский денёк, в гости заехал отцов старший брат, крупный и рослый дядька. «Бобик», из которого он вылез не без труда, казался маленьким для него. Заключив Вовку и Славку в свои объятия, он похлопал их по спине:

— Богатыри! Богатыри! Ишь, как вымахали за год! Так и меня скоро догоните! Тетя Аганя, а кваску холодненького у тебя не найдётся? Жара стоит!..

— А может, окрошки поешь, Николай Леонтьевич? Мы как раз обедать собирались.

— Не откажусь, не откажусь! Если быстро, а то мне ещё в два колхоза надо проехать.

— Да я быстренько сейчас соберу, а вы пока кваску попейте.

— Ну, спасибо! Добрая окрошка у тебя, тетя Аганя! Можно теперь и с голодным поравняться, – довольно улыбаясь, произнёс дядя, вставая из-за стола. – А вы, племяши, что приуныли-то? А может, кто из вас в гости ко мне желает поехать? Так собирайтесь!

Вовка в гости захотел сразу. Уж что-что, а в гости ходить он любил. Славка отказался по причине своего домоседства, а Вовка быстро побежал собирать свои вещи:

— Я сейчас, дядь Коля, я быстро – рубаху и шаровары свои возьму только, а то всё равно ни порыбачить, ни покупаться пока.

— Давай-давай, а я ещё кружечку кваску выпью пока. Уж больно хороший у тебя квасок, теть Аганя!

— Да пей с удовольствием, Николай Леонтьевич! А то могу и с собой налить в дорогу бутылку!

— А налей!

Через некоторое время Вовка уже сидел в машине, расположившись на заднем сиденье. Шофёра, а его тоже звали, как и дядю, он знал с прошлого года, поэтому знакомиться им не пришлось.

— Дядь Коля, а мы долго будем по колхозам ездить? – спросил Вовка.

— Ну, обычно часов до семи вечера точно! Твой дядька серьёзно к этим поездкам относится, иногда наметит в два хозяйства заехать, а побываем в трёх, а то и в четырёх. Так что, Вовка, готовься к долгой поездке.

Что такое «долгая поездка», когда у тебя – каникулы и уйма свободного времени, да ещё когда тебя повезут на машине по разным деревням! Это же настоящее путешествие! Вовка знал, что дядя работает председателем райисполкома и слышал из разговоров взрослых, что его сильно уважают люди в родной деревне за правоту и справедливость. Про справедливость и правоту Вовка уже знал – в школе изучали, поэтому он тоже с уважением смотрел на своего дядю.

— Ну, Коля, трогай по плану, а мы тут пока с племяшом побеседуем! – сказал дядя и повернулся к Вовке, при этом сиденье жалобно заскрипело под ним, но, может быть, Вовке это только показалось. Мотор заурчал, и «бобик», поднимая дорожную пыль и разгоняя кур, бойко повёз их по деревенским улицам.

— Ну, Вовка, рассказывай, как там отец с матерью, как у тебя дела? Как учеба?

Дядя умел слушать, а Вовка умел рассказывать, когда его внимательно слушали. До следующего колхоза они ехали минут сорок, и Вовка всю дорогу рассказывал, как его принимали в пионеры, как они собирали металлолом, какая у них большая новая школа и какой красивый город Норильск и какие там лютые морозы с ветром.

— Металлолом собирали – это хорошо! Видишь, племяш, насколько земли у нас в районе много, а её нужно обрабатывать, пахать и засевать, а вот тракторов и комбайнов не хватает! Ну, а раз вы такое дело провернули, значит, скоро и техника в колхозы пойдёт!

— Папка так же говорил! А ещё там у нас, в Норильске, полярная ночь зимой почти два месяца, и солнца нет вообще, но в городе такое хорошее освещение на улицах, что светло как днём! А вот в деревне у бабы Агани и во всех подгорских домах нет электричества! И вечерами мы зажигаем керосинку. Дядя Коля, а что, у них никогда так света и не будет? – Вовка неожиданно закончил свой рассказ вопросом.

Дядя хмыкнул, поворачиваясь к нему, походу слегка хлопнул рукой шофёра по плечу, и рассмеялся:

— Ха-ха! Вот орёл! Коля, ты смотри-ка, как он плавно всё подвёл к нашей сегодняшней проблеме? Да, электричества пока нет!.. И не только у тети Агани под горой, но ещё и в нескольких деревнях за рекой. Но нынче, в августе-сентябре, у них уже будет свет! Так что, Вовка, как видишь, мы над этим работаем! Веришь? – Дядя внимательно, чуть улыбаясь, смотрел на него.

— Верю! – серьёзно ответил Вовка. – Папка у меня, когда что-то пообещает, то обязательно сделает!

— Ну, вот! А мы с ним родные братья! А значит, слова на ветер не бросаем.

В каждой из трёх деревень, в которых они побывали, дядя встречался с председателями колхозов, и потом они ехали осматривать поля или заезжали на фермы, где он подолгу бе-

седовал о чём-то с колхозниками. Вначале Вовка стоял рядом и прислушивался к их разговорам, но потом ему это надоело, и он ходил вокруг машины или заглядывал в окна коровников, а на одном полевом стане его угостили вкусным чаем.

Поздним вечером машина, исколесив, как показалось Вовке, половину района, наконец-то привезла их в райцентр и остановилась возле дядиного дома. Райцентр находился всего в двадцати километрах от Вовкиной деревни, но они, видимо, отмахали не менее двухсот.

— Ну, Коля, ты совсем парня замотал, – с укором сказала дядина жена, встречая их. – Давайте быстренько умывайтесь, примите душ и за стол, мы с Танечкой давно уже всё накрыли и ждём вас, ждём! Мог бы с племянником и пораньше сегодня приехать, уморил его совсем.

Из-за тети выглядывала их дочь, подмигивая и улыбаясь Вовке.

— Что, племяш, устал в поездке? – уточнил дядя.

— Да нет! Мне даже интересно было покататься.

— Ну вот, Аня, видишь, интересно ему было, и не устал он вовсе. В его-то годы уставать! Ладно, ладно, идём уже пыль дорожную смывать. Мы быстро. Айда, Вовка, в душ.

— Полотенца там висят.

Всё началось с музыки

Всё началось с музыки.

Вернее сказать, что всё началось со следующего дня после Вовкиного приезда.

Вечером, после душа и вкусного плотного ужина, он с удовольствием лёг в прохладу накрахмаленной белоснежной постели и быстро заснул. Многочасовая поездка с дядей по полям района в «бобике», трясущемся и подпрыгивающем на кочках и ухабах полевых дорог, его умотала, но разве мог он сознаться в этом тёте, а уж тем более младшей сестрёнке. Нет, конечно!

Утром его разбудил вкусный запах блинов, просачивавшийся через неплотно закрытую дверь. Через неё же он услышал голоса, видимо, тети и сестрёнки Тани:

— Мам, чё он так долго спит? Уже скоро обедать будем, а он всё спит.

— Да отец его вчера накатал на машине, так что пускай отдохнёт, он же на каникулах.

— Я тоже на каникулах, но я уже давно встала. Там уже девочки вышли на улицу, а я его хотела с ними познакомить и поиграть вместе.

— Так ты иди пока и поиграй, а он потом выйдет. Я его ещё блинами буду кормить.

— Пойду, гляну, может, уже проснулся.

Дверь в комнату чуть приоткрылась, и в проёме появилась Танина голова:

— Ой, проснулся! А чего лежишь и не встаёшь? Я тебя уже полдня жду, засоня!

— Привет!

— Привет, привет! Вставай давай, там мамка блины тебе печёт и варенье с молоком уже на столе. И мёд налит. Я уже поела и тебя только жду, чтобы на улицу идти. А он тут спит себе и спит! Ты что к нам спать приехал? Так и каникулы все проспишь!

— Встаю уже, встаю. Сколько время-то?

— Да уже обед скоро, а он тут дрыхнет!

Сестрёнка была младше его на два года, но говорила с ним «по-хозяйски» важно, быстро и много:

— Там на улице девочки уже все собрались. Я хочу тебя с ними познакомить, а потом будем все вместе играть. У нас на улице девочек много, а мальчишек почти нет. Давай быстренько вставай, умывайся, ешь свои блины и выходи на улицу, а мы в палисаднике будем играть, там прохладней под деревьями.

Играть с девчонками в игры ему не хотелось.

— Да подожди ты, Танюша. Дай мне немного осмотреться.

— Чего тут осматриваться, кушай и выходи!

Вовка осмотрел комнату. У одной стены стоял книжный шкаф, у другой, на тумбочке, расположенной между двух окон, красовалась радиола «Латвия», а возле неё лежала стопка грампластинок.

— Да и в ваши девчачьи бирюльки что-то мне не сильно-то играть охота. Вон сколько у вас книг интересных. Так что я лучше почитаю да пластинки покручу. А ты иди, играй. Я за тобой из окна посмотрю.

— И нечего за мной смотреть, – обиделась сестрёнка. – Подумаешь, какой! Мы и без тебя поиграем. Сиди тут один, как медведь северный, – сказала она и вышла из комнаты.

«Ну вот, обиделась, наверное. Ладно, позавтракаю, а там уж после разберёмся, что к чему!»

Во дворе глухо стукнула калитка, и вскоре через открытое окно до него донёсся звонкий голос Тани: «Брат не хочет с нами играть! Он книжки будет читать и музыку крутить! Неинтересно ему, говорит, с нами! Вот! А, ну его, пусть в доме сидит, как бука!»

После завтрака для начала он решил послушать музыку и, выбрав пластинку с песней «Джамайка» в исполнении итальянского мальчика Робертино Лоретти, включил на полную громкость радиолу, открыв оба окна, чтобы звонкий и красивый голос слышали на всей улице. Эта популярная песня ему очень нравилась, и казалось, что она звучала внутри него. В школе он пел в хоре, а дома, когда был один, несколько раз пробовал спеть эту песню, но голоса не хватило...

Заведя пластинку в очередной раз, он подошёл к окну.

В палисаднике группа из нескольких девчонок от восьми до двенадцати лет играли в «больницу».

Его внимание привлекла худенькая темноволосая девочка с короткой стрижкой, симпатичным личиком, в светлом платье в горошек и сумочкой с красным крестом, перекинутой через плечо. Внутри него что-то произошло – детское сердце волнительно застучало, показалось, что он её уже где-то видел, но не помнил, где; знал когда-то, но забыл имя. Сам не зная,

почему, он позвал сестрёнку, не сводя глаз с этой девочки в образе санитарки:

— Тань, зайди на минуту!

Через некоторое время она уже вбежала в комнату:

— Чё, поиграть с нами надумал? А я тебя сразу звала. А ты – почитать, почитать!

— Скажи, а как зовут вон ту девчонку? С санитарной сумкой. Познакомь меня с ней.

— Её Ниной зовут. А что? Понравилась, да?

— Скажешь тоже!

— Понравилась-понравилась! Я же вижу! Пошли, я тебя со всеми познакомлю, и с Ниной тоже. Я же тебя сразу звала, а ты всё отпирался. Пойдём-пойдём, я тебя познакомлю! Нина – подружка моя, она знаешь какая хорошая! Мы с ней давно уже дружим. Её мама на молочном заводе работает, а там, знаешь, такое вкусное-превкусное мороженое делают! В таких бумажных стаканчиках! Мы с девчонками каждый день туда бегаем, мороженого поесть. Вкуснотища-а! А папа у неё – столяр, он нам стол чинил, когда ножка сломалась, и стулья тоже, – быстро и без умолка говорила Таня, вцепившись в его руку, и тянула за собой, как будто он упирался. – Идём, она знаешь какая! А я про тебя уже всем рассказала. Что ты на Севере живёшь, там, где белые медведи ходят! А ты их не боишься? Нет?! А я бы очень боялась! И ещё я девочкам сказала, что ты смелый и учишься хорошо! Я ведь правду сказала, да?

— Ну ты и трещотка, Танюшка!

Он уже и сам, без её уговоров, хотел поскорее выйти в палисадник и познакомиться с той девочкой.

На улице Таня быстро представила его своим подружкам.

«Хорошо хоть меня сейчас пацаны норильские не видят, а то сразу бы «девчачьим пастухом» прозвали».

Девчонки смело знакомились с ним, и лишь Нина назвалась последней.

Потом, включившись в их игру, он помогал им собирать листья для «компрессов» и заживления «ран». И даже сам недолго был «раненым».

Нина перевязывала его руку бинтом, а он смотрел на неё и думал: «Надо же, какая она хорошая, и пальчики у неё... лёгкие, даже перевязки не ощущаю!»

Выбрав момент, когда другие девчонки не могли его слышать, он прошептал ей: «Давай с тобой будем дружить!»

Произнёс шёпотом, а ему показалось, что он прокричал эти слова так громко, что вся улица услышала. А девочка Нина взглянула на него, в её глазах блеснули искорки, и тоже ответила ему шёпотом: «Давай!»

Он хотел погостить у дяди дня два, а задержался на целую неделю.

Девочка Нина вскружила ему голову, и несмотря на то, что им обоим было всего по десять лет, его детское сердце волнительно билось при каждой встрече с ней.

Вскоре к ним подсоединились ещё трое пацанов, и днями они всей дружной компанией ходили купаться на озеро, потом играли в переулке в игры: «из круга вышибала», «монах в красных штанах», «штандер» или «казаки-разбойники», а ближе к вечеру шли в кинотеатр на детские сеансы.

Вовка каждый раз старался держаться рядом с Ниной, чтобы коснуться её руки и уже не стеснялся показывать то, что она ему нравится...

Он бы, конечно, готов был остаться в гостях у дяди и на всё лето, но через неделю приехал старший брат и забрал Вовку в деревню:

— Загостился ты что-то долго, а там покосы скоро начнутся.

— Так и ты бы, Слава, погостил тоже немного, – вступилась за Вовку тётя.

— Да там родственники приехали, и ещё деду с бабой помогать надо. В другой раз как-нибудь!

— А кто приехал?

— Да тётка с Норильска, с Танькой и Вовкой. Они на море отдыхали, а теперь вот в деревне будут.

— Ух ты! И Вовка приехал? Здорово! А вода сошла?

— Сошла, но по колено ещё местами. Пацаны горские и подгорские каждый день рыбачат, и мы с Петькой да Серёгой бредешком чебака и щучку ловим. Так что собирай свои манатки и на автобус!

Вовкин отъезд не остался незамеченным: сестрёнка обежала всех, и его новые друзья почти в полном составе пришли на автовокзал. Прощание было недолгим.

Вовка стоял в автобусе, уткнувшись в заднее стекло, смотрел на друзей и махал им рукой. Больше всего, конечно, это было для девочки в светлом платье в горошек, которой он успел сказать, что ещё обязательно приедет.

Пески

Вода ещё несколько дней уходила в русло Оби, оставляя после себя на «толке» вывернутые с корнем деревья, разный мусор и много больших, но неглубоких луж-озёрец, в которых было полно мальков и щурагаек. Утрами Вовка вставал раньше сестры и братьев, бежал с ведром и самодельным марлевым сачком ловить рыбу для завтрака, благо «рыбное место» было прямо за огородом.

Освобождённая от воды земля, благодаря палящему дневному солнцу с горячим ветерком и тёплым ночам, просыхала быстро, и утрами над подгороской частью деревни и рекой разливался лёгкий от испарений белесый туман, из него выглядывали деревья и крыши деревенских изб, издалека похожие на перевернутые лодки. Вовке нравилось, пробежав от дома по пологой тропинке до конца длинного огорода, входить в эту слегка влажную и невесомую колеблющуюся дымку, поверхность которой переливалась бледными цветами радуги, и стоять, наблюдая, как она растворяется под лучами восходящего солнца, прижимаясь всё ниже и ниже к земле.

А потом вдалеке под «лодками» начинали появляться вначале расплывчатые, но постепенно приобретающие чёткие очертания, дощатые и бревенчатые стены домов, амбаров и изгороди. Всего несколько минут – и утреннее марево, расслаиваясь вначале на крупные острова, растягивалось и разделялось на несколько меньших, а вскоре и совсем исчезало, оставляя после себя едва заметную взвесь, вибрирующую у поверхности земли. И он, по мере исчезновения тумана, приседал вместе с ним и наблюдал, как открывались полянки с нежной зеленью травы и зеркальные глади луж-озёрец.

Вовка на этой утренней рыбалке был не один: поодаль от него из белесой дымки появились фигуры нескольких деревенских пацанов. Они поприветствовали друг друга, помахав рукой.

Рыба в «лужах» поле паводка с каждым днём исчезала всё быстрее и быстрее, без притока свежей воды она становилась квёлой и начинала дохнуть, а потому была лёгкой добычей для кошек и птиц. В этот раз, с трудом наловив полведра более-менее ещё живой рыбы, Вовка, мокрый по колено, пошёл к пацанам посмотреть на их улов.

— Привет, «сачки»! – шутя поздоровался Вовка.

— Привет, «сачок»! – шутя получил в ответ.

— Не, это уже не рыбалка! Скукотища.

— Вот на песках бы с бреднем полазить! – по-взрослому говорили пацаны. – Они уже почти освободились от воды. Сейчас там такие заливчики! Рыбы кишит уйма. Дед Путинчик уже сплавал не один раз на своей долблёнке. Вчера видел, почти мешок наловил. И стерлядку, и кастрюка!

Летом излюбленным местом для вечерней и ночной рыбалки взрослых и дневного отдыха деревенских пацанов был большой песчаный остров, густо заросший тальником и дикой облепихой, с небольшим озером и несколькими неглубокими и тихими заводями-затонами, удобными для ловли рыбы бреднем и на удочки. Ещё после паводка на острове оставалось много зайцев, а иногда и лис.

— Да скоро уже! Вода уже почти спала, не сегодня-завтра лодки с отцами начнём спускать. А там и на пески. Накупаемся и порыбачим, во-о!

— Здорово! У деда тоже лодка уже готова, только она большая очень.

— Так дед Вася на ней бригады переправлять будет за реку, а наши поменьше, так что на наших лодках будем на пески плавать, пока покосы не начались.

— И на зайцев поохотимся.

— Силками?

— Да можно и с ружьишком. Я у отца возьму.

— Не, с ружьём не надо. Силками интереснее или капканами. Расставим их, а сами по острову будем бегать и загонять зайцев в ловушки. А?

— Точно, а можно ещё и бредешки или сети поставить. Поневодим, потом расставим сушить, глядишь, ещё и зайца или лису поймаем!

Деревенские пацаны нравились Вовке своей взрослостью и самостоятельностью. Они лихо скакали на лошадях, здорово плавали и ныряли, знали, на что и когда рыбачить, в этом он убедился ещё прошлым летом, а ещё хорошее в них было то, что они не задавались и не сильно-то выпячивали своё умение, как-то просто с ними и было чему поучиться. А ещё они умели слушать, и эта их черта ему тоже очень нравилась потому, что он умел и любил рассказывать.

Помечтав с ними про то, чем они будут заниматься на песках, Вовка со своим уловом отправился домой, какая-никакая, а рыба на завтрак им была добыта.

Через несколько дней, успокаивающаяся после паводка, река начала принимать свой привычный облик, становясь заметно чище и приветливей. Прогудроненные лодки, заждавшиеся спуска на воду, занимали свои постоянные места вдоль берега, важно покачиваясь на волнах. На реке оживало движение пароходов и барж, перевозивших песок, лес и щебень, но больше всего ожил затон, где деревенская ребятня,

выполнив свои работы по домашнему хозяйству, барахталась, ныряла, плескалась и нежилась после купания на песке под жарким июльским солнцем.

А два раза в день, около полудня и вечером, они бежали к берегу любоваться, как грациозно и быстро скользит по воде большой красивый белый теплоход на подводных крыльях под звучным названием «Ракета». В эти минуты они с восхищением и завистью к пассажирам «Ракеты», махая руками в знак приветствия, наблюдали за её стремительным приближением и таким же быстрым исчезновением за горизонтом.

Парни постарше с разбегу прыгали в приближающиеся вспененные волны, оставляемые, как подарок, подводными крыльями теплохода.

В один из таких дней Вовкин двоюродный брат, который был на полгода его младше и которого тоже звали Вовкой, с гордым видом пронёсся вдоль берега на железной моторке с двадцатисильным мотором «Вихрь», разрезая острыми рёбрами днища лодки волны, оставленные проскочившей «Ракетой». Лёгкая лодка с задранным вверх носом подпрыгивала на высоких волнах, оставляя за собой пенный след. Сделав пару крутых разворотов, она от середины реки направилась прямо к тому месту, где стояли восхищённые мальчишки и девчонки, с шиком причалила к берегу, и Вовка, выскочив из лодки, быстро привязал её к торчащему пеньку:

— Привет!

— Привет! Привет! Привет! – Все пацаны, как взрослые, жали деревенскому Вовке руку или хлопали по спине и плечам.

— Привет, брат!

— Привет! – Вовка пожал Вовкину руку.

Ребятня вернулись в затон, а два Вовки сели на берегу:

— Лихо ты пронёсся по волнам! Я бы так не смог! А у тебя здорово получилось! А ты не боялся так по волнам плыть?

— А чего бояться-то? Я, знаешь, сам на лодке плаваю и сети ставлю. Небольшие. С отцом и дедом мы большие сети ставим, а сам я – маленькие. Дед Архип мне их вязал.

— А дядя Ваня, он не будет ругать тебя за то, что ты лодку взял?

— Кто? Отец!? Да он мне ничего не запрещает!

— Ну, так уж и ничего!

— Точно тебе говорю. А хочешь, сейчас рванём на пески?

— Вдвоём, что ли?

— А ты чё, боишься?

— Да нет!

— Ну, тогда погнали! Сети, бредень и удочки у меня в лодке есть.

Вовки уже начали садиться в лодку, как к ним подошёл старший брат Славка.

— Вы чего это тут удумали, орёлики?

— Да ничего. На пески поплывём, сети ставить и бреднем рыбу ловить. А что?

— А вот и ничего! Без нас, одни, не поплывёте, поняли! – Славка взялся за цепь лодки, повернулся к затону и крикнул своим друзьям: – Пацаны, айда сюда!

Подошли трое Славкиных четырнадцатилетних деревенских друга.

— Вот, они тут на пески собрались. Одних их отпускать нельзя, а может, с ними сплаваем, порыбачим!

— А чё, можно. А у тебя снасти-то есть? – спросил один из подошедших у Вовки, хозяина лодки.

— У меня всё есть.

— Ну, чё, тогда поплыли! Заодно и остров обследуем, поглядим, что там после разлива стало.

Вовки такой против компании не возражали.

Взревел мотор, и лёгкая металлическая лодка, называемая «казанкой», сделав лихой разворот, взяла курс к острову, о посещении которого деревенская ребятня сильно мечтала. А тут сам бог велел: лодка подвернулась кстати, и паводок закончился, и вода в реке сошла, и остров, густо заросший тальником и облепихой, приподнялся из воды, раскинул вдоль реки свои просторные песчаные берега, быстро просыхающие под палящим июльским солнцем, манил к себе.

То, что в его внутренних водоёмах плескалось много рыбы, мальчишки знали, и ещё там должны быть ондатры, а в густом тальнике прятались лисы и зайцы, которых можно будет попробовать выловить силками или сетями. А между делом – покупаться и позагорать.

Казанка проворно двигалась, слегка подпрыгивая и разрезая килем небольшие волны, которые недовольно вспенивались и осыпали ребят в отместку мелкими брызгами. Но для них это были только приятные ощущения, и не могло это испортить приподнятого настроения от предстоящего путешествия и, возможно, охоты на огромном острове.

Брат с друзьями о чём-то громко переговаривались друг с другом, стараясь перекричать рёв мотора. Вовка, сидевший в носу лодки и крепко державшийся за её железные борта, не мог разобрать их слова, да ему это было и не так интересно потому, что он увлечённо смотрел вперёд, на быстро приближающийся пологий песчаный берег, и мысленно рисовал себе картины возможных приключений на этом ещё незнакомом ему острове.

Лодка легко зашла в полкорпуса на берег, мотор взревел на холостых оборотах и заглох, его звук эхом растёкся по воде.

Вовка выскочил на берег и от неожиданности закричал, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой: горячий песок, нагретый полуденным июльским солнцем, сразу же дал о себе знать.

— Это тебе не на Севере! – засмеялся деревенский Вовка, с деловым видом выходя из лодки. Он спокойно прошёл по песку к ближайшей коряге и обмотал вокруг неё несколько раз лодочную цепь. – Ничего, за лето привыкнешь. Подошвы как дубовые будут. В Норильске своём по снегу босиком сможешь ходить.

Сказал просто, но как взрослый, уверенно. И Вовка ему поверил и даже на минуту представил себе, как он зимой снимает на улице валенки и носки и идёт себе спокойно по колючему снегу босиком под изумлёнными взглядами друзей. «Здорово!» Но сейчас он всё же обул сандалии. И вообще, этот

Вовка, хоть и младше его на полгода, но был какой-то весь надёжный и деловой, как Филиппок, про которого в школе читали.

Вовка бывал несколько раз у брата в гостях и видел, как тот лихо управлялся по хозяйству, чинил сети и знал, на что какую рыбу нужно ловить и когда. Вовка тоже один раз попробовал ему помочь, дырки в неводе залатать, но так и не понял, как эти узелки завязываются, напутал только больше. Братишка тогда ему с серьёзным видом высказал:

— Ни черта ты, Вовка, не умеешь. Смотри, каких охалин навязал.

Что такое «охалины», Вовка уточнять не стал, узлы, конечно, не очень красивые получились, но...

— Подумаешь! Нас в школе этому не учили, а на рыбалку мы в Норильске не ходим, и сети не вяжем, понял! А рыбу в магазине покупаем. Когда надо!

— У вас она, поди, замороженная вся.

— Да нет. Есть и живая. Она в таких больших ваннах плавает, а продавщицы их сачком вылавливают и продают.

— Сачк-о-м! Это разве рыбалка? Вот когда сетью или бреднем выловишь, это рыбалка! Вот паводок пройдёт, тогда и порыбачим!

Пока Вовка, задумавшись, вспоминал о былом, пацаны, вооружённые сетями, отошли метров на «дцать» от лодки:

— Вовка, удочки и канистру с водой прихвати! – Славкин голос донёсся с «подковырочкой».

Канистра была литров на пять, но, выгнутая от времени и долгого пользования, вмещала в себя чуть меньше ведра.

— А нафига нам столько воды на реке, – здраво рассудил Вовка, взял удочки и фланирующей походкой пошёл вслед удаляющимся рыбакам. Проходя мимо густых, но низкорослых зарослей, Вовка подумал, что нет никакого смысла просто идти за друзьями, тем более что удочки им сейчас не очень-то

понадобятся: «Пока они там сети поставят, потом с неводом побродят... Времени куча! Пускай они своими делами занимаются, а я прошвырнусь тут, по этим зарослям! Интересно же узнать, что там и как!»

За густыми тонкими ветками кустарников просматривались песчаные полянки и мелкие овражки. Вовка, встав на колени, прополз под этими преградами и очутился на небольшой поляне, окружённой молодыми деревцами облепихи, боярышника и тальника. Лёгкий летний ветерок с лучами солнца бегали по их стволам и веткам, с поникшими от жары листьями, как бы поглаживая их в знак уважения, за решимость вырасти на этой песчаной почве под солнцепёком. Шорох листьев сливался со стрекотанием кузнечиков, жужжанием пчёл и оводов в единый монотонный звук, а теплый воздух был виден и слегка вибрировал под эту музыку лета. В тени густого переплетения веток, благодаря близости реки, было чуть прохладнее.

Вовкины продвижения вперёд приносили небольшие открытия: оказалось, что дальше, в глубине зарослей, деревца были толще и выше и стояли чуть реже, а в небольших низинах кое-где блестели неглубокие лужи, вода в которых излучала изумрудную чистоту и искрилась, играя в лучах солнца. Сандалии спасали Вовкины ноги от горячего песка, а тёплый ветерок приятно поглаживал по рукам и телу, забираясь под рубашку.

Прекрасное чувство спокойствия и свободы переполняло. Вовка вообще любил свободу.

А тут!

Свободы было полно! Братья с друзьями были где-то там, метрах в ста или чуть больше, потеряться и заблудиться здесь было негде: остров – он и есть остров, река кругом! Ходи себе, гуляй. Всё было хорошо, одно мешало – удочки. Пару раз крючки выскакивали из удилища и висели, угрожая воткнуться в руку или ногу. Закрепил. «И чё это они, эти рыбаки, ничего другого, путного, не придумают с этими крючками! Надо будет какие-нибудь чехольчики на свои удочки потом сделать».

Стараясь поменьше задевать ветки, особенно сильно колючей облепихи, Вовка с удочками наперевес вышел на небольшую полянку и столкнулся с большим серым зайцем. От неожиданности они оба остановились, а заяц, видимо от страха, встал на задние лапы, как бы пятясь, упёрся в ствол дерева и остановился, подняв передние лапы вверх. Его от ужаса широко открытые глаза и поза сдающегося в плен могли бы вызвать смех, но Вовка тоже не ожидал такой встречи, а потому стоял и заворожено смотрел в глаза зайца. Возможно, это обоюдное оцепенение длилось секунды, но показалось, что прошло несколько минут, время как бы остановилось, замедлилось.

Ужас в глазах зайца стал постепенно принимать выражение обречённости, а потом затуманился, видимо, от осознания полной безнадёжности своего существования.

Вовка очнулся первым, махнул удилищами по веткам и от внезапно появившейся сухости в горле прохрипел:

— Бры-ы-с-сь! Бры-ы-с-сь отсюда!

Заяц упал на бок, резко задёргал задними лапами, скользя по песку, потом он сумел всё-таки оттолкнуться и мгновенно скрылся в зарослях, оставив после себя облако песчаной пыли.

— Фу-у ты, блин! Напугал, зараза! – Вовка непроизвольно оглянулся, чтобы удостовериться, что этого никто не видел, и расхохотался. «Надо же, зайца испугался! Не, ну это просто от неожиданности! А так-то, чего его бояться-то!» Захотелось пить. Но из луж, несмотря на их чистоту и прозрачность, пить особого желания не было. «Мало ли что может быть в этой воде, надо идти к лодке. Там канистра с водой. Да и пацаны, наверное, тоже захотят пить», – подумал он и отправился в обратный путь. «Блин, здесь кроме зайцев и лис ещё, наверное, и волки могут быть!» Вовка прибавил шагу, прислушиваясь и оглядываясь, на всякий случай.

Лодка была на месте и слегка покачивалась от небольших волн, ударяющихся о корму. Бросив в лодку надоевшие удочки, Вовка взял канистру с водой. В носу лодки из-под брезента торчала ручка топорика. Он прихватил и его: «А вдруг там

костёр придётся разводить, а дров нечем будет нарубить!» С топориком в руках было намного спокойнее.

Поднявшись на бугорок, за которым некоторое время назад скрылись друзья, Вовка увидел длинный неширокий затон, отделённый от реки узкой песчаной косой. Вдалеке, там, где затон соединялся с рекой, пацаны уже заканчивали ставить сеть, почти полностью перекрывающую устье.

— Ты чего-то долго. Дай-ка канистру с водой. Пить охота.

— На. Да так, возле лодки посидел немного, на деревню посмотрел, дома маленькие, как на картинках.

— А удочки где?

— А чего ими делать-то? Вы сети поставили, рыба сейчас сама наловится, а мы пока покупаемся.

— Рыбак, блин! Покупаемся... А топор зачем приволок? – спросил старший брат.

— Дрова для костра рубить.

— А что, Вовка прав. Будем купаться, а заодно и рыбу пуганём. Она в сети и поплывёт. Мы же их там для этого и ставили, – заступился за брата деревенский Вовка. – Айда купаться. А потом рыбу из сети вытащим, костёр разведём и будем её запекать.

Такой вкусной запечённой рыбы Вовка отродясь не ел. Её готовили деревенские пацаны. Они ловко соорудили костёр, выкопали руками небольшое углубление в песке, уложили в неё часть пойманной рыбы, присыпали песком и перенесли на него угли прогорающего костра. Через несколько минут рыба была готова.

Отдых удался на славу, удочки и вправду не понадобились.

Потом они рассказывали разные интересные истории из своей деревенской жизни. Вовка тоже поделился норильскими случаями, а про сегодняшнюю встречу с зайцем он не стал говорить.

«Оно им это надо?» – подумал он.

Конец первой книги

Коротко об авторе

Гуляев Владимир Георгиевич родился в 1957 году в селе Шелаболиха Алтайского края. С 1963 по 1977 жил в г. Норильске. Окончил норильский НВИИ СТФ. Техник-строитель.

С 1977 г. проживает в г. Барнауле. Окончил Алтайский политехнический институт. Инженер-строитель.

Работал в проектном институте «Алтайгипроводхоз» заместителем председателя Павловского райпо по строительству, главным архитектором Шелаболихинского района, директором Барнаульского рекламного комбината «Роскооптторгреклама», начальником Индустриального отдела АКГУП «АЦЗКН».

В настоящее время – директор ООО «АлтайТехЭнергоСтрой».

Дипломант:

— Международной литературной премии им. В. В. Бианки, 2017 г.

— Всероссийского заочного конкурса 2018 г. «Люблю тебя, моя Россия!» XXVI Всероссийского фестиваля авторской песни «ГРИНЛАНДИЯ».

— V городского поэтического фестиваля «Пушкинские строки» 2018 г. Алтайский край, г. Бийск.

— II литературного конкурса «УРАЛЬСКИЙ КНИГОХОД» 2018 г.

— Алтайского краевого литературного конкурса «Золотое перо Алтая – 2018 г.» в номинации «Проза».

— Алтайского краевого фестиваля деревенского юмора «Провинциальные чудики», посвящённого 90-летию В. М. Шукшина, 2019 г.

Содержание

От автора 3

Глава 1. Детство. Сибирь 6
1957 год 6
1961 год 9
1962 год 14
Поездка в Ленинград 14
Белый пароход 19
Розыскники 22
Летнее купание 24
Ружьё 26
1963 31
Прощай, деревня 31

Глава 2. Север. Встреча с Норильском 34
Ноябрь 1963 39
Знакомство с Севером 39
Новая квартира – своя! 42
Лето. 1964 год 45
Плен 46
В первый класс 48

Глава 3. Норильск. Школьные истории 58
1965 год 58
Температура 58
Каникулы. Дело в шапке 61
День рождения 64
Тундра. Самоволка 67
Велосипед 71
Второй класс. Сменная обувь .. 73
«Циклоп» 76
1966 год 80
«Шпана» 80
Кладоискатели и исследователи 83

Глава 4. Норильск – Алтай 89
1966 год 89
Первый отпуск. На Родину 89
Осы 95
Покосы 100
Удар копытом 105
Бич 109

Глава 5. Норильск. 1966 год 113
Красноярск. Аэропорт 113
Норильск. Сбор металлолома . 115
Шайбу-шайбу 119
Пистолет 123

Глава 6. Норильск. Пять рублей глупости или 125
1967 год 125
Пионерский сбор 125
Пять рублей глупости или 128
На материк 134

Глава 7. Деревня моя, деревенька 139
1967 (июнь–июль) – 139
Деревня моя, деревенька... 139
Всё началось с музыки 144
Пески 149

Коротко об авторе 159